

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА

1

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

НАПОЛЕОНЪ

Т. I

НАПОЛЕОНЪ —
— ЧЕЛОВѢКЪ.

БѢЛГРАДЪ.

1929 г.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

Наполеонъ.

Т. I.

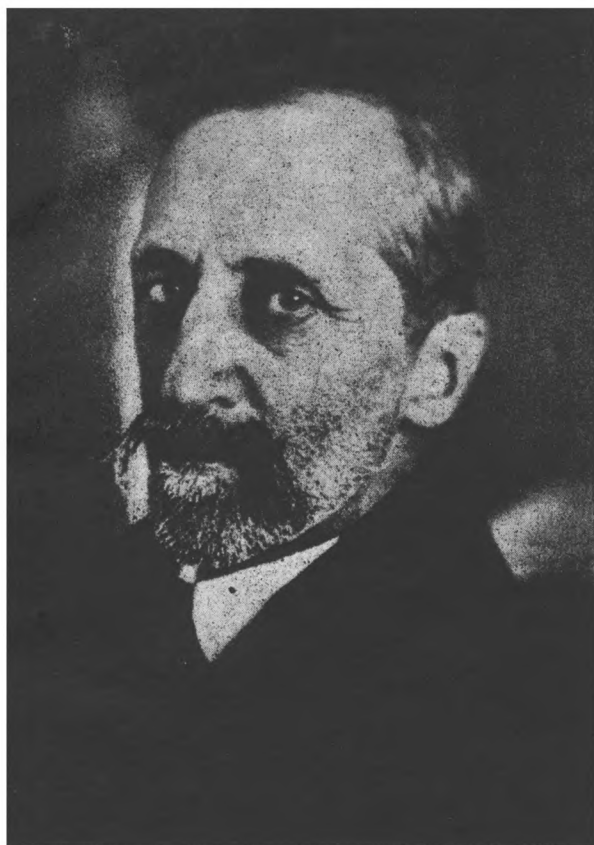
Наполеонъ — человекъ.

Б ѣ л г р а д ъ
1929 г.

Печатается въ количествѣ 2.000 экземпляровъ.

Портретъ автора съ фотографіи, святой въ 1928 г. въ г. Бѣлградѣ

Обложка работы Б. А. БЛЕЗЕ

J. Meperovskii

Судьи Наполеона.

Свершитель роковой безвѣстнаго вѣдѣнья.

Пушкинъ.

Показать лицо человѣка, дать заглянуть въ душу его, — такова цѣль всякаго жизнеописанія, „жизни героя“, по Плутарху.

Наполеону, въ этомъ смыслѣ, не посчастливилось. Не то, чтобы о немъ писали мало — напротивъ, столько, какъ ни объ одномъ человѣкѣ нашего времени. Кажется, уже сорокъ тысячъ книгъ написано, а сколько еще будетъ? И нельзя сказать, чтобы безъ пользы. Мы знаемъ безконечно-много о войнахъ его, политикѣ, дипломатіи, законодательствѣ, администраціи; объ его министрахъ, маршалахъ, братьяхъ, сестрахъ, женахъ, любовницахъ, и даже кое-что о немъ самомъ. И вотъ что странно: чѣмъ больше мы узнаемъ о немъ, тѣмъ меньше знаемъ его.

„Этотъ великій человѣкъ становится все болѣе неизвѣстнымъ“, говоритъ Стендаль, его современникъ.¹

„Исторія Наполеона — самая неизвѣстная изъ всѣхъ исторій“, говоритъ нашъ современникъ, Леонъ Блуа.²

Это значитъ: въ теченіе больше ста лѣтъ, „неизвѣстность“ Наполеона возрастаетъ.

Да, какъ это ни странно, Наполеонъ, при всей своей славѣ, невѣдомъ. Сорокъ тысячъ книгъ — сорокъ тысячъ могильныхъ камней, а подъ ними „неизвѣстный солдатъ“.

Можетъ быть, это происходитъ и оттого, что, по слову Гераклита, „конца души не найдешь, пройдя весь путь, — такъ глубока“. Мы вѣдь и души самыхъ близкихъ людей не знаемъ, — ни даже своей собственной души.

Или, можетъ быть, душа его вообще неуловима книгами: проходитъ сквозь нихъ, какъ вода сквозь пальцы? Тайна ея, подъ испытующимъ взглядомъ исторіи, только углубляется, какъ очень глубокія и прозрачныя воды подъ лучемъ прожектора.

Да, неизвѣстность Наполеона происходитъ и отъ этого; но, кажется, не только отъ этого. Въ чужую душу нельзя войти, но можно входить въ нее или проходить мимо. Кажется, мы проходимъ мимо души Наполеона.

Узнавать чужую душу, значить оцѣнивать ее, взвѣшивать на вѣсахъ своей души. А въ чьей душѣ вѣсы для такой тяжести, какъ Наполеонъ?

„Я ни съ чѣмъ не могу сравнить чувства, испытаннаго мною въ присутвіи этого колоссальнаго существа“, вспоминаетъ одинъ современникъ, даже не очень большой поклонникъ его, скорѣе обличитель.¹ Таково впечатлѣніе всѣхъ, кто приближается къ нему, друзей и недруговъ одинаково: можетъ быть, это даже не величье, но ужъ навѣрное, огромность, несоизмѣримость его души съ другими человѣческими душами. Онъ среди насъ, какъ Гуливеръ среди Лиллипутовъ.

Маленькими глазками, увеличивающими, какъ микроскопы, Лиллипуты видятъ каждую клѣточку Гуливеровой кожи, но лица его не видятъ; оно имъ кажется страшнымъ и мутнымъ пятномъ; маленькими аршинами

могутъ они измѣрить тѣло его съ математической точностью; но вообразить, почувствовать себя въ этомъ тѣлѣ не могутъ.

Такъ мы не можемъ себя почувствовать въ душѣ Наполеона. А вѣдь именно это и нужно, чтобы ее узнать: не увидѣвъ чужой души изнутри, ея не узнаешь.

Кажется, только одинъ человекъ могъ судить Наполеона, какъ равный равнаго, — Гете. Что Наполеонъ въ дѣйстви, то Гете въ созерцаніи: оба — устроители хаоса — Революціи. Вотъ почему въ дверяхъ изъ одной комнаты въ другую, изъ Среднихъ вѣковъ въ наше время, стоятъ они другъ противъ друга, какъ двѣ исполинскихъ каріатиды.

„Въ жизни Гете не было большаго событія, чѣмъ это *реальнѣйшее существо*, называемое Наполеономъ“, говоритъ Нитцше.¹

„Наполеонъ есть краткое изображеніе міра“. — „Жизнь его — жизнь полубога. Можно сказать, что свѣтъ, озарявшій его, не потухалъ ни на минуту; вотъ почему жизнь его такъ лучезарна. Міръ никогда еще не видѣлъ и, можетъ быть, никогда уже не увидитъ ничего подобнаго“. ² Таковъ судъ Гете — Наполеону равнаго. А у насъ, неравныхъ, дѣло съ нимъ обстоитъ еще хуже, чѣмъ у Лиллипутовъ съ Гуливеромъ. Тутъ разница душъ не только въ величинѣ, ростѣ, количествѣ, но и въ качествѣ. У него душа *иная*, чѣмъ у людей, — *иной* природы. Вотъ почему онъ внушаетъ людямъ такой непонятный, ни на что земное непохожий, какъ бы нездѣшній, страхъ.

„Страхъ, внушаемый Наполеономъ“, говоритъ госпожа де-Сталь, „происходитъ отъ особаго дѣйствія личности его, которое испытывали всѣ, кто къ нему приближался. Я въ своей жизни встрѣчала людей достойныхъ уваженія и презрѣнныхъ; но въ томъ впечатлѣніи, которое производилъ на меня Бонапартъ, не было ничего напоминающаго ни тѣхъ, ни другихъ“. — „Скоро я за-

мѣтила, что личность его неопредѣлима словами, которыя мы привыкли употреблять. Онъ не былъ ни добрымъ, ни злымъ, ни милосерднымъ, ни жестокимъ, въ томъ смыслѣ, какъ другіе люди. Такое существо, не имѣющее себѣ подобнаго, не могло собственно ни внушать, ни испытывать сочувствія; это былъ больше или меньше, чѣмъ человѣкъ: его наружность, умъ, рѣчи — все носило на себѣ печать какой-то чуждой природы“.¹

„Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной“, понялъ Наполеона никогда не видѣвшій его, семнадцатилѣтній русскій мальчикъ, Лермонтовъ. „Существо реальнѣйшее“, вошедшее въ міръ, какъ никто, владыка міра — „міру чуждъ“. — „Царство мое не отъ міра сего“, могъ бы сказать и онъ, хотя, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ это было однажды сказано.

Эту „иную душу“ въ себѣ онъ и самъ сознаетъ. „Я всегда одинъ среди людей“, предсказываетъ всю свою жизнь никому невѣдомый, семнадцатилѣтній артиллерійскій поручикъ Бонапартъ.² И потомъ, на высотѣ величья: „я не похожъ ни на кого; я не принимаю ни чьихъ условій“.³ И о государственномъ человѣкѣ — о себѣ самомъ: „онъ всегда одинъ, съ одной стороны, а съ другой — весь міръ“.⁴

Это „иная душа“ не только устрашаетъ, отталкиваетъ людей, но и притягиваетъ; внушаетъ имъ то любовь, то ненависть. „Всѣ любили меня и всѣ ненавидѣли“.

Божій посланникъ, мученикъ за человѣчество, новый Прометей, распятый на скалѣ Св. Елены, новый Мессія; и разбойникъ внѣ закона, Корсиканскій людоедъ, апокалипсическій звѣрь изъ бездны, антихристъ. Кажется, ни изъ-за одного человѣка такъ не боролась любовь и ненависть. Противоположные лучи ихъ скрещиваются на лицѣ его слишкомъ ослѣпительно, что бы мы могли его видѣть. Видитъ ли онъ самъ себя?

„Тысячелѣтія пройдутъ, прежде чѣмъ повторятся

такія обстоятельства, какъ мои, и выдвинуть другого человѣка, подобнаго мнѣ“. ¹ Онъ говоритъ это безъ гордости, или гордость его такъ похожа на смиреніе, что ихъ почти не различить.

„Если бы мнѣ удалось сдѣлать то, что я хотѣлъ, я умеръ бы со славой величайшаго человѣка, какой когда либо существовалъ. Но и теперь, при неудачѣ, меня будутъ считать человѣкомъ необыкновеннымъ“. ² Это, пожалуй, слишкомъ смиренно. А вотъ еще смиреннѣе: „скоро меня забудутъ; мало найдутъ историки, что обо мнѣ сказать“. ³ — „Если бы въ Кремлѣ пушечное ядро убило меня, я былъ бы такъ же великъ, какъ Александръ и Цезарь, потому что мои учрежденія, моя династія удержались бы во Франціи... тогда какъ теперь я буду почти ничѣмъ“. ⁴ Это онъ говоритъ на Св. Еленѣ живой въ гробу; говоритъ о себѣ спокойно, безстрастно, какъ о третьемъ лицѣ, какъ живой о мертвомъ, или еще покойнѣе, какъ мертвый о живомъ. „Чуждый міру“, чуждъ и себѣ. Смотритъ на себя со стороны: я для него уже не я, а *онъ*.

Кажется иногда, что онъ и самъ себя не знаетъ такъ же какъ мы — его. Знаетъ только, что тяжело землѣ носить такого, какъ онъ. „Когда я умру, весь міръ вздохнетъ съ облегченіемъ: „уфъ!““. ⁵ — „Будущее покажетъ, не лучше ли было бы для спокойствія міра, чтобы меня никогда не существовало“. ⁶

Это съ одной стороны, а съ другой: „пожалѣютъ, пожалѣютъ когда нибудь люди о моихъ несчастяхъ и моемъ паденьи!““. ⁷ — „Будете плакать обо мнѣ кровавыми слезами!““. ⁸

Fu vera gloria?

Ai posteri ardua sentanzia.

Была ли слава его истинной?

Трудный судъ надъ ней принадлежитъ потомкамъ⁹.

Но и потомки оказались не лучшими судьями, чѣмъ современники.

„Чудовищная помѣсь пророка съ шарлатаномъ“. — „Лживъ, какъ военный бюллетень“, это недаромъ во дни его сдѣлалось пословицей. — „Крѣпкая, ясная, простая итальянская природа его разложилась въ мутной атмосферѣ французскаго фанфаронства“. Изолгался окончательно и „провалился въ пустоту“ — „Бѣдный Наполеонъ! Нашъ послѣдній герой!“ Таковъ судъ Карлейля въ его знаменитой книгѣ „Поклоненіе героямъ“. Если судъ вѣренъ, то трудно понять, какъ могъ очутиться въ сонмѣ героевъ этотъ „провалившійся въ пустоту шарлатанъ“. Впрочемъ, образъ Наполеона начерченъ здѣсь такъ скудно, грубо и поверхностно, что едва ли стоитъ долго останавливаться на немъ.

Тѣмъ сильнѣе Карлейля. Книга его о Наполеонѣ, кажется и есть то послѣднее, что легло на душу читателей и не скоро изъ нея изгладится.¹ Дѣйствию своимъ на умы и сердца книга эта обязана, можетъ быть, не столько таланту и учености автора, сколько своему созвучью съ духомъ времени: Тѣмъ высказалъ о Наполеонѣ то, что у всѣхъ было на умѣ.

„Безмѣрный во всемъ, но еще болѣе странный, не только преступаетъ онъ за всѣ черты, но и выходитъ изъ всѣхъ рамокъ; своимъ темпераментомъ, своими инстинктами, своими способностями, своимъ воображеніемъ, своими страстями, своею нравственностью, онъ кажется отлитымъ въ особой формѣ, изъ другого металла, чѣмъ его сограждане современники“.² По глубинѣ и широтѣ геніальныхъ замысловъ, по героической силѣ духа, ума и воли, со временъ Цезаря не было ничего подобнаго“.

Таково начало, а вотъ конецъ: „дѣло Наполеоновской политики есть дѣло эгоизма, которому служить геній; въ его обще-европейскомъ зданіи, такъ же какъ во французскомъ, надо всѣмъ господствовавшій эгоизмъ испортилъ всю постройку“. Наполеонъ, среди людей, — „великолѣпный хищный звѣрь, пущенный въ мирножу-

ющее стадо“. — „Онъ обнаруживаетъ безмѣрность и свирѣпость своего самолюбія“, когда въ 1813 году, въ Дрезденѣ, говоритъ Меттерниху: „такой человѣкъ, какъ я, плюетъ на жизнь милліона людей!“ — „Положительно, съ такимъ характеромъ, какъ у него, нельзя жить; геній его слишкомъ великъ и зловреденъ; чѣмъ больше, тѣмъ зловреднѣе“. — „Это эгоизмъ, выросшій въ чудовище и воздвигшій среди человѣческаго общества колоссальное я, которое удлиняетъ постепенно, кругами, свои хищныя и цѣпкія щупальцы; всякое сопротивленіе оскорбляетъ его, всякая свобода стѣсняетъ и, въ присвоемой себѣ безграничной области, оно не терпитъ никакой жизни, если только она не придатокъ и не орудіе его собственной жизни“.¹ Другими словами, исполинскій паукъ, захватившій міръ въ свои лапы и сосущій его, какъ муху, или адская машина, изобрѣтенная діаволомъ, чтобы разрушить міръ; или, наконецъ, апокалипсическій звѣрь, выходящій изъ бездны; „Наполеонъ-Аполліонъ, Губитель“, какъ толковали имя его тогдашніе начетчики Апокалипсиса.

„Вотъ видите, матушка, какое вы породили чудовище!“ смѣялся онъ, читая подобныя пасквили.²

Въ 1814 году, послѣ перваго отреченья, когда комиссары союзниковъ везли его на островъ Эльбу, роялисты, въ маленькомъ городкѣ Прованса, Оргонѣ, сколотили вистѣлицу и повѣсили на ней чучело Наполеона, подъ крики толпы: „долой Корсиканца! долой разбойника!“ А Оргонскій мэръ говорилъ рѣчь: „я его своими руками повѣшу, отомщу за то, что было тогда!“ Тогда, при возвращеніи Бонапарта изъ Египта, тотъ же мэръ, произнося ему привѣтственную рѣчь, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ.³

Нѣчто подобное происходитъ и съ Тэнномъ: въ началѣ книги, онъ поклоняется герою, а въ концѣ — вѣщаетъ чучело его.

„Привычка къ самымъ жестокимъ фактамъ менѣе

сушить сердце, чѣмъ отвлеченности: военные люди лучше адвокатовъ“, говариваль Наполеонъ, какъ будто предчувствовалъ, что сдѣлають съ нимъ „адвокаты“ — „идеологи“. ¹

Знаменье времени — то, что на книгу Тэна никто не отвѣтилъ, цотому что безпомощную, хотя и добросовѣстную, книгу Артюрь-Леви, гдѣ доказывается, что Наполеонъ есть ничто иное, какъ „добрый буржуа до мозга костей“, нельзя считать отвѣтомъ. ²

И еще знаменье: въ приговорѣ надъ Наполеономъ Востокъ согласился съ Западомъ, съ невѣрующимъ Тэномъ — вѣрующій Л. Толстой. Судъ надъ Наполеономъ пьянаго лакея Лаврушки въ „Войнѣ и мирѣ“ совпадаетъ съ приговоромъ самого Толстого: Наполеонъ совершаетъ только „счастливыя преступленія“. — У него „блестящая и самоувѣренная ограниченность“. — „Ребяческая дерзость и самоувѣренность приобрѣтають ему великую славу“. У него „глупость и подлость, не имѣющія примѣровъ“; „последняя степень подлости, которой учится стыдиться всякій ребенокъ“. ³

Русскому пророку такъ же никто не отвѣтилъ, какъ европейскому ученому. И чловѣческое стадо жадно ринулось, куда поманили его пастухи. „Толпа въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабости могучаго: „онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы!“ Врете, подлецы: онъ малъ и мерзокъ — не такъ, какъ вы — иначе!“ (Пушкинъ).

Леонъ Блуа — совершенная противоположность Тэну и Л. Толстому. Книга его „Душа Наполеона“, странная, смутная, безмѣрная, иногда почти безумная, но гениально-глубокая, — одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ о Наполеонѣ. ⁴

Острота и новизна ея въ томъ, что авторъ дѣлаеть методомъ историческаго познанія миѡъ, — кажущійся миѡъ, дѣйствительный религіозный опытъ, свой личный и всенародный. Онъ знаетъ, какъ знали посвященные въ

Елевзинскія таинства, что миѡ — не лживая басня, а вѣщій символъ, прообразъ утаенной истины, покровъ на мистеріи, и что не поднявъ его, не проникнешь въ нее. Черезъ душу свою и своего народа — къ душѣ героя, черезъ Наполеоновъ миѡ — къ Наполеоновой мистеріи, — таковъ путь Блуа.

„Наполеонъ необъяснимъ; самый необъяснимый изъ людей, потому что онъ прежде и больше всего, прообразъ Того, Кто, долженъ придти и Кто, можетъ быть, уже недалеко; прообразъ и предтеча, совсѣмъ близкій къ намъ“. — „Кто изъ насъ, французовъ или даже иностранцевъ конца XIX-го вѣка, не чувствовалъ безмѣрной печали въ развязкѣ несравненной Эпопеи? Кого изъ обладающихъ только атомомъ души не угнетала мысль о паденіи, во-истину, слишкомъ внезапно, великой Имперіи съ ея Вождемъ? Не угнетало воспоминаніе, что еще только вчера люди, казалось, были на высочайшей вершинѣ чело-вѣчества и, благодаря одному лишь присутствію этого Чудеснаго, Возлюбленнаго, Ужаснаго, какого никогда не было въ мірѣ, могли считать себя, какъ первые люди въ раю, владыками всего, что создалъ Богъ подъ небомъ, и что сейчасъ послѣ этого надо было снова упасть въ старую грязь Бурбоновъ?“.¹

Потерянный и возвращенный рай, — вотъ покровъ Наполеонова миѡ надъ мистеріей; вотъ гдѣ душа народа соприкоснулась съ душой героя.

„Бредъ сумасшедшаго или лубочная картинка“, можетъ быть, рѣшилъ бы Тэнъ о книгѣ Блуа, и былъ бы неправъ. Не бываетъ ли, не была ли отъ 1793 до 1815 „психологія массъ“ похожа на „бредъ сумасшедшаго“, и „лубочная картинка“ не драгоцѣнный ли документъ для историка? Тѣмъ-то и драгоцѣненъ Блуа, что продолжаетъ въ душѣ своей Наполеонову „психологію массъ“, воскрешаетъ Наполеоновъ миѡ. Когда онъ говоритъ о „своемъ Императорѣ“, на глазахъ у него блестятъ такія же слезы, какъ у старыхъ усачей-гренаде-

ровъ Великой Арміи; тѣмъ-то онъ и драгоцѣненъ, что доказываетъ, что Наполеонъ все еще живъ, въ душѣ французовъ, въ душѣ Франціи, и, можетъ быть, даже сейчасъ живѣе, чѣмъ когда-либо; что все еще изъ-подъ сорока тысячъ книгъ — могильныхъ камней — встаетъ Неизвѣстный Солдатъ:

Изъ гроба встаетъ Императоръ.

„И то важно знать не однимъ французамъ, но и всѣмъ европейцамъ, потому что Герой можетъ имъ всѣмъ понадобится: „будете плакать обо мнѣ кровавыми слезами“!

Блуа считаетъ себя „добрымъ католикомъ“, а добрые католики считаютъ его злѣйшимъ еретикомъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнья, что онъ христіанинъ, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ быть христіаниномъ. Но иногда и христіанину трудно рѣшить, молится ли Блуа или кощунствуетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ слишкомъ легко и смѣло рѣшаетъ, что Наполеонъ есть „предтеча Того, Кто долженъ придти“, — Кого именно, остается неяснымъ, но, кажется, — Параклета, новаго Адама, который возвратитъ ветхому Адаму, человѣчеству, потерянный рай. Слишкомъ легко и безболѣзненно рѣшаетъ онъ: „я не могу себѣ представить рая безъ моего Императора“. ¹ Наполеонъ въ раю, рядомъ съ Жанною д' Аркъ — это не только для „добрыхъ католиковъ“ — не доказанное, а подлежащее доказательству. Въ томъ-то и вопросъ, какъ соединить Жанну д' Аркъ съ Наполеономъ въ раю.

Трудно также рѣшить, молится ли Блуа или кощунствуетъ, когда говоритъ: „глянулъ Богъ въ кровавое зеркало войны, и оно отразило Ему лицо Наполеона. Богъ любитъ его, какъ свой собственный образъ; любитъ „этого Насильника, также какъ Своихъ кротчайшихъ Апостоловъ, Мучениковъ, Исповѣдниковъ“. ²

Да, можетъ быть, это и кощунство; но, прежде чѣмъ рѣшать, вспомнимъ: „Я топталъ точило одинъ, и никого изъ народовъ не было со Мною; и Я топталъ ихъ во гнѣвѣ Моемъ, и попиралъ ихъ въ ярости Моей; кровь ихъ брызгала на ризы Мои, и Я запятналъ все одѣянье Свое“. (Ис. 63).

Вотъ почему и кротчайшій изъ Апостоловъ помнитъ, что „страшно впасть въ руки Бога живого“. Если бы и мы этого не забывали, то можетъ быть, не отразился бы въ наши дни ликъ Божій въ кровавомъ зеркалѣ войны такъ ужасно, какъ еще никогда.

Во всякомъ случаѣ, нельзя дѣлать, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, одного Наполеона отвѣтственнымъ за 2.000.000 людей погибшихъ въ войнахъ его ¹. Получивъ въ наслѣдство отъ Революціи войну Франціи съ легитимной Европой, онъ не могъ бы ее прекратить, если бы даже хотѣлъ. Когда онъ говоритъ: „будь я побѣжденъ подъ Моренго, 1814 и 1815 годы наступили бы тогда же“, онъ правъ ². Язву гражданской войны онъ исцѣлилъ на тѣлѣ, можетъ быть, не только Франціи, но и всей Европы, а мы теперь знаемъ по опыту, насколько гражданская война ужаснѣе международной. Наполеоновскія войны — дѣтская игра, по сравненію съ великой международной и русской гражданской войной, въ которой убито 15 милліоновъ, 30 — погибло отъ эпидемій, 5 — отъ голода. И этому нисколько не помѣшало, а можетъ быть и помогло то, что Наполеона среди насъ не было.

Какъ бы то ни было, Блуа несомнѣнно правъ въ одномъ: исторія Наполеона или навсегда останется „самою темною изъ всѣхъ исторій“, или освѣтится свѣтомъ христіанства, потому что Наполеоновъ миѣ все еще близко въ душѣ народа, къ христіанской мистеріи, а къ душѣ героя нѣтъ иного пути, какъ черезъ душу народа. Это значитъ что послѣднимъ судомъ будутъ судить Наполеона не „адвокаты-идеологи“, авторы сорока тысячъ

книгъ; не тѣ, кто говоритъ, а тотъ, кто молчитъ, — народъ.

Что же думаетъ народъ о Наполеонѣ? Это трудно узнать не только потому, что народъ молчитъ, но и потому, что мысли его слишкомъ далеки отъ нашихъ.

Народъ называетъ Наполеона просто „Человѣкомъ“, „Г.Нопте“, какъ будто желая этимъ сказать, что онъ больше другихъ людей исполнилъ мѣру челоѣчества; и еще—„маленькимъ капраломъ“, давая тѣмъ понять, что онъ простымъ людямъ свой братъ. И съ этимъ герою соглашается: „я слылъ страшнымъ челоѣкомъ только въ вашихъ гостинныхъ, среди офицеровъ, и, можетъ быть, генераловъ, но отнюдь не среди нижнихъ чиновъ: у нихъ былъ вѣрный инстинктъ правды и сочувствія; они знали, что я ихъ заступникъ и никому въ обиду не дамъ“. ¹ — „Народныя струны отвѣчаютъ моимъ; я вышелъ изъ народа, и мой голосъ дѣйствуетъ на него. Взгляните на этихъ новобранцевъ крестьянскихъ дѣтей: я имъ не льстилъ; я былъ съ ними суровъ, а они все-таки шли за мной, кричали мнѣ: „виватъ императоръ“!. Это потому, что у меня съ ними одна природа“. ²

Да люди шли за нимъ, какъ за однимъ челоѣкомъ воть уже двѣ тысячи лѣтъ; шли черезъ моря и рѣки, черезъ горы и степи, отъ Пирамидъ до Москвы; пошли бы и дальше, до края земли, если бы онъ ихъ повелъ; шли, терпя несказанныя муки, жажду, голодъ, холодъ, зной, болѣзни, раны, смерть, — и были счастливы. И онъ это зналъ: „какъ ни велико было мое матеріальное могущество, духовное — было еще больше: оно доходило до магіи“. ³

Когда онъ говоритъ въ огнѣ сраженія: „солдаты, мнѣ нужна ваша жизнь, и вы должны мнѣ ея пожертвовать“, люди знаютъ, что *должны*. „Никогда никому солдаты не служили такъ вѣрно, какъ мнѣ. Съ послѣдней каплей крови, вытекавшей изъ ихъжилъ, они кричали: „виватъ императоръ“!“. ⁴

За человѣческую память не было такого ужаса, какъ гибель шестисоттысячной Великой Арміи въ русскомъ походѣ 1812 года. Наполеонъ зналъ, знала вся армія, что не пожаръ Москвы, не морозъ, не измѣна союзниковъ виноваты въ этой гибели, а онъ, онъ одинъ. Что же возмущалась, роптала? Нѣтъ, только старыя усачи-гренадеры тихонько ворчали, а все-таки шли, теперь уже не за нимъ, а рядомъ съ нимъ, потому что онъ шелъ среди нихъ пѣшкомъ, по снѣгу, съ палкой въ рукахъ. „На Березинѣ оставалась только тѣнь Великой Арміи; но онъ все еще былъ въ ней тѣмъ же, что надежда въ сердцѣ человѣка“. Идучи рядомъ съ солдатами, ничего не боялся отъ нихъ, говорилъ съ ними ласково, и они отвѣчали ему такъ же. „Скорѣе обратили бы оружіе на себя, чѣмъ на него“. — „Падали и умирали у ногъ его, но и въ предсмертномъ бреду не роптали на него, а молились“. ¹

Франція содрогнулась отъ ужаса, когда получила 29-ый бюллетень о гибели Великой Арміи. Въ концѣ его было сказано: „здравіе его величества никогда не было въ лучшемъ состояніи“. — „Семьи, осушите слезы: Наполеонъ здоровъ!“ горько смѣялся Шатобріанъ. ² А простые люди плакали, когда Наполеонъ, вернувшись въ Парижъ, говорилъ имъ передъ новымъ наборомъ: „вы меня избрали, я дѣло вашихъ рукъ, вы должны меня защищать!“ ³

Въ кампаніи 1812 погибло 300.000 человѣкъ, а новый наборъ объявленъ въ 180.000. Только очень молодые люди попали въ него: старшихъ давно уже забрали. „Эти храбрыя дѣти жаждутъ славы: ни направо, ни налѣво не смотрятъ, а всегда впередъ“, восхищался ими маршалъ Ней; восхищался ими и Наполеонъ: „храбрость изъ нихъ такъ и брызжетъ!“ ⁴

Когда же и эти погибли подъ Лейпцигомъ, пришлось забирать на 1814 уже совсѣмъ молоденькихъ мальчиковъ безусыхъ, похожихъ на дѣвочекъ, — „Мари-

Луизъ“. Многіе изъ нихъ и ружья зарядить не умѣли. Но въ нѣсколько дней похода доросли до старыхъ солдатъ 96-го, побѣдителей міра.

Что говоритъ одинъ современникъ о триумфальномъ шествіи Наполеона съ Эльбы въ Парижъ, можно бы сказать о всей его жизни: „шествіе человѣческихъ множествъ за нимъ, какъ огненный слѣдъ метеора въ ночи“. ¹

Народъ вѣренъ ему до конца, и послѣ Ватерлоо пошелъ бы за нимъ. На пути изъ Мельмезона въ Рошфоръ — на Св. Елену, — толпы за нимъ бѣжали и кричали сквозь слезы: „вивать императоръ! Оставайтесь, оставайтесь съ нами!“ ²

Члены палатъ, министры, маршалы, братья, сестры, любовницы — всѣ измѣняютъ ему, а народъ вѣренъ. Чѣмъ люди выше, ближе къ нему, тѣмъ хуже видятъ его, меньше любятъ; чѣмъ ниже, дальше отъ него, тѣмъ видятъ лучше и любятъ больше: „утаилъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ“.

Старую негритянку-египтянку роялисты въ Марселѣ, во время бѣлаго террора 1815, заставили кричать: „вивать король!“ Но она не хотѣла — кричала: „вивать императоръ!“ Ее повалили ударомъ штыка въ животъ. Она приподнялась и, держа обѣими руками выпадавшія внутренности, крикнула: „вивать императоръ!“ Ее бросили въ вонючую воду стараго порта; и утопая, въ послѣдній разъ она вынырнувъ, крикнула: „вивать императоръ!“ ³

Да, люди такъ никого не любили, такъ не умирали ни за кого, вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ.

Страшно то, что онъ говоритъ: „такой человѣкъ, плюетъ на жизнь милліона людей!“ Но, можетъ быть, еще страшнѣе то, что милліоны людей отвѣчаютъ ему: „мы плюемъ на свою жизнь за такого человѣка, какъ ты!“

Что же они любятъ въ немъ? За что умираютъ? За Отечество, за Человѣка, Брата? Да, но и еще за что-то большее.

Кажется, вѣрно угадалъ поэтъ, за что умирала
Старая Гвардія подъ Ватерлоо.

Comprenant qu'ils allaient mourir dans cette fête,
Saluerènt leur dieu, debout dans la tempête
И, зная, что умрутъ, привѣтствуютъ его,
Стоящаго въ грозѣ, какъ *бога своего*.¹

Но, если бы тѣмъ двумъ гренадерамъ, которые
подъ Сэнъ-Жанъ-д'Акромъ покрыли его своими тѣлами,
чтобы защитить отъ взрыва бомбы, сказали, что онъ
для нихъ богъ, они бы не поняли и, можетъ быть, раз-
смѣялись бы, потому что, какъ старые, добрые санкю-
лоты, ни въ какого Бога не вѣрили.²

Въ ночь наканунѣ Аустерлица, когда императоръ
объѣзжалъ войска, солдаты вспомнили, что этотъ день —
первая годовщина коронованья, зажгли привязанные
къ штыкамъ пуки соломы и сучья бивуачныхъ кост-
ровъ, привѣтствуя его восемьдесятю тысячами факеловъ.³ Онъ уже зналъ, и черезъ него знала вся армія
вѣщимъ предзнаніемъ — Наполеоновскимъ гениемъ, что
завтрашнее „солнце Аустерлица“ взойдетъ, лучезарное.
Такъ и сказано въ бюллетенѣ: „le soleil se leva radieux.
Солнце взошло, лучезарное“. Но какому солнцу покло-
нялись на этой огненной всеночной, люди не знали. Если
бы жили не въ XIX-мъ вѣкѣ по Р. Х., а во II—III-мъ, то зна-
ли бы: богу Митрѣ, Непобѣдимому Солнцу—Sol Invictus.

Бѣдному „идеологу“, Ницше надо было сойти съ
ума, чтобы это узнать: „Наполеонъ — послѣднее воп-
лощенье бога солнца, Аполлона“. И мудрый Гете это,
кажется зналъ, когда говорилъ: „свѣтъ, озарявшій его,
не потухалъ ни на минуту; вотъ почему судьба его такъ
лучезарна, — такъ солнечна.

„Холодно тебѣ, мой другъ?“ Спросилъ Наполеонъ
старога гренадера, шедшаго рядомъ съ нимъ на Бере-
зинѣ, въ двадцатиградусный морозъ. „Нѣтъ, государь,
когда я на васъ смотрю, мнѣ тепло“, отвѣтилъ тотъ.⁴

Такъ могъ бы отвѣтить древній египтянинъ своему фараону, богу солнца: „воистину, изъ Солнца изшелъ ты, какъ дитя изъ чрева матери“. ¹

Солнечный миѡ о страдающемъ бого-человѣкѣ — Озирисѣ, Таммузѣ. Діонисѣ, Адонисѣ, Аттисѣ, Митрѣ — незапамятно - древній миѡ всего человѣчества — есть только покровъ на христіанской мистеріи.

Солнце восходитъ, лучезарное, а заходитъ въ крови закланной жертвы; солнце Аустерлица заходитъ на Св. Еленѣ. Св. Елена больше, чѣмъ вся остальная жизнь Наполеона: всѣ его побѣды, славы, величье — только для нея; жизнь его нельзя понять, увидѣть иначе. какъ сквозь нее.

Молится ли онъ или кощунствуетъ, когда говоритъ на Св. Еленѣ: „Иисусъ Христосъ не былъ бы Богомъ, если бы не умеръ на крестѣ!“ ² Какъ могли это сказать тѣ же уста, что сказали: „такой человѣкъ, какъ я плюетъ на жизнь милліона людей“! Или онъ самъ не знаетъ, что говоритъ? Пусть, — это все-таки не пустыя слова, а можетъ быть. самыя полныя, тяжкія, всѣ рѣшающія въ его судьбѣ.

Пусть ему самому кажется, что Св. Елена не жертва, а казнь. Объяснить и, можетъ быть, оправдать его, значить объяснить Св. Елену, показать, почему она все таки не казнь, а жертва, не гибель, а спасенье. Ничего подобнаго не могло быть въ судьбѣ Александра и Цезаря, а Наполеонъ безъ этого не былъ бы героемъ христіанской — все таки христіанской Франціи, все-таки христіанскаго человѣчества.

Такъ понялъ и народъ. Это и значить: Наполеоновъ миѡ — покровъ на христіанской мистеріи. „Я не могу себѣ представить рая безъ моего императора“, — это могъ бы сказать и народъ.

Когда Наполеонъ былъ на островѣ Эльбѣ, однажды трое солдатъ вошли въ Парижскій кабачокъ и спросили четыре стакана. „Да вѣдь васъ трое?“ удивился хозяинъ.

„Все равно, давай: четвертый подойдет!“ Четвертый — Наполеонъ.

Когда двое вѣрующихъ въ Него встрѣчались на улицѣ, одинъ спрашивалъ: „вѣришь ли въ Иисуса Христа?“ — „Вѣрю въ Него и въ Его воскресеніе!“ отвѣчалъ другой.¹

20 марта 1815 года, когда Наполеонъ вернулся въ Парижъ съ Эльбы, толпа внесла его на рукахъ въ Тюльерійскій дворецъ. „Тѣ, кто несъ его, были какъ сумасшедшіе, и тысячи другихъ были счастливы, когда имъ удавалось поцѣловать край одежды его или только прикоснуться къ нему. Мнѣ казалось, что я присутствую при воскресеніи Христа“.²

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели.

Можетъ быть, тѣ самые, которые подъ Сэнъ-Жанъ-д'Акромъ защитили его своими тѣлами отъ бомбы. Одинъ проситъ другого похоронить его въ чужой землѣ.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу,
То Онъ надъ могилою ѣдетъ,
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, Императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ.³

Это значить: Наполеонъ воскреснетъ и воскреситъ мертвыхъ.

„Я знавалъ въ дѣтствѣ старыхъ инвалидовъ, которые не умѣли отличить его (Наполеона) отъ Сына Божьяго“, вспоминаетъ Блуа.⁴

Если это кощунство, то, кажется, самъ Наполеонъ въ немъ неповиненъ. „Прошу меня не сразнивать съ

Богомъ. Подобныя выраженія такъ странны и неуважительны ко мнѣ, что я хочу вѣрить, что вы не думали о томъ, что писали“, говоритъ онъ неосторожному льстецу, морскому министру, Декре. ¹

Атеистомъ онъ не былъ, но и христіаниномъ тоже не былъ. „Я умираю въ апостолической римской религіи, въ лонѣ которой я родился“, пишетъ онъ въ своемъ завѣщаніи. ² Но, если онъ родился и умеръ въ христіанствѣ, то жилъ внѣ его — и даже такъ, какъ будто никогда христіанства не было. „Я предпочитаю магометанскую религію: она не такъ нелѣпа, какъ наша“. ³ Это сказано тамъ же, на Св. Еленѣ, а вѣдь и это тоже не пустыя слова.

Гете не совсѣмъ правъ, когда говоритъ, что Наполеонъ есть „краткое изображеніе міра“. Нѣтъ, не всего міра, а только одной половины его, — той, которую мы называемъ „языческою“, другая же, которую мы называемъ „христіанскою“, отъ Наполеона закрыта, темна для него, какъ для древникъ темень Аидъ, царство тѣней, ночная гемисфера небесъ. А что обѣ гемисферы — ночная и дневная — соединяются, этого онъ не знаетъ.

Думать, что Наполеонъ есть предтеча Христа Грядущаго, такъ же нелѣпо и нечестиво, какъ думать, что онъ предтеча Антихриста. Въ томъ-то и вся его трагедія, — и не только его, но и наша, ибо недаромъ онъ нашъ послѣдній герой, — что онъ самъ не знаетъ, чей онъ предтеча. Въ этомъ, въ главномъ, онъ — ни утверженіе, ни отрицаніе, а только вопросъ безъ отвѣта.

„Ну да, такой человекъ, какъ я, всегда богъ или дьяволъ!“ смѣется онъ, можетъ быть такъ, какъ люди иногда смѣются отъ страха. ⁴ Въ самомъ дѣлѣ, страшно для него и для насъ — не знать, кѣмъ посланъ этотъ послѣдній герой христіанскаго человечества, Богомъ или дьяволомъ.

„Наполеонъ — существо *демоническое*, говоритъ Гете, употребляя слово „демонъ“, въ древнемъ, язычес-

комъ смыслѣ: не богъ и не діаволъ; а кто-то между ними.

Герой Запада, Наполеонъ и самъ похожъ на западъ, вечеръ міра.

Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

Вотъ почему онъ такой неизвѣстный, таинственный.
Кажется то, что говорить о немъ Пушкинъ, — самое глубокое, что можно сказать:

Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья.

И вотъ почему такъ безсиленъ надъ нимъ человѣ-
ческій судъ.

Устроитель хаоса.

Что влечетъ людей къ Наполеону. Почему стремительный бѣгъ за нимъ человѣческихъ множествъ — „какъ огненный слѣдъ метеора въ ночи“.

Графъ Сегюръ, участникъ русскаго похода, описываетъ вѣздъ Мюратовой конницы въ еще нетронутую пламенемъ, но уже грозно-опустѣвшую Москву, 14 Сентября 1812 года: „съ тайнымъ трепетомъ слушали всадники стукъ подъ собой лошадиныхъ копытъ“ — единственный звукъ въ тишинѣ огромнаго и безлюднаго города; „съ удивленіемъ слушали только себя среди такого множества домовъ“. ¹

Въ этомъ „удивленьи“, „тайномъ трепетѣ“ — то же апокалипсическое чувство, какъ во всей Наполеоновской мистеріи; но началось оно еще раньше, въ Революціи, гдѣ достигаетъ иногда такой остроты, что соприкасается — конечно, безсознательно — съ христіанскою эсхатологіей первыхъ вѣковъ, съ чувствомъ міроваго конца: „скоро всему конецъ; будетъ новое небо и новая земля“. Въ чувствѣ этомъ — конецъ и начало времени вмѣстѣ; безконечная древность: „сорокъ вѣковъ смотреть на васъ съ высоты пирамидъ“, — и новизна безконечная, небывалость, единственность всѣхъ ощущеній: этого ничьи глаза еще не видѣли и уже не увидятъ. Радостный ужасъ, какъ передъ вторымъ пришествіемъ; изступленный вопль ясновидящихъ: „Маранъ аеа! Господь грядетъ“!

„Мы оставили за собой всѣхъ побѣдителей древности, — продолжаетъ вспоминать Сегюръ. — „Мы упоены были славою. Потомъ находила грусть: то ли изнеможенье отъ избытка столькихъ чувствъ, то ли одиночество на этой страшной высотѣ, неизвѣстность, въ которой мы блуждали на этихъ высочайшихъ вершинахъ, откуда открывалась передъ нами безграничная даль“.

Та же эсхатологія въ книгѣ Блуа: „люди были на высочайшей вершинѣ человѣчества, и, благодаря лишь присутствію этого Чудеснаго, Возлюбленнаго, Ужаснаго, какого никогда еще не было въ мірѣ, могли считать себя, какъ первые люди въ раю, владыками всего, что создалъ Богъ подъ небомъ“.

Вотъ что влечетъ людей къ Наполеону: древняя мечта о потерянномъ раѣ, о царствѣ Божьемъ на землѣ, какъ на небѣ, и новая — о человѣческомъ царствѣ свободы, братства и равенства.

Это значитъ: душа Наполеона — душа Революціи. Онъ молнія этой грозы: чудо морское, выброшенное на берегъ бездною.

Революція вскормила его, какъ волчица Ромула. И сколько бы ни проклиналъ онъ ее, ни убивалъ ее, онъ всегда возвращается къ ней и припадаетъ къ ея желѣзнымъ сосцамъ: кровь въ жилахъ его — волчье молоко Революціи.

Онъ — сама она во плоти: „я — французская Революція“, говорилъ онъ послѣ казни герцога Ангіенскаго, одного изъ самыхъ злыхъ и страшныхъ дѣлъ своихъ, — но не безумнаго: связь его съ царевубійствомъ 1793 года, Терроромъ, душой революціи, упрочена этою казнью. Ровъ Венсенскій, гдѣ разстрѣлянь невинный потомокъ Бурбоновъ, есть рубежъ между старымъ и новымъ порядкомъ; разрѣзъ пуповины, соединявшей новорожденнаго кесаря съ королевскою властью. Трупъ Ангіена для Бонапарта первая ступень на императорскій тронъ; кровь Ангіена для него императорскій пурпуръ.

„Только ослабляя всѣ другія власти, я упрочу мою — власть Революціи“, говоритъ онъ въ Государственномъ Совѣтѣ, по поводу своего коронованія.¹ И послѣ двусмысленной рѣчи Шатобріана въ Академіи о писателѣ Іосифѣ Шенье, цареубійцѣ 93-го года: „какъ смѣетъ Академія говорить о цареубійцахъ, когда я, коронованное лицо, которое должно ихъ ненавидѣть больше, чѣмъ она, обѣдаю съ ними и сижу въ Государственномъ Совѣтѣ рядомъ съ Камбасересомъ (государственнымъ канцлеромъ, бывшимъ членомъ Конвента, тоже цареубійцею).“² Истинное помазаніе новаго Кесаря не муро святѣйшей Ампулы, а революціонная воля народа. „Я не похитилъ короны; я поднялъ ее изъ грязи, и народъ возложилъ ее на мою голову; уважайте же волю народа.“³

„Я — Французская революція“, говоритъ онъ въ началѣ имперіи, а въ концѣ: „имперія есть Революція“.⁴

Революція — душа имперіи, ея динамика. Ею движется она, какъ тѣло душою. Только что имперія даетъ трещины, какъ проступаетъ сквозь нихъ огненная лава революціи.

„Надо снова надѣть ботфорты 93-го года“, говоритъ Наполеонъ въ 1814 году, во время нашествія Союзниковъ на Францію.⁵ И въ 1815, накануне Встерлоо: „императоръ, консулъ, солдатъ, — я все получилъ отъ народа.. Воля моя — воля народа; мои права — его“.⁶ И послѣ Ватерлоо, передъ отъѣздомъ въ Рошфоръ — послѣднимъ путемъ на Св. Елену: „европейскія державы воюють не со мной, а съ революціей“.⁷

Вотъ почему старый честный якобинецъ, членъ Комитета Общественнаго Спасенья, Донъ Кихоть и филантропъ 93-го года, Карно остается вѣренъ ему до конца. „Честь и благо Франціи не позволили мнѣ сомнѣваться, что дѣло Наполеона есть все-таки дѣло революціи“, объясняетъ эту вѣрность другой якобинецъ.⁸

„Отдѣлить, отдѣлить его отъ якобинцевъ“, повто-

рялъ въ суевѣрномъ ужасѣ императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ, когда получено было извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы: кажется, Александръ одинъ понималъ всю опасность того, что Наполеонъ снова сдѣлается, чѣмъ разъ уже былъ — воплощенной Революціей, „Робеспьеромъ на конѣ“.

Кромѣшный ужасъ, преисподнее лицо ея — лицо Медузы, отъ котораго все живое каменѣетъ, — знаетъ онъ, какъ никто. „Революція — одно изъ величайшихъ бѣдствій, какія только небо посылаетъ землѣ“. ¹ Къ революціонной „сволочи vile canaille“, у него отвращеніе, физическое и метафизическое вмѣстѣ. 10 августа, 1792, глядя съ Карусельной площади, какъ толпа ломится въ Тюльерійскій дворецъ, онъ шепчетъ сквозь зубы, блѣднѣя: „*Che coglione!* О, сволочь! И какъ могли ихъ пустить. Разстрѣлять бы картечью сотни четыре-пять, и остальные разбѣжались бы“. ²

Страхъ челоуѣческаго онъ не знаетъ. Но блѣднѣетъ, „слушая рассказы о насильяхъ, до какихъ способенъ доходить взбунтовавшійся народъ. Если, во время поѣздокъ его верхомъ по Парижскимъ улицамъ, рабочій кидался передъ нимъ на колѣни, прося о какой нибудь милости, первымъ движеніемъ его было вздрогнуть и отшатнуться назадъ“. ³

„Злой челоуѣкъ, дурной челоуѣкъ! — говорилъ онъ о Руссо, надъ его могилой въ Эрменонвиллѣ. — Безъ него не было бы Французской революціи... Правда, и меня бы не было... но, можетъ быть, Франція была бы тѣмъ счастливѣе“. ⁴ — „Вашъ Руссо — сумасшедшій: это онъ довелъ насъ до такого состоянія“. ⁵ — „Будущее покажетъ, не лучше ли было бы для спокойствія міра, чтобы ни Руссо, ни меня никогда не существовало“. ⁶

Но онъ знаетъ, что революція не могла не быть, что тотъ же рокъ и въ ней, какъ и въ немъ. „Кажется, наша революція была неотвратимо-роковою, — нрав-

ственнымъ взрывомъ, столь же неизбежнымъ, какъ взрывъ физическихъ силъ, изверженіемъ вулкана“. ¹

Революція — хаосъ. Силы ея безконечно-разрушительны. Если дать ей волю, она разрушила бы человѣческой космосъ до основанія, до той „гладкой доски“, о которой поется въ Интернаціоналѣ. Чтобы спасти; космосъ, надо обуздать хаосъ. Это Наполеонъ и дѣлаетъ, и какъ бы мы ни судили о всѣхъ прочихъ дѣлахъ его, надо признать, что это дѣло — доброе, и даже святое, или, какъ сказали бы древніе „богоподобное“, потому что боги суть, по преимуществу, обуздатели и строители хаоса.

„Я закрылъ бездну анархіи, я устроилъ хаосъ: я очистилъ революцію“. ²

Космосъ питается хаосомъ; прекраснѣйшій космосъ — только устроенный хаосъ: это знаютъ боги, знаетъ и онъ, мнимый убійца революціи, ея дѣйствительный богъ Музогетъ.

„Вопреки всѣмъ своимъ ужасамъ, революція была истинной причиной нашего нравственнаго обновленія: такъ самый смрадный навозъ производитъ самыя благородныя растенія. Люди могутъ задержать, подавить на время это восходящее движеніе, но убить его не могутъ“. ³ — „Ничто не разрушить и не изгладить великихъ началъ Революціи; эти великія и прекрасныя истины останутся вѣчными: такую славою мы ихъ озарили, такими окружили чудесами... Онѣ уже безсмертны. Онѣ живутъ въ Великобританіи, озаряютъ Америку; едѣлались народнымъ достояніемъ Франціи: вотъ трехсвѣчникъ, съ которымъ возсіяетъ свѣтъ міра... Истины эти будутъ религіей всѣхъ народовъ, и, что бы ни говорили, эта памятная эра будетъ связана со мною, потому что я поднялъ свѣточъ ея, освѣтилъ ея начала, и теперь гоненія сдѣлали меня навсегда ея Мессією. Друзья и враги мои скажутъ, что я былъ первымъ солдатомъ революціи, ея великимъ вождемъ. И, когда меня не бу-

детъ, я все еще останусь для народовъ звѣздой ихъ правъ, и имя мое будетъ ихъ боевымъ кличемъ, надеждой въ борьбѣ“.¹

По слову Пушкина:

Онъ міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

Такъ ли это, что завѣщаль онъ міру, свободу и рабство.

Хаосъ революціи, отмѣняя низшій космосъ, прикасается въ одной исходной точкѣ своей, къ космосу высшему; на одно мгновенье вспыхиваетъ надъ полузвѣриннымъ, полубожескимъ лицомъ революціи огненный языкъ — „трижды свѣтящій свѣтъ“, „Das dreimal glühende Licht“:² *Свобода, Равенство, Братство* — Сынъ, Отецъ, Духъ. Но мгновенье проходитъ, свѣтъ потухаетъ, и третій членъ — Братство, синтезъ Свободы и Равенства — выпадаетъ изъ трехчленной діалектики: вмѣсто Братства — братоубійство, стукъ ножа на гильотинѣ: „Братство или смерть“.

Остается тезисъ и антитезисъ — Свобода и Равенство — въ неразрѣшимой антиноміи: свобода въ анархій или равенство въ рабствѣ; власть одного надъ всѣми или всѣхъ надъ однимъ; уничтоженіе общества въ хаосъ или уничтоженіе личности въ проклятомъ космосѣ.

Эту антиномію Наполеонъ, можетъ быть, смутно чувствовалъ, но не разрѣшилъ ея, а только устранилъ, пожертвовалъ свободой равенству.

„Лучше нарушить свободу, чѣмъ равенство. Это страсть вѣка, а я хочу быть сыномъ вѣка“.³ — „Равенство, только равенство, — таковъ соединяющій лозунгъ между нимъ и революціей“.⁴ — „Я хотѣлъ ввести систему всеобщаго равенства“.⁵ — „Мое главное правило: открытая дорога талантамъ, безъ различія рожденій и состояній. Вотъ за эту то систему равенства и ненавижу меня ваша (англійская) олигархія“.⁶ — „Сво-

бода — потребность немногихъ, избранныхъ... Ее можно стѣснять безнаказанно, а равенство любезно большинству“. ¹

Онъ ошибся; стѣснилъ свободу не безнаказно; она отомстила ему вѣчною тюрьмою — Св. Еленю. Не только немногіе, „избранные“ отшатнулись отъ него, возстали на него за свободу, но и цѣлые народы. „Торгашеская“ Англія, какъ онъ ее называль, оказалась защитницею міровой свободы.

Получилась роковая для него схема: смертный поединокъ между Англіей — моремъ — свободой, съ одной стороны, и Наполеономъ — сушей — равенствомъ, съ другой: между тезисомъ и антитезисомъ; а синтезъ выпалъ: всемірное братство народовъ — вся земная суша, окруженная морями, новый островъ Атлантида, потерянный и возвращенный рай“, — не удалось.

Кажется онъ и самъ сознаеть, говоря языкомъ человѣческимъ, для него недостаточнымъ, „вину“ свою передъ свободой.

„Клянусь, если я не даю Франціи больше свободы, то потому только, что думаю, что это для нея полезнѣе“. ² — „Мой деспотизмъ. Но историкъ докажетъ, что диктатура была необходима, что своеволье, анархія, великіе беспорядки стояли еще при дверяхъ“. ³ — Я могъ быть только коронованнымъ Вашингтономъ, въ сонмѣ побѣжденныхъ царей... Но этого нельзя было достигнуть иначе, какъ черезъ всемірную диктатуру; я къ ней и шелъ. Въ чемъ же мое преступленіе“. ⁴ И за два дня до смерти, уже почти въ бреду, въ такую минуту, когда люди не лгутъ: „я освятилъ всѣ начала (революціи); я перелилъ ихъ въ мои законы, въ мои дѣла... Къ несчастью, обстоятельства были суровы, принуждая и меня быть суровымъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ... Но подошли неудачи, я не могъ ослабить лука, и Франція была лишена свободныхъ учрежденій, которыя я предназначалъ для нея“. ⁵

Чтобы Наполеонъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, сдѣлался Вашингтономъ, мало вѣроятно. Но, можетъ быть, вина его передъ свободой все-таки меньше, чѣмъ это казалось его современникамъ.

Свобода и равенство — два явленія одной силы свѣтъ и тепло одного солнца. Истиннаго равенства нѣтъ безъ свободы, хотя бы только безъ искры ея, а Наполеонова „открытая дорога талантамъ“, основа современной демократіи, — истинное равенство. Люди, вообще, не выносятъ большой мѣры свободы, но и совсѣмъ безъ нея жить не могутъ. Очень малая мѣра ея дана въ Неполеоновомъ Кодексѣ, но зато такъ надежно и крѣпко, что всей европейской цивилизаціи надо рушиться, чтобы она была отнята у людей.

Демократія — плохенькій рай; но кто побывалъ въ аду — знаетъ, что лучше ада и плохенькій рай, и что малая свобода демократіи, по сравненію съ абсолютнымъ рабствомъ коммунизма тоже свѣжесть весенняго утра, по сравненію съ ледянымъ кругомъ Дантова ада или холодомъ междупланетныхъ пространствъ.

Можетъ быть, сейчасъ русскіе люди, побывавшіе въ аду коммунизма знаютъ о Наполеонѣ то, чего европейцы не знаютъ, и чего нельзя узнать изъ сорока тысячъ книгъ.

„Мнѣ надо было побѣдить въ Москвѣ“. ¹ — „Безъ этого пожара (Москвы), я бы достигъ всего“. ²

1812 — 1917. Въ томъ году началось, кончилось въ этомъ; можетъ быть, безъ того не было бы и этого. „Я объявилъ бы свободу крѣпостныхъ въ Россіи“. ³ Если бы онъ это сдѣлалъ, — можетъ быть, не было бы русской революціи, русскаго ада.

Кто поджегъ Москву? Русскіе „Сыны отечества“? Нѣтъ, выпущенные изъ тюремъ воры, убійцы и разбойники“. ⁴ „Люди съ дьявольскими лицами въ бушующемъ пламени — настоящій образъ ада“, вспоминаетъ Сегюръ. ⁵

„Какіе люди! Какіе люди! Это Скифы!“ повторялъ

Наполеонъ въ вѣщемъ ужасѣ. Скифы „съ раскосыми и жадными глазами“, ¹ готовы кинуться на Римъ, какъ волки на падаль. Наполеонъ это зналъ — онъ одинъ изъ всѣхъ европейцевъ.

Померкни, Солнце Аустерлица.
Пылай, великая Москва! ²

Москва запылала, и совершились пророчества.

„Какое несчастье мое паденье. Я завязалъ мѣхъ вѣтровъ, а вражій штыкъ опять его проткнулъ. Я могъ бы идти спокойно къ обновленію міра, а теперь оно совершится только въ буряхъ.“ ³ Можетъ быть, достаточно будетъ искры, чтобы вспыхнулъ міровой пожаръ“. Зарево этого пожара онъ и увидѣлъ въ Москвѣ.

„Русскіе суть варвары, у которыхъ нѣтъ отечества, и которымъ всѣ страны кажутся лучше той, гдѣ они родились.“ ⁴

„Вспомнятъ обо мнѣ, когда русскіе варвары овладѣютъ Европой, что не случилось бы безъ васъ, господа англичане“. ⁵ Мы теперь сказали бы: „безъ васъ, господа европейцы“.

„Будете плакать обо мнѣ кровавыми слезами!“ — „Франція больше нуждалась во мнѣ, чѣмъ я въ ней.“ ⁶ Эти слова Наполеона для Франціи все еще загадка, но не для Россіи.

Къ русскимъ онъ былъ не совсѣмъ справедливъ: не всѣ они „варвары“; есть среди нихъ и такіе, которые любятъ Европу и знаютъ ее, можетъ быть лучше самихъ европейцевъ.

Вотъ и сейчасъ видятъ русскіе то, чего европейцы не видятъ: страшно высоко надъ ними, — по этой высотѣ мы можемъ судить, въ какую мы сошли низину, въ какую пропасть сползли, — страшно - высоко надъ нами, по горамъ Запада, ѣдетъ Всадникъ, четко чернѣя на небѣ, красномъ отъ зарева. Кто онъ? Какъ не узнать.

На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Бдетъ шагомъ, смотритъ въ даль, на Востокъ, держитъ въ рукѣ обнаженную шпагу — сторожить. Что отъ кого? Европейцы не знаютъ, — знаютъ русскіе: святую Европу — отъ краснаго діавола.

Владыка міра.

„Идея всемірнаго объединенія людей есть идея европейскаго человѣчества; изъ нея составилаь его цивилизація, для нея одной оно и живетъ“, говоритъ Достоевскій въ „Дневникѣ Писателя“, и устами Великаго Инквизитора, о трехъ искушеніяхъ Христа — хлѣбомъ, чудомъ и властью: „потребность всемірнаго соединенія есть послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но, чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастливѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей“.

Достоевскій правъ: вѣчная и главная мука человѣчества — неутолимая жажда всемірности.

Если на первый взглядъ кажется, что единственно-реальныя существа въ исторіи суть существа національныя — „народы, племена, языки“, то, при болѣе глубоко́мъ взглядѣ, оказывается, что всѣ они только и дѣлають, что борются съ собой и другъ съ другомъ, преодолевають себя и другъ друга, чтобы образовать какое-то высшее существо, сверхнаціональное, всемірное; что всѣ они болѣе или менѣе чувствуютъ себя и другъ друга „разбросанными членами“, *membra distecta*, этого

бывшаго и будущаго тѣла; всѣ движутся въ исторіи, шевелятся, какъ звенья разрубленной, но не убитой змѣи, чтобы снова соединиться и срослись; или какъ мертвыя кости Іезекиилева поля: „произошелъ шумъ, и вотъ движеніе, и стали сближаться кость съ костью, а духа не было въ нихъ“.

Отъ основателя первой всемірной монархіи, вавилонскаго царя Сарганисара, Саргона Древняго (около 2800 г.), до Третьяго Интернаціонала, всемірная исторія есть шевеленіе этихъ змѣиныхъ обрубковъ, шумъ этихъ мертвыхъ костей.

Только-что человѣчество начинаетъ понимать себя, какъ уже мучается этою мукою — неутолимою жаждою всемірности. Древнія всемірныя монархіи — Египеть, Вавилонъ, Ассирія, Мидія, Персія, Македонія — рядъ попытокъ утолить ее, „устроиться непремѣнно всемірно“. Та же идея соединяетъ обѣ половины человѣчества, языческую и христіанскую; только въ эллино-римской всемірности могло осуществиться христіанство: Сынъ Человѣческой родился не случайно на всемірной землѣ Рима, подъ всемірной державой римскаго кесаря.

Дѣло всемірности, начатое языческимъ Римомъ, продолжаетъ Римъ христіанскій, до нашихъ дней, до Революціи. Революція отступила отъ христіанства во всемъ, кромѣ этого — всемірности. „Французская революція, въ сущности, была не болѣе, какъ послѣднимъ видоизмѣненіемъ и перевоплощеніемъ той же древне-римской формулы всемірнаго единенія“, говоритъ Достоевскій, но не договариваетъ: послѣднимъ воплощеніемъ всемірности была не сама революція, не хаосъ, а его обуздатель, Наполеонъ.

Дѣло всемірности есть главное и, можно сказать, единственное дѣло всей жзни его. Не понявъ этого, ничего нельзя въ ней понять. Всѣ его дѣла, мысли, чувства идутъ отъ этого и къ этому.

„Жагда всемірнаго владычества заложена въ при-

родъ его; можно ее видоизмѣнить, задержать, но уничтожить нельзя“, вѣрно угадываетъ Метернихъ.¹ И онъ же: „мнѣніе мое о тайныхъ планахъ и замыслахъ Наполеона никогда не измѣнялось: его чудовищная цѣль всегда была и есть — порабощеніе всего континента подъ власть одного“.²

Почему же эта цѣль „чудовищна“? Почему Наполеоново всемірное владычество „порабощеніе“? Потому что онъ „честолюбецъ“, „властолюбецъ“, какихъ міръ не видалъ.

Ставить Наполеону въ вину любовь къ власти, все равно что ваятелю — любовь къ мрамору, или музыканту — любовь къ звукамъ. Вопросъ не въ томъ, любить ли онъ власть, а въ томъ, для чего онъ любитъ ее, и что съ нею дѣлаетъ.

Властолюбіе сильная страсть, но не самая сильная. Изъ всѣхъ человѣческихъ страстей — сильнѣйшая, огненнѣйшая, раскаляющая душу трансцендентнымъ огнемъ, — страсть мысли; а изъ всѣхъ страстныхъ мыслей самая страстная та, которая владѣла имъ — „последняя мука людей“, неутолимѣйшая жажда ихъ — мысль о всемирности. Можетъ быть, это уже не страсть, а что-то большее, для чего у насъ нѣтъ слова, потому что вообще, какъ вѣрно замѣчаетъ госпожа де-Сталь, „личность Наполеона неопредѣлима словами“.

„Я хотѣлъ всеміраго владычества“, — признается онъ самъ. — „и кто на моемъ мѣстѣ не захотѣлъ бы его? Міръ звалъ меня къ власти. Государи и подданные сами устремлялись наперерывъ подъ мой скипетръ“.³

Онъ могъ бы сказать о мірѣ то же, что говорилъ о Франціи: „міръ больше нуждался во мнѣ, чѣмъ я въ немъ“.

Если это — „властолюбіе“, „честолюбіе“, то какого-то особаго порядка, не нашего, и нашими словами, въ самомъ дѣлѣ, неопредѣлимаго. Онъ и самъ хорошенько не знаетъ, есть ли оно у него. „У меня нѣтъ

честолюбія... а если даже есть, то такое естественное, врожденное, слитое съ моимъ существомъ, что оно, текущая въ моихъ жилахъ, какъ воздухъ, которымъ я дышу“¹. — „Мое честолюбіе?... О, да, оно, можетъ быть, величайшее и высочайшее, какое когда-либо существовало! Оно заключалось въ томъ, чтобы утвердить и освятить, наконецъ царство разума — полное проявленіе и совершенное торжество человѣческихъ силъ“².

Царство разума — царство всемірное. Какъ же онъ къ нему идетъ?

„Одной изъ моихъ величайшихъ мыслей было собираніе, соединеніе народовъ, географически-единыхъ, но разъединенныхъ, раздробленныхъ революціями и политикой... Я хотѣлъ сдѣлать изъ cadaго одно національное тѣло“³. Это начало, а конецъ: соединеніе тѣлъ во всемірное — въ „европейскій союзъ народовъ, association européenne“⁴.

„Какъ было бы прекрасно, въ такомъ шествіи народовъ вступить въ потомство, въ благословіе вѣковъ! Только тогда, послѣ такого перваго упрощенія, можно бы отдаться прекрасной мечтѣ цивилизаціи: всюду единство законовъ, нравственныхъ началъ, мнѣній, чувствъ, мыслей и вещественныхъ польвъ“⁵. „Общевропейскій кодексъ, общеевропейскій судъ; одна монета, одинъ вѣсъ, одна мѣра, одинъ законъ“⁶. — „Всѣ рѣки судоходны для всѣхъ; всѣ моря свободны“⁶. — Всеобщее разоруженіе, конецъ войнъ, миръ всего міра. „Вся Европа — одна семья, такъ чтобы всякій европеецъ, путешествуя по ней, былъ бы вездѣ дома“⁷.

„Тогда-то, можетъ быть, при свѣтѣ всемірнаго просвѣщенія, можно бы подумать объ американскомъ Конгрессѣ или греческихъ Амфиктіоніяхъ для великой европейской семьи, и какіе бы открылись горизонты силы, славы, счастья, благоденствія!“

Все это уже было близко, такъ близко, какъ еще никогда: только руку протянуть. И онъ уже протяги-

валъ ее дважды; двѣ попытки всемірнаго „обновленія“ были имъ сдѣланы: „первая, съ юга, черезъ Англію, республиканская; вторая, съ сѣвера, черезъ Россію, монархическая. Обѣ шли къ одной цѣли и совершились бы твердо, умѣренно, искренно. И какихъ только бѣдствій, вѣдомыхъ намъ и невѣдомыхъ, не избѣгла бы несчастная Европа! Никогда не возникало замысла болѣе великаго и благодѣтельнаго для цивилизаци; и никогда еще не былъ онъ ближе къ исполненію. И вотъ что замѣчательно: „неудача моя произошла не отъ людей, а отъ стихій; море погубило меня на югѣ, а на сѣверѣ — пожаръ Москвы и морозъ. Такъ вода, воздухъ, огонь, — нся природа, оказалась враждебною всемірному обновленію, котораго требовала сама же природа. Неисповѣдимы тайны Промысла!“¹ „Но какъ бы то ни было, рано или поздно, это соединеніе народовъ произойдетъ силою вещей: толчекъ данъ, и я думаю, чтобы, послѣ моего паденія и крушенія моей системы, оказалось возможнымъ въ Европѣ другое великое равновѣсіе, помимо собиранія и союза великихъ народовъ“.²

„Но зачѣмъ все это?“ можетъ быть, спросите вы, какъ Пирровъ совѣтникъ. Я вамъ отвѣчу: чтобы основать новое общество и предотвратить великія бѣдствія. Вся Европа этаго ждетъ, этого требуетъ; старый порядокъ рушился, а новый еще не окрѣпъ и не окрѣпнетъ, безъ долгихъ и страшныхъ судорогъ“.³

Никогда еще эти слова Наполеона не звучали такъ пророчески, какъ въ наши дни. 1814—1914. Этотъ годъ отвѣтилъ тому: въ томъ — пала Наполеонова имперія, начало всемірности, а въ этомъ — вспыхнула всемірная война. „Страшная судорога“ только-что прошла по человечеству, и, можетъ быть, близится страшнѣйшая, по его же пророчеству: „искры, можетъ быть, будетъ достаточно, что бы снова вспыхнулъ міровой пожаръ“. И единственная наша защита — жалкая тѣнь всемірности,

душа младенца нерожденного, витающая въ Лимбахъ, или мертворожденный выкидышъ — Лига Націй.

Чтобы понять до конца, что значить для Наполеона всемірность, надо понять, что она у него не отвлеченная, а кровная, плотская; не то, что для него еще будетъ, а то, что въ немъ уже есть; надо понять, что Наполеонъ не человѣкъ съ идеей всемірности, а уже всемірный человѣкъ, или, говоря языкомъ Достоевскаго, „слишкомъ ранній всечеловѣкъ“. И въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, онъ — „существо не имѣющее себѣ подобнаго“, по глубокому впечатлѣнію госпожи де-Сталь.

Онъ современенъ не своему времени, а безконечно-далекому прошлому, когда „на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе“ — одно человѣчество; или безконечно-далекому будущему, когда будетъ „одно стадо, одинъ Пастырь“. Онъ какъ бы иного творенія тварь; слишкомъ древенъ или слишкомъ новъ; допотопенъ или апокалипсиченъ.

Человѣкъ безъ отечества, но не по недостатку въ себѣ чего-то, а по избытку. Въ юности онъ любилъ родную землю, Корсику, и хотѣлъ быть „патріотомъ“, подражая корсиканскому герою, Паоли, или классическимъ героямъ Плутарха. Но это плохо удалось ему, и скоро соотечественники изгнали его, объявивъ „врагомъ отечества“.

Онъ и самъ въ себѣ это чувствуетъ и недоумѣваетъ; самъ искренне и до конца жизни не знаетъ, что онъ. „Я скорѣе итальянецъ или тосканецъ, чѣмъ корсиканецъ“. ¹ „Я непременно хотѣлъ быть французомъ. Когда меня называли „корсиканцемъ“, это было для меня самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ оскорбленій“. ² „Одинъ мэръ, кажется, въ Лионѣ, сказалъ мнѣ, думая, что говоритъ комплиментъ: „удивительно, что ваше величество, не будучи французомъ, такъ любитъ Францію и столько для нея сдѣлало“. Точно палкой онъ меня ударилъ“. ³

„На какомъ бы языкѣ ни говорилъ онъ, казалось, что этотъ языкъ ему не родной; онъ долженъ былъ насиловать его, чтобы выразить свою мысль“. ¹ „Когда произносилъ рѣчи (по-французски), всѣ замѣчали недостатокъ его произношенія. Ему сочиняли ихъ заранее, переписывали крупными буквами и учили его произносить слова; но, начиная говорить, онъ забывалъ урокъ и глухимъ голосомъ, едва открывая ротъ, читалъ по бумагѣ, съ выговоромъ еще болѣе страннымъ, чѣмъ иностраннымъ, что производило тягостное впечатлѣніе: ухо и мысль непріятно поражались этимъ непреложнымъ свидѣтельствомъ его національной чуждости“. ²

Это и значить: человекъ безъ языка, безъ народа, безъ родины.

Любитъ ли онъ Францію? О, конечно, любитъ! Но даже такой проникательный человекъ, какъ Стендаль, ошибается, думая, что онъ любитъ ее, какъ отечество. Онъ и самъ въ этомъ ошибается: „клянусь, все что я дѣлаю, я дѣлаю только для Франціи“. ³ — „Въ счастья, въ горѣ, на поляхъ сраженій, въ совѣтѣ, на тронѣ, въ изгнаніи, Франція была постояннымъ предметомъ всѣхъ моихъ мыслей и дѣйствій“. ⁴ — „Все для французскаго народа“, завѣщаетъ онъ сыну. Но все ли онъ отдалъ ему самъ?

Что такое „отечество“? Родная земля, отдѣленная отъ чужихъ земель границами. Но вся цѣль Наполеоновскихъ войнъ — безконечно раздвинуть и, наконецъ, стереть границы Франціи. „Когда Франція будетъ Европой, не будетъ Франціи“, остерегаютъ его. ⁵ Но этого-то онъ и хочетъ: Франціи не будетъ, — будетъ міръ.

„Какія чудесныя войска!“ восхищался прусскій маршалъ Меллендорфъ въ 1807 г., на парадѣ французскихъ войскъ, въ только-что завоеванномъ Берлинѣ. — „Да, чудесныя, — возразилъ Наполеонъ, — если бы только можно было сдѣлать такъ, чтобы они забыли о своемъ отечествѣ“. ⁶

„Онъ извратилъ природу французской арміи до такой степени, что она утратила всякую національную память“, вспоминаетъ современница.¹ „Маленькій кап-ралъ“, для своихъ солдатъ, больше Франціи: гдѣ онъ, тамъ и отечество. Армія Наполеона, такъ же, какъ онъ самъ, существо уже всемірное.

Онъ, впрочемъ, не всегда ошибается, насчетъ своей любви къ отечеству. „У меня одна страсть, одна любовница — Франція: я сплю съ нею (je couche avec elle). Она мнѣ никогда не измѣняла; она расточаетъ мнѣ свою кровь и свое золото“.² Люди такъ не говорятъ о родинѣ: она для нихъ мать, а не любовница; не она имъ жертвуетъ всѣмъ, а они — ей.

Въ лучшемъ случаѣ, Франція для него любовница, а въ худшемъ — боевой конь, та чудесная кобылица, о которой говоритъ поэтъ. Бѣшенный всадникъ загонялъ ее до смерти.

Mourante, elle tomba sur un lit de mitraille

Et du coup te cassa les reins.

Пала она, издыхая, на ложе картечи,

И спину сломала тебѣ подъ собой.³

И вотъ, что всего удивительнѣе: если бы спросили издыхающую Францію, хотѣла бы ли она не имѣть Наполеона, своего бѣшеннаго всадника, можетъ быть, она отвѣтила бы: „нѣтъ, не хотѣла бы!“ И въ этомъ величіе Франціи.

Не корсиканецъ, не итальянецъ, не французъ, а можетъ быть, и не европеецъ.

Европа для него только путь въ Азію. „Старая лавочка, нора для кротовъ — ваша Европа! Великія имперіи основываются, и великія революціи происходятъ только на Востокѣ, гдѣ живетъ шестьсотъ милліоновъ людей“.⁴

Тяга на Востокъ проходитъ сквозь всю его жизнь. Молодой генералъ Бонапартъ въ Египтѣ, передъ

Сирийской кампаніей, лежа цѣлыми часами на полу, на огромныхъ разостланныхъ картахъ, мечтаетъ о походѣ черезъ Мессопотамію на Индію, по слѣдамъ Александра Великаго.¹ Если бы мечта его исполнилась, то черезъ сорокъ пять вѣковъ послѣдній основатель всемірной монархіи встрѣтился бы съ первымъ — вавилонскимъ царемъ, Сарганисаромъ: путь у обоихъ одинъ; только тотъ шелъ съ Востока на Западъ, а этотъ — съ Запада на Востокъ.

„Я вхожу въ Константинополь съ несмѣтною арміей, низвергаю турецкое владычество и основываю великую имперію на Востокѣ, которая обезсмертитъ меня въ грядущихъ вѣкахъ“, мечтаетъ онъ, гуляя по вечерамъ на морскомъ берегу у Сэнь-Жанъ-д'Акра.²

„Если бы Акръ былъ взятъ, французская армія кинулась бы на Дамаскъ и Алеппо, и въ одно мгновенье была бы на Ефратѣ... Шестьсотъ тысячъ человекъ (христіанъ) присоединились бы къ намъ, и какъ знать, что бы изъ этого вышло? Я дошелъ бы до Константинополя, до Индіи; я измѣнилъ бы лицо міра“, мечтаетъ онъ уже на Св. Еленѣ.³

Только-что захвативъ власть, послѣ 18 Брюмера, предлагаетъ императору Павлу I походъ на Индію, и потомъ, на высотѣ величія, послѣ Тильзита, — Александру I.

„Этотъ длинный путь есть въ концѣ концовъ путь въ Индію, — говоритъ въ 1811, за нѣсколько мѣсяцевъ до Русской кампаніи. — Александръ (Македонскій), чтобы достигнуть Ганга, отправляется такъ же издалека, какъ я изъ Москвы... Съ крайняго конца Европы, мнѣ нужно зайти въ тылъ Азіи, чтобы настигнуть Англію (въ Индіи)... Это предпріятіе, конечно, гигантское, но возможное въ XIX-мъ вѣкѣ“. ⁴

Въ императорскомъ обозѣ, шедшемъ на Москву, былъ особый фургонъ съ коронаціоннымъ уборомъ — мечемъ, діадемой и порфирой: говорили, что Наполеонъ

коронуется вторично въ священномъ городѣ Дэли, на берегу Ганга, императоромъ Востока и Запада.

Наканунѣ Бородина, онъ получаетъ изъ Парижа портретъ сына-наслѣдника: полулежа въ колыбели, мальчикъ держитъ въ рукахъ игрушку — императорскій скипертъ, увѣнчанный земнымъ глобусомъ.

Въ 1811 году, императоръ посылаетъ морскому министру Декрѣ къ исполненію проектъ о постройкѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, двухъ флотовъ — Океанскаго и Средиземнаго; база для перваго — Ирландія, для втораго — Египетъ и Сицилія; предполагаются экспедиціи на мысъ Доброй Надежды, въ Суринамъ, Мартинику и другія заокеанскія страны; флоты распределяются въ обоихъ полушаріяхъ, чтобы утвердить міровое владычество не только надъ Европой и Азіей, но и надо всѣмъ земнымъ шаромъ. „Черезъ пять лѣтъ я буду владыкою міра“, говорилъ онъ въ томъ же 1811 году.¹

„Императоръ сошелъ съ ума, окончательно сошелъ съ ума!“ ужасался Декрѣ.² Это, въ самомъ дѣлѣ, похоже на сумасшествіе. Никогда никто изъ людей, ни Саргонъ, ни Александръ, ни Цезарь, не думалъ такъ страшно-ясно, страшно-близко о міровомъ владычествѣ.

Кажется иногда, что онъ самъ страшится этихъ мыслей, — „страшится“, впрочемъ, для него не подходящее, слишкомъ человѣческое, слово; во всякомъ случаѣ, онъ чувствуетъ ихъ *роковую* тяжесть.

Все, что дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ для этого, но почти никогда не говоритъ объ этомъ. „Я понималъ“, — говоритъ уже на Св. Еленѣ, когда знаетъ, что все кончено, дѣло проиграно, — „я понималъ, что мнѣ всего нужнѣе тайна: тайна окружала меня тѣмъ ореоломъ загадочности, который такъ чаруетъ массы; пробуждала тѣ таинственныя мысли, которыя такъ волнуютъ умы; подготавливала тѣ внезапныя и блестящія развязки, которыя такъ восхищаютъ людей и даютъ надъ ними такую власть. Это-то, къ несчастью, и побудило меня слишкомъ

поспѣшно кинуться на Москву: съ большею медленностью, я все предупредилъ бы; но мнѣ нельзя было оставлять времени на раздумье. Съ тѣмъ, что я уже сдѣлалъ и еще намѣревался сдѣлать, мнѣ нужно было, чтобы въ моей судьбѣ, въ моей удачѣ было нѣчто сверхестественное“. ¹

Ему нужна „тайна“, нужно „сверхъестественное“; это значитъ: нужна религія. Дойдя до какой-то крайней точки въ своихъ мысляхъ о міровомъ владычествѣ, вдругъ понялъ онъ, что ему не обойтись безъ религіи: что не можетъ быть всемірнаго объединенія людей безъ внутренне - объединяющаго центра, абсолютнаго Единства, — Бога.

„Я создавалъ религію. Я видѣлъ себя на пути въ Азію, на спинѣ слона, съ тюрбаномъ на головѣ и съ новымъ, моего сочиненія, Алкораномъ въ рукахъ“. ² Это говорится, конечно съ усмѣшкою. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что Алкораны не сочиняются, религіи не создаются.

Вообще, надо помнить, что онъ говоритъ объ этомъ почти всегда небрежно или неловко, неуклюже, потому что извнѣ, не то чтобы поверхностно, — иногда, напротивъ, очень глубоко, — но именно только извнѣ, со стороны, и съ тою легкою усмѣшкою, которая напоминаетъ оскаль Фернейскаго мертваго черепа. Вольтера, онъ, впрочемъ, не любитъ и не уважаетъ. „Злой человѣкъ, дурной человѣкъ. Это онъ довелъ насъ до такого состоянія“, сказалъ бы онъ о немъ еще охотнѣе, чѣмъ о Руссо. Но отъ Вольтеровской усмѣшки въ религіи не можетъ отдѣлаться. Чувствуется, однако, и сквозь эту усмѣшку, что религія для него не пустое и не легкое дѣло, а очень важное, трудное и даже, говоря опять неподходящимъ для него человѣческимъ словомъ, очень страшное.

Какъ бы то ни было, но, понявъ, что въ міровомъ владычествѣ не обойтись безъ религіи, онъ понялъ и

то, что религиозно строится оно, какъ пирамида, постепенно суживаясь кверху и, наконецъ, заостряясь въ одномъ остріѣ, въ одной математической точкѣ, гдѣ земля соприкасается съ небомъ, человѣкъ — съ Богомъ. Или другими словами, человѣкъ, на вершинѣ мірового владычества, долженъ, — хотеть не хотеть, а долженъ выговорить эти страшныя или просто нелѣпыя, „сумасшедшія“ слова: „Я — Богъ“; „Divus Caesar Imperator“. Римскіе кесари говорили это не по глупости, — были же среди нихъ такіе умные люди, какъ Юлій Цезарь, и не по „сатанинской гордости“. — были среди нихъ и святые, какъ Антонинъ и Маркъ Аврелій, — а потому, что къ этому вынуждала ихъ внутренняя логика мірового владычества; ставъ на это мѣсто, человѣкъ *долженъ* это сказать, — иначе вся пирамида рухнетъ.

Это понимаетъ и Наполеонъ со свойственной уму его, геометрическою ясностью. „Только-что человѣкъ становится государемъ, какъ онъ уже отдѣленъ отъ всѣхъ людей. Я всегда находилъ инстинктъ вѣрной политики въ мысли Александра объявить свое божественное происхождение“. ¹ Больше всѣхъ побѣдъ Александра — его „великая политика“ — посѣщеніе Амонова храма, гдѣ оракулъ шепчетъ ему на-ухо: „ты — сынъ божій“. ²

Но Александръ и Цезарь могли это сдѣлать до Рождества Христова, а можно ли послѣ? Этого Наполеонъ хорошенько не знаетъ. Иногда ему кажется, что можно. „Если бы я вернулся изъ Москвы побѣдителемъ, то весь міръ снова устремился бы ко мнѣ, удивляясь и благословляя меня. И стоило бы мнѣ тогда исчезнуть въ лонѣ тайны, чтобы народы возобновили басню о Ромулѣ: повѣрили бы, что я вознесся на небо и возсѣлъ въ сонмѣ боговъ“. ³

А иногда кажется ему, что этого уже сдѣлать нельзя.

„Я пришелъ въ міръ слишкомъ поздно: теперь уже

нельзя сдѣлать ничего великаго“, — говоритъ онъ въ день коронаванія, 2 декабря 1804 г., тому самому Декрѣ, который боится, что императоръ „сошелъ съ ума“. — „Конечно, моя карьера блестяща, мой путь прекрасенъ. Но какое же сравненіе съ древностью! Тамъ Александръ покоришь Азію, объявляетъ себя сыномъ Юпитера, и, за исключеніемъ матери его, Олимпіи, которая знаетъ, въ чемъ дѣло, да Аристотеля, да нѣсколькихъ Аѳинскихъ педантовъ, весь Востокъ вѣритъ ему. Ну, а если бы я вздумалъ себя объявить сыномъ Бога Отца и назначить благодарственное богослуженіе по этому поводу, то не нашлось бы такой рыбной торговли въ Парижѣ, которая не освистала бы меня. Нѣтъ, въ настоящее время народы слишкомъ цивилизованы: нельзя ничего сдѣлать!“¹

То можно, то нельзя. Тутъ геометрическая ясность ума измѣняетъ ему; начинается „темная гемисфера небесъ“, гдѣ свѣтъ, о которомъ говоритъ Гете: „свѣтъ, озарявшій его, не потухалъ ни на минуту“, — вдругъ потухаетъ, такъ что онъ долженъ ходить ощупью, чтобы не попасть въ „смѣшное“: „отъ великаго до смѣшного только шагъ“. Тутъ „свистъ рыбной торговли“ можетъ низвергнуть владыку міра.

Смутно видитъ онъ или только слышитъ, что гдѣ-то очень близко отъ него, какъ будто рядомъ съ нимъ, строится другая пирамида мірового владычества. Если бы онъ лучше видѣлъ, то понялъ бы, что строится она не рядомъ, а надъ нимъ, и что эти двѣ пирамиды противоположны другъ другу: одна его, — языческой Римъ, подымается отъ земли къ небу; другая, христіанская — Градъ Божій — опускается съ неба на землю, такъ что острія ихъ, соприкасаются въ одной точкѣ, гдѣ по смыслу пирамиды нижней, человѣкъ становится Богомъ, а по смыслу верхней, — Богъ становится Человѣкомъ; тотъ жертвуетъ міромъ себѣ, а этотъ — Собою міру. Что противоположность эту Наполеонъ понимаетъ или

хотя бы смутно чувствуетъ, видно изъ словъ его, сказанныхъ уже безъ всякой усмѣшки, со страшною серьезностью, когда онъ самъ былъ распятъ на скалѣ Св. Елены: „Иисусъ Христосъ не былъ бы Богомъ, если бы не умеръ на крестѣ“.

Надо бы ему выбрать одну изъ двухъ пирамидъ. Но онъ этого не дѣлаетъ — страшится: тутъ, кажется, это человѣческое слово подходитъ къ нему. Онъ хочетъ соединить обѣ пирамиды. Конкордатъ и есть попытка такого соединенія.

„Это была самая блестящая побѣда надъ духомъ Революціи; всѣ остальные — только слѣдствія этой, главной. Успѣхъ Конкордата показалъ, что Бонапартъ лучше всѣхъ окружавшихъ его угадалъ то, что было въ глубинѣ сердецъ“, говоритъ современникъ.¹

Да, понялъ онъ, что религіи не создаются, Алкораны не сочиняются; не захотѣлъ быть „чудовищною помѣсью пророка съ шарлатаномъ“, какъ опредѣляетъ его Карлейль съ грубою легкостью. „Не хотите ли вы, чтобы я сочинилъ, по своей фантазіи, новую, неизвѣстную людямъ религію? Нѣтъ, я смотрю на это дѣло иначе: мнѣ нужна старая, католическая религія; она одна въ глубинѣ сердецъ, неискоренимая, и одна только можетъ мнѣ пріобрѣсти сердца и сгладить всѣ препятствія“.²

Но что главное препятствіе въ ней же, въ самой религіи, онъ уже давно знаетъ. „Христіанство несовмѣстимо съ государствомъ“, — пишетъ семнадцатилѣтній мальчикъ Бонапартъ въ своихъ ученическихъ тетрадяхъ. — „Царство Христово не отъ міра сего. Оно ставитъ верховную власть Бога на мѣсто верховной власти народа“. И государя, — могъ бы онъ прибавить. Оно разрушаетъ государственное единство“.³

Чтобы соединить двѣ пирамиды мірового владычества, государство и церковь, надо что-то существенно измѣнить въ христіанствѣ. Что же именно? „Я старался не задѣвать догмата“, говоритъ Наполеонъ простодушно,

какъ военный человѣкъ о невоенныхъ дѣлахъ.¹ Но не задѣвать догмата было трудно — трудноѣе, чѣмъ онъ думалъ: вѣдь къ самому существу догмата относится вопросъ: кто истинный Владыка міра — Богочеловѣкъ, или Человѣкъ-богъ?

Но онъ все-таки началъ это трудное дѣло: объявилъ, что нѣтъ двухъ намѣстниковъ Христа, папы и кесаря, а есть одинъ единственный — кесарь. По Наполеону Катехизису: „Богъ сдѣлалъ императора намѣстникомъ Своего могущества и образомъ Своимъ на землѣ“. ² Только ли образомъ? Архіепископъ руанскій, кощунственно играя словомъ „christos“, „помазанникъ“, называетъ императора „христомъ Провидѣнія“, „le christ de la Providence“. ³

„Я надѣялся управлять папою, и тогда какое вліяніе, какой рычагъ для власти надъ міромъ!“ открываетъ Наполеонъ „тайну“ свою, опять только на Св. Еленѣ, когда уже все кончено и дѣло проиграно. ⁴ „Я управлялъ бы міромъ духовнымъ такъ же легко, какъ политическимъ“. ⁵ — „Я вознесъ бы Папу безмѣрно... окружилъ бы его такимъ почетомъ и пышностью, что онъ пересталъ бы жалѣть о мірскомъ; я сдѣлалъ бы изъ него *идола*; онъ жилъ бы рядомъ со мной; Парижъ былъ бы столицею христіанскаго міра, и я управлялъ бы міромъ духовнымъ, такъ же какъ свѣтскимъ“, все повторяетъ онъ это, все возвращается къ этому. ⁶

Но легко-ли это или трудно, все-таки не знаетъ навѣрное. „Духовная власть государя была предметомъ всѣхъ моихъ помысловъ и всѣхъ желаній... Безъ нея нельзя управлять... Но это было очень трудно сдѣлать; при каждой попыткѣ я видѣлъ опасность. Я сознавалъ, что если бы я принялся за это, какъ слѣдуетъ, народъ меня покинулъ бы“. ⁷ Раздался бы „свистъ рыбной торговли“.

Хуже всего то, что онъ хорошенько не знаетъ, что ему дѣлать съ папою. Борется желѣзнымъ мечемъ

съ призракомъ. То ласкаетъ, то ранитъ его. „Пій VII настоящая овечка, совершенно-добрый человекъ; я его очень уважаю и люблю“. ¹ Это въ началѣ, а въ концѣ: „папа бѣшенный дуракъ, котораго надо запретъ“. ² И онъ запираетъ его сначала въ Савону, потомъ въ Фонтенебло.

„Идоломъ“ папа сдѣлаться не захотѣлъ. Агнецъ оказался львомъ, мягкій воскъ — твердымъ камнемъ, тѣмъ самымъ, о которомъ сказано: „на камнѣ семъ созижду церковь Мою“.

„Мы сдѣлали все для добраго согласья“, — писалъ о Конкордатѣ Пій VII. — „Мы еще больше готовы сдѣлать, только бы оставили неприкосновенными тѣ начала, въ коихъ мы неподвижны. Тутъ дѣло идетъ о нашей совѣсти, и тутъ отъ насъ ничего не получаютъ, если бы даже съ насъ содрали кожу“. ³

Невообразимо, чѣмъ бы кончилась эта война, можетъ быть, величайшая изъ всѣхъ Наполеоновскихъ войнъ, если бы не наступилъ внезапный конецъ, не рушилась или не разсѣялась, какъ сонъ, вся пирамида мірового владычества, и онъ вдругъ не проснулся бы голый на голой скалѣ Св. Елены.

Видѣлъ ли онъ Того, съ кѣмъ боролся, какъ Іаковъ во снѣ? „Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня“: Богъ благословилъ Наполеона устами святѣйшаго отца, Пія VII: „мы должны помнить, что послѣ Бога ему (Наполеону) религія преимущественно обязана своимъ возстановленіемъ... Конкордатъ есть христіанское и героическое дѣло спасенія“. ⁴ Лучше, мудрѣе нельзя сказать: „христіанское и героическое“, божеское и человѣческое вмѣстѣ: это и есть точка соприкосновенія двухъ пирамидъ.

Онъ ихъ не соединилъ, палъ подъ ихъ тяжестью; но его величіе въ томъ, что онъ одинъ, за два тысячелѣтія христіанской исторіи, все-таки пытался поднять эту тяжесть.

Зналъ ли онъ, кто искушаетъ его? Если и зналъ, то не на-яву, а только въ пророческихъ снахъ.

„И возведь Его на высокую гору, діаволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновение времени, и сказалъ Ему діаволъ: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми семи царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее; и такъ, если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое“.

Наполеонъ не поклонился діаволу, и царства міра отошли отъ него.

Что погубило его? Онъ думалъ, рокъ; но не рокъ ему измѣнилъ, а онъ самъ себѣ: вдругъ ослабѣлъ, сильный, передъ Сильнѣйшимъ, и, можетъ быть, въ этой слабости изъ всѣхъ его величій величайшее.

Такъ и умеръ, не зная, Кто его побѣдилъ, и даже не могъ, умирая, сказать, какъ древній Отступникъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Только молча склонилъ голову, когда къ ней протянулась Невидимая Рука, сняла съ нея царскій вѣнецъ и возложила терновый.

Человѣкъ изъ Атлантиды.

Мать Наполеона, Марія-Летиція Буонапарте, посвятила его, еще до рожденія, Пречистой Дѣвѣ Матери, какъ будто знала, что дитя будетъ нуждаться въ Ея святомъ покровѣ. И мальчикъ родился 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы.

Вспомнилъ ли Наполеонъ хоть разъ въ жизни объ этомъ посвященіи? Едва ли. А если бы даже и вспомнилъ, то, можетъ быть, удивился бы, какъ мы удивляемся: нашла кого Кому посвятить!

Но посвященіе оказалось не тщетнымъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ могли бы это понять „добрые католики“, и даже христіане, вообще, но въ томъ самомъ, какъ поняли бы до-христіанскіе поклонники Великой Матери боговъ, Magna Mater deorum, потому что задолго еще до христіанства, Она уже царила здѣсь, на островѣ Корсикѣ, такъ же какъ на всѣхъ островахъ и побережьяхъ Средиземнаго моря. Въ этой колыбели европейскаго человѣчества, Она уже баюкала его пѣснью волнъ, еще съ незапамятной, можетъ быть, до-исторической, древности. Мать Изиды египетская, Иштаръ-Мами вавилонская, ханаанская Астартя, Virgo Coelestis карагенская, Рея-Кибела мало-азійская, греческая Деметра — Мать-Земля, и Уранія — Небесная Матерь, — подъ мно-

жествомъ именъ, во множествѣ образовъ, — все Она, Пречистая Дѣва Матерь.

Antiquam exquirite Matrem.

Древнюю Матерь ищите, —

этотъ завѣтъ Энея-праотца исполнилъ Наполеонъ, какъ никто: взыскалъ, возлюбилъ ее всю, — всю хотѣлъ обнять, — не маленькую Корсику, не маленькую Францію, не маленькую Европу, а всю великую Землю Мать.

Но что Мать Земля есть и Матерь Небесная, этого не зналъ или забылъ. А между тѣмъ, всю жизнь звучалъ надъ нимъ Ея таинственный благовѣстъ.

„Я всегда любилъ звукъ сельскихъ колоколовъ“, вспоминаетъ онъ на Св. Еленѣ.¹ — Колокольный звонъ производилъ на Бонапарта необыкновенное дѣйствіе, котораго я никогда не могъ себѣ объяснить, — вспоминаетъ школьный товарищъ его, Бурьеннъ. — Онъ слушалъ его съ наслажденіемъ. Сколько разъ бывало, въ Мальмезонѣ, когда мы гуляли съ нимъ по аллеѣ, ведущей къ Рюейльской равнинѣ, сельскій колоколъ прерывалъ наши бесѣды о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Онъ останавливался, чтобы шумъ шаговъ не заглушилъ ни одного изъ чарующихъ звуковъ, и почти сердился на мена за то, что я не испытывалъ тѣхъ же чувствъ, какъ онъ. Дѣйствіе, производимое на него этими звуками, было такъ сильно, что въ голосѣ его слышалось волненіе, когда онъ говорилъ мнѣ: „это напоминаетъ мнѣ мои юные годы въ Бриеннской школѣ. Я былъ счастливъ тогда!“²

Больше всѣхъ звуковъ земли любитъ онъ эти два столь противоположные — пушечный громъ и сельскій колоколъ.

Очарованные странники христіанскихъ легендъ, блуждая въ пустыняхъ и слыша невѣдомо откуда доносящійся благовѣстъ, идутъ на него. А Наполеонъ никуда не идетъ и даже не слышитъ, что колоколъ его куда-то

зоветь; не знаетъ о себѣ того, что мать знала о немъ еще до его рожденія.

„Наполеонъ весь жилъ въ идеѣ, но не могъ ее уловить своимъ сознаниемъ; онъ отвергаетъ вообще все идеальное и отрицаетъ его дѣйствительность, а между тѣмъ усердно старается его осуществить“, говоритъ Гете. ¹

Какъ странно! Наполеонъ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, — а если мѣрять умъ по глубинѣ, съ какой онъ захватываетъ дѣйствительность, то и самый умный человекъ, по крайней мѣрѣ, за послѣднихъ два тысячелѣтія, — не видитъ, не знаетъ, не сознаетъ своей же собственной идеи, такой огромной, что онъ, „живетъ въ ней весь“. Можетъ ли это быть?

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust!

Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди!

Дневная и ночная. Мысли ночной потухаютъ въ дневной, какъ звѣзды — въ солнечномъ свѣтѣ. Солнцу надо зайти, чтобы выступили звѣзды. Но солнце Наполеона никогда не заходитъ: „свѣтъ, озарявшій его, не потухалъ ни на минуту“, по слову того же Гете. Вотъ почему онъ не видитъ своихъ ночныхъ мыслей — звѣздъ. Но, можетъ быть, о нихъ-то и напоминаетъ ему колоколь.

13 октября 1809 года, послѣ Ваграма, на площади Шенбруннскаго замка, близъ Вѣны, во время парада, схваченъ былъ молодой человекъ, почти мальчикъ, лѣтъ 18, „съ очень бѣлымъ и нѣжнымъ лицомъ, какъ у дѣвушки, Фридрихъ Штапсъ, сынъ протестантскаго пастора въ Наумбургѣ. Изъ бокового кармана сюртука торчалъ у него огромный, неловко завернутый въ бумагу, кухонный ножъ. Этимъ ножомъ онъ хотѣлъ убить Наполеона, какъ тотчасъ признался ему на допросѣ.

— „За что вы хотѣли меня убить?“

— „За то, что вы дѣлаете зло моему отечеству...“

— „Вы сумасшедшій, вы больной. Позвать Корвизара!“

— Корвизаръ, лейбъ-медикъ Наполеона, осмотрѣлъ Штапса и объявилъ, что онъ совершенно здоровъ.

— „Я васъ помилую, если вы попросите у меня прощенья“, сказалъ Наполеонъ.

— „Я не хочу прощенья, я очень жалѣю, что мнѣ не удалось васъ убить“, отвѣтилъ Штапсъ.

— „Чортъ побери! Кажется, для васъ преступленье ничего не значитъ?“

— „Васъ убить не преступленье, а долгъ“.

— „Ну, а если я васъ все-таки помилую, будете вы мнѣ благодарны?“

— „Нѣтъ, я, все равно, васъ убью“.

„Наполеонъ остолбенѣлъ“, вспоминаетъ очевидецъ.

— „Вотъ плоды иллюминатства, которымъ заражена Германія! Но съ этимъ ничего не подѣлаешь: пушками секты не истребишь“, — сказалъ онъ окружавшимъ его, когда Штапса увели. — „Узнайте, какъ онъ умретъ, и доложите мнѣ“.

Штапсъ умеръ, какъ герой. Когда его вывели къ разстрѣлу, онъ воскликнулъ: „да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Германія!.. Смерть тирану!“ И палъ мертвымъ.

Наполеонъ долго не могъ его забыть. „Этотъ несчастный не выходитъ у меня изъ головы. Когда я о немъ думаю, мысли мои теряются. *Это выше моего разумѣнія! Cela me passe!*“¹

Что же, собственно, выше его разумѣнія, его ума, почти безконечнаго, въ этомъ восемнадцатилѣтнемъ мальчикѣ „съ очень бѣлымъ и нѣжнымъ лицомъ, какъ у дѣвушки“, — лицомъ древняго героя и христіанскаго мученика. Что поразило его въ немъ до „остолбенѣнія“? Ужъ не сходство ли съ молодымъ Бонапартомъ, якобинцемъ 93 года, который говорилъ то самое, что могъ бы ему отвѣтить и Штапсъ на вопросъ: „для васъ пре-

ступленіе ничего не значить“? — „Странный вопрос! Нѣтъ долга, нѣтъ закона тамъ, гдѣ нѣтъ свободы... Вѣчными письменами начерталь Создатель въ сердцѣ челоѵка Права Челоѵка“.¹ — „Если бы даже родной отецъ мой захотѣлъ быть тираномъ, я закололъ бы его кинжаломъ!“² Да, можетъ быть и это поразило его, но не только это. Онъ „остолбенѣлъ“, потому что вдругъ почувствовалъ свое безсилье передъ какой-то невѣдомой силой. Точно молнія вдругъ освѣтила ему его же ночную душу, ночную гемисферу небесъ, гдѣ нѣкогда должно было взойти для него надъ Св. Еленою невидимое въ дневной гемисферѣ, Созвѣздіе Креста.

Гете, великій язычникъ, удивился бы и не повѣрилъ, если бы ему сказали, что та огромная „идея, въ которой Наполеонъ жилъ весь, хотя и не могъ уловить ее своимъ сознаниемъ“, была идея, по крайней мѣрѣ, наполовину, „христіанская“. Еще больше удивился бы и еще меньше повѣрилъ бы этому самъ Наполеонъ. Вопреки всѣмъ благословіямъ папы, что ему, въ самомъ дѣлѣ, христіанство?

„Монашеское смиреніе убійственно для всякой добродѣтели, всякой силы, всякой власти. Пусть же законодатель скажетъ челоѵку, что всѣ его дѣйствія должны имѣть цѣлью счастье здѣсь, на землѣ.“ — „Теологія — клоака всѣхъ суевѣрій и всѣхъ заблужденій“. — „Вмѣсто катехизиса, нуженъ народу маленькій курсъ геометріи“.³ Все это говоритъ артиллерійскій поручикъ Бонапартъ, якобинець 93 года.

А вотъ, что лѣтъ черезъ пять говоритъ или думаетъ главнокомандующій Египетской арміи: „Парижъ стоитъ обѣдни!“ Это значитъ завоеваніе Азіи стоитъ христіанства. Бонапартъ въ Египтѣ готовъ былъ принять Исламъ. „И армія вмѣстѣ со мной перемѣнила бы вѣру шутя. А между тѣмъ, подумайте только, чтобы изъ этого вышло: я захватилъ бы Европу съ другого конца; старая европейская цивилизація была бы окружена, и

кто тогда посмѣлъ бы противиться судьбамъ Франціи и обновленію вѣка?“¹ — „Если бы я остался на Востоцѣ, я, вѣроятно, подобно Александру, основалъ бы имперію, отправившись на поклоненіе въ Мекку“. ² — „Я видѣлъ себя на пути въ Азію, съ тюрбаномъ на головѣ и съ новымъ, моего сочиненія, Алкораномъ въ рукахъ“.

„Отъ начала міра, на небесахъ было написано, что я приду съ Запада, чтобы исполнить свое назначеніе — уничтожить всѣхъ враговъ Ислама и низвергнуть кресты“, говоритъ онъ въ воззваніи къ мусульманскимъ шейхамъ. „Такъ-то я забавлялся надъ ними!“ Такъ же забавлялся онъ и надъ католиками въ Италіи: „я сражался съ невѣрными турками; я почти крестоносецъ“. ³ — „Это было шарлатанство, но самага высшаго полета“, какъ будто нарочно дразнить онъ Карлейля „чудовищною помѣсью пророка съ шарлатаномъ“. ⁴

„Что ты со мной воюешь? — говоритъ плѣнному Мустафѣ-пашѣ, послѣ Абукирской побѣды. — Надо бы тебѣ воевать съ русскими, этими невѣрными, поклоняющимися тремъ Богамъ. А я, какъ и твой Пророкъ, вѣрю въ единого Бога“. — „Хорошо, если это у тебя въ сердцѣ“, возражаетъ Мустафа очень умно и язвительно: вѣдь вся бѣда Наполеона именно въ томъ, что онъ самъ не знаетъ, что у него въ сердцѣ. ⁵

Если же потомъ онъ принимаетъ христіанство, или вѣрнѣе, католичество, то лишь внѣшне, какъ орудіе власти.

„У насъ съ вами, конечно, немного религіи, но народъ нуждается въ ней“. ⁶ — „Можетъ ли быть государственный порядокъ безъ религіи. Общество не можетъ существовать безъ имущественнаго неравенства, а неравенство — безъ религіи. Когда одинъ человекъ умираетъ отъ голода, рядомъ съ другимъ, сытымъ по горло, то невозможно, чтобы онъ на это согласился, если нѣтъ власти, которая говоритъ ему: „этого хочеть

Богъ; надо, чтобы здѣсь, на землѣ, были бѣдные и богатые, а тамъ, въ вѣчности, будетъ иначе".¹

Что это, атеизмъ? Нѣтъ. Съ гениальною прозорливостью онъ уже видитъ то, чего мы все еще не видимъ, послѣ столькихъ страшныхъ опытовъ: „самый страшный врагъ сейчасъ атеизмъ, а не фанатизмъ.“² „Я возстановилъ религію; это заслуга, послѣдствія которой неисчислимы, потому что, если бы не было религіи, то люди убивали бы другъ друга изъ-за самой сладкой груши и самой красивой дѣвушки“.³

Но, принимая христіанство внѣшне, внутренне онъ даже не борется съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ дневномъ сознаніи, въ дневной душѣ своей, а проходитъ мимо него.

Въ юности сочинилъ, по Энциклопедіи, параллель между Иисусомъ Христомъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, отдавая преимущество Аполлонію. Когда же, во время консульства, братъ Люсьенъ Бонапартъ напомнимъ ему объ этомъ, онъ воскликнулъ, смѣясь: „полно, забудьте объ этомъ! Иначе я поссорюсь съ Римомъ или долженъ буду публично каяться, чтобы мой Конкордатъ не оказался дѣломъ Веельзевула!“

„А вѣдь папа-то во Христа вѣритъ!“ удивляется искренне. „Существовалъ ли Иисусъ? Кажется, никто изъ историковъ, ни даже Юсифъ Флавій, не упоминаетъ о Немъ“.

„Я пришелъ къ тому убѣжденію, что Иисуса никогда не было“. Можетъ быть, впрочемъ, главное недоумѣніе его не въ томъ, былъ ли Христосъ, *а нужно ли, чтобы Онъ былъ*.

И вдругъ опять, какъ молнія: „я, кажется, знаю людей, и вотъ я говорю вамъ: Иисусъ не былъ человѣкомъ!“⁴ — „Хорошо, если это у тебя въ сердцѣ“.

Въ сердцѣ у него, во всякомъ случаѣ, безконечный вопросъ, а можетъ быть, и мука безконечная: „Кто я? Откуда? Куда иду?.. Я потерялъ вѣру въ тринадцать

лѣтъ. Можетъ быть, я снова повѣрю слѣпо, дай-то Богъ! Я этому не буду противиться, я самъ этого желаю, я понимаю, что это великое счастье“...¹ „Я умою невѣрующій, но воспоминанія дѣтства и юности возвращаютъ меня къ неизвѣстности“² Не эти ли воспоминанія въ глубинѣ сердца его — таинственный колоколъ?

„Ладно! Я вѣрю во все, во что вѣрять Церковь... Но столько религій, что не знаешь, какая настоящая... Если бы отъ начала міра была одна, я считалъ бы ее истинной“.³ Отъ начала міра — отъ древней Матери Земли.

Antiquam exquirite matrem.

Матери древней ищите.

Онъ ее искалъ, но не нашелъ. Что же помѣшало ему? Ужъ, конечно, не „злоупотребленія священниковъ“, не катехизисъ, вмѣсто „нужнаго народу, маленькаго курса геометріи“.

Однажды, сажая бобы на Св. Еленѣ и замѣтивъ чудное устройство ихъ усиковъ, онъ заговорилъ о существованіи Бога Творца.⁴ „Все-таки идея Бога самая простая: кто все это сдѣлалъ?“⁵

Въ звѣздную ночь, на палубѣ фрегата Оріентъ, на пути изъ Франціи въ Египетъ, когда ученые спутники его, члены Института, доказывали ему, что нѣтъ Бога, онъ вдругъ поднялъ руку и указалъ имъ на звѣзды; „а это все кто создалъ?“⁶ Это-то, ужъ, конечно изъ глубины сердца сказано.

А вотъ еще глубже: „Нѣтъ чудесъ — все чудо“.⁷ „Что такое будущее? Что такое прошлое? И что такое мы сами? Какой магическій туманъ окружаетъ насъ и скрываетъ отъ насъ то, что намъ всего важнѣе знать? Мы рождаемся, живемъ и умираемъ среди чудеснаго“.⁸

Какъ-то разъ, на Св. Еленѣ, уже больной, сидя въ ваннѣ и читая Новый Заветъ, онъ вдругъ воскликнулъ: „я вовсе не атеистъ!.. Человѣкъ нуждается въ чудес-“

номъ... Никто не можетъ сказать, что онъ сдѣлаетъ въ свои послѣднія минуты“.¹

Въ послѣднія минуты онъ потребовалъ католическаго священника, „чтобы не умереть, какъ собака“. А доктора Антоммарки, когда тотъ усмѣхнулся на его слова духовнику: „я хочу умереть, какъ добрый католикъ“, — выгналъ изъ комнаты.²

„Я умираю въ апостолической римской религиі, въ лонѣ которой я родился“, сказалъ въ завѣщаніи Наполеонъ. Правда это или неправда? Онъ и самъ не знаетъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что около этого — не католичества, ни даже христіанства, а самаго Христа, — съ кѣмъ же и борется онъ, какъ не съ Нимъ, кого же и надо ему побѣдить, какъ не Его, чтобы сдѣлаться „величайшимъ изъ людей на землѣ“, владыкою міра? — около самаго Христа движется вся его ночная душа, та огромная идея, въ которой „онъ живетъ весь“.

„Всегда одинъ среди людей, я возвращаюсь домой, чтобы мечтать наединѣ съ самимъ собою и предаваться меланхоліи“, — пишетъ въ своемъ дневникѣ, 3 мая 1786 г., семнадцатилѣтній артиллерійскій подпоручикъ Бонапартъ, въ своей бѣдной комнаткѣ. — „О чемъ же я буду сегодня мечтать? О смерти. На зарѣ моихъ дней, я могъ бы надѣяться еще долго прожить... и быть счастливымъ. Какое же безуміе заставляетъ меня желать конца? Правда, что мнѣ дѣлать въ этомъ мірѣ?.. Какъ люди далеки отъ природы. Какъ они подлы, низки, презрѣнны... Жизнь мнѣ въ тягость, потому что люди, съ которыми я живу, и, вѣроятно, всегда буду жить, такъ же непохожи на меня, какъ *лунный свѣтъ на солнечный*.“³

Что же, однако, сдѣлалъ этотъ маленькій прапорщикъ, чтобы такъ презирать людей? И что это значитъ: всѣ люди — „лунный свѣтъ“, а онъ одинъ — „солнечный?“ Этого мы не знаемъ, но знаетъ Ницше: „Наполеонъ былъ послѣднимъ воплощеніемъ бога солнца, Аполлона“. Знаетъ и Гете „жизнь Наполеона — жизнь

полубога: вся она лучезарна“ — солнечна. Но, можетъ быть, лучше всѣхъ это знаетъ тотъ старый гренадеръ идущій рядомъ съ императоромъ, въ двадцатиградусный морозъ на Березинѣ: „Холодно тебѣ, мой другъ?“ — „Нѣтъ, государь, когда я смотрю на васъ мнѣ тепло!“ Онъ знаетъ, чувствуетъ всѣмъ своимъ замерзающимъ тѣломъ, что всѣ люди — холодные, „лунные“, — только одинъ императоръ — теплый, „солнечный“.

День Бородина, 7 сентября, рѣшившій участь русской кампаніи, а можетъ быть, и всей Наполеоновской имперіи, совпалъ съ началомъ осенняго равноденствія, поворотомъ солнца къ зимѣ. Въ этотъ день Наполеонъ былъ боленъ. „Первые дни равноденствія оказали на него дурное дѣйствіе“, объясняетъ Сегюръ.¹ Онъ всегда чувствовалъ таинственную связь своего тѣла съ солнцемъ. „Плоть твоя — свѣтъ солнечный; члены твои — лучи прекрасные. Воистину, изъ Солнца изшелъ ты, какъ дитя изъ чрева матери!“ возглашалось на утрени египетскаго царя, Ахенатона, Сына Солнца. А черезъ три съ половиной тысячелѣтія на огненной всеобщей, люди поклонялись другому „сыну Солнца“ — „Солнцу Аустерлица“ — самому императору.

Тамъ же, въ Оксонскихъ казармахъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ тѣхъ строкъ о „лунныхъ“ и „солнечныхъ“ людяхъ, онъ пишетъ странную повѣсть, похожую на бредъ, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, бредъ: въ это время онъ боленъ перемежающейся лихорадкой Оксонскихъ болотъ.

Повѣсть — о корсиканской мести, вендеттѣ, цѣлому народу — французамъ. Онъ тогда ненавидѣлъ ихъ за угнетеніе Корсики и любилъ будущихъ злѣйшихъ враговъ своихъ, англичанъ, за то, что они помогли корсиканцамъ въ войнѣ за освобожденіе.

Англичанинъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, плывя на кораблѣ изъ Ливорно въ Испанію, попадаетъ на необитаемый островокъ, неподалеку отъ Корсики,

неприступную скалу, съ вѣчнымъ прибоемъ яростныхъ волнъ. Здѣсь происходятъ частыя кораблекрушенія, отчего, должно быть, островокъ и получилъ свое зловѣщее имя: *Горгона*. Но англичанинъ, меланхоликъ, восхищенъ дикою прелестью этого мѣста. „Никогда человѣкъ не обиталъ въ такомъ пустынномъ убѣжищѣ... Я могъ бы здѣсь быть, если не счастливъ, то мудръ и спокоенъ“. Съ этими мыслями онъ засыпаетъ ночью, въ палаткѣ; какъ вдругъ пробуждается отъ блеска пламени и чьего-то крика: „умри, несчастный!“ Палатка вспыхиваетъ. Онъ едва спасается изъ огня и узнаетъ, что его хотѣла сжечь молодая дѣвушка, дочь старика, единственнаго обитателя Горгоны. Старикъ, узнавъ, что онъ англичанинъ, принимаетъ его, какъ желаннаго гостя. и рассказываетъ ему свою жизнь.

Онъ корсиканецъ; много лѣтъ сражался съ поработителями Корсики, генуэзцами, австрійцами, французами. Когда же эти послѣдніе окончательно овладѣли островомъ и перебили его отца, мать, жену и всѣхъ дѣтей, кромѣ одной дочери, пропавшей безъ вѣсти, онъ покинулъ Корсику и переселился на островъ Горгону, гдѣ послѣ разныхъ приключеній, нашелъ свою дочь. Здѣсь они живутъ, какъ дикіе, въ развалинахъ стараго монастыря, питаюсь желудями и рыбой. „Горести сдѣлали мнѣ солнечный свѣтъ ненавистнымъ. Солнце мнѣ никогда не сіяетъ. Я дышу воздухомъ только по ночамъ, чтобы не растревлять сердца видомъ горъ, гдѣ обитали нѣкогда мои свободные предки... Я поклялся на моемъ алтарѣ, (кажется, это алтарь монастырской часовни въ тѣхъ развалинахъ, гдѣ они живутъ) я поклялся не щадить ни одного француза“. Когда корабли ихъ разбиваются о скалы Горгоны, мы спасаемъ погибающихъ, какъ людей, и убиваемъ ихъ, какъ французовъ“.

„Въ прошломъ году здѣсь едва не погибъ французскій почтовый корабль. Страшные вопли погибающихъ пробудили во мнѣ жалость... Я развелъ большой огонь

около того мѣста, гдѣ они могли причалить, и этимъ спасъ ихъ... Чѣмъ же, вы думаете, они отблагодарили меня?.. Узнавъ что я корсиканецъ, схватили и заковали въ цѣпи... Такъ я былъ наказанъ за свою слабость. Гнѣвные предки мстили мнѣ за свои неотомщенныя тѣни. Но, видя мое раскаянье, Богъ спасъ меня. Корабль задержатся на семь дней. Вся вода у нихъ вышла. Надо было узнать, гдѣ колодезь, и они обѣщали мнѣ свободу, сняли съ меня цѣпи. Я воспользовался этой минутой и вонзилъ кинжалъ въ сердце одного изъ двухъ моихъ спутниковъ. *Тогда я въ первый разъ увидѣлъ солнце, — какое лучезарное!* Дочь моя осталась на кораблѣ связанной. Я переодѣлся въ платье одного изъ убитыхъ мною солдатъ и, вооружившись двумя, взятыми у него, пистолетами, саблею и моими кинжалами, пошелъ на корабль. Капитанъ и юнга пали первые моими жертвами. Потомъ я перебилъ и всѣхъ остальныхъ... Мы притащили къ подножью алтаря тѣла убитыхъ и тамъ ихъ сожгли. Этотъ новый ѳиміамъ, казалось, былъ угоденъ Богу“. ¹

ѳиміамъ — новый? Нѣтъ, очень древній. Только первозданныя скалы Горгоны помнятъ тѣ времена, когда приносились человѣческія жертвы Молоху, Ваалу, Шамашу и другимъ богамъ солнца, еще болѣе древнимъ, — можетъ быть, доисторической, допотопной древности. Это то кровавая жертва и оскверняетъ христіанскій алтарь, гдѣ приносилась нѣкогда Жертва безкровная. Человѣкъ не видитъ солнца, живетъ во тьмѣ пока не вонзится ножъ, какъ жрецъ Молоха, въ сердце человѣческой жертвы: только тогда оно засіяетъ для него опять, лучезарное.

„Если бы мнѣ нужно было выбирать религію, я обоготворилъ бы солнце, потому что оно все оживляетъ: это истинный богъ земли“, говоритъ Наполеонъ на Св. Еленѣ, роняя эти слова, какъ будто небрежно, случайно, съ конца устъ, а на самомъ дѣлѣ, изъ глубины глубинъ сердечныхъ. ²

„Лунная“ богиня Разума, которой тоже приносились

человѣческія жертвы Робеспьеромъ и Маратомъ, какъ блѣдна и безкровна передъ этимъ Наполеоновымъ солнечнымъ богомъ, „Такой человѣкъ, какъ я, плюетъ на жизнь милліона людей“. Милліонъ человѣческихъ жертвъ онъ уже принесъ, и сколько бы еще принесъ, если бы сдѣлался владыкою міра!

Слишкомъ понятно, что человѣкъ, у котораго проносятся въ душѣ, какъ метеоры въ ночи, такія мысли, раскаленные глыбы, — не корсиканецъ, не итальянецъ, не французъ, даже вообще не европеецъ, даже не человѣкъ нашего всемірно-историческаго, а можетъ быть, и нашего космическаго, „вѣка“ — зона. Вскормленникъ иныхъ вѣковъ, „солнечныхъ“, онъ задыхается въ этомъ „лунномъ“ вѣкѣ, гдѣ и дряхлѣющее солнце блѣдно, какъ луна. Давитъ людей нечаянно своей неуклюжею огромностью, какъ допотопное чудовище.

„Цивилизація всегда ему немного личный врагъ“, говорилъ о Наполеонѣ Талейранъ.¹ Только снаружи — „немного“, а внутри, можетъ быть, и очень много.

Всякая цивилизація, а особенно, европейская, есть „условность“, „пристойность“, „хорошее воспитаніе“. — Какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ! отвѣтилъ ему однажды Талейранъ, конечно за глаза, на его площадное ругательство.² „Ему не достаесть воспитанія и хорошихъ манеръ, — говоритъ г-жа Ремюза, Талейранова наперсница. — Онъ не умѣетъ ни войти, ни выйти изъ комнаты, ни поклониться, ни встать, ни сѣсть. Всѣ его движенія рѣзки и угловаты; манера говорить — тоже... Вообще, всякое постоянное правило для него невыносимо-стѣснительно; всякая вольность нравится ему, какъ, побѣда; онъ никогда ничему не хотѣлъ подчиняться, ни даже грамматикѣ.“³ Ни даже одеждѣ: самъ не умѣетъ одѣваться: камердинеръ одѣваетъ его, какъ ребенка, но раздѣваясь ночью, онъ нетерпѣливо срываетъ съ себя и бросаетъ одежду на полъ, какъ непривычную и ненужную тяжесть; естественное состо-

яніе тѣла его — древняя, цѣломудренная и нестыдящаяся нагота.¹

Цивилизація есть „хорошій вкусъ“. — „А-а, хорошій вкусъ, вотъ еще одно изъ тѣхъ классическихъ словечекъ, которыхъ я не признаю!“² — „Хорошій вкусъ — вашъ личный врагъ. Если бы вы могли отъ него отдѣлаться пушками, его бы уже давно не существовало“, говоритъ ему Талейранъ.³ Талейрану кажется, что Наполеонъ не умѣетъ быть „цивилизованнымъ“; но, можетъ быть, онъ этого вовсе и не хочетъ. „Вы, сударь, навозъ въ шелковомъ мѣшкѣ!“ сказалъ онъ однажды Талейрану. Но, можетъ быть, и вся европейская „цивилизация“ для Наполеона такой же „навозъ“. „Проходя мимо всей этой нелѣпости, мнѣ иногда хочется, просто-на-просто, взять все за хвостъ и стряхнуть къ черту!“ могъ бы и онъ сказать какъ Раскольниковъ.

„Вольный полетъ въ пространствѣ, — вотъ что нужно для такихъ крыльевъ. Онъ здѣсь умретъ; ему надо уѣхать отсюда“, замѣчаетъ одна современница, передъ самымъ отъѣздомъ его въ Египетъ. Онъ и самъ понимаетъ, что ему надо бѣжать: „этотъ Парижъ давитъ меня, какъ свинцовый плащъ“.⁴ Не только Парижъ, но и вся европейская цивилизація.

Вотъ отчего тяга его на Востокъ. „Въ Египтѣ я чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ путъ стѣснительной цивилизаціи... Это было лучшее время моей жизни, потому что самое идеальное. Но судьба рѣшила иначе... Я долженъ былъ вернуться въ дѣйствительность социальнаго порядка“. Въ европейскую цивилизацію — „шелковый мѣшокъ съ навозомъ“.

Вотъ почему онъ любитъ войну. „Война — *естественное состояніе, état naturel*“ — оголеніе, освобожденіе отъ „свинцоваго плаща“ цивилизаціи.⁵

Вотъ почему онъ любитъ и революцію, — ненавидитъ, убиваетъ ее, а все таки любитъ. „Маратъ... я его люблю, потому что онъ искрененъ. Онъ всегда говоритъ,

что думаетъ. Это характеръ. Онъ одинъ борется противъ всѣхъ“. ¹

Обуздатель, устроитель революціоннаго хаоса, онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ бушующій хаосъ, можетъ быть, большій, чѣмъ революція, и величайшій подвигъ его въ томъ, что онъ обуздалъ не только тотъ, внѣшній, но и тотъ, внутренній, хаосъ — „ужась Горгоны“. Самъ бы онъ, впрочемъ, не спасся отъ него. Мать земля спасла его, а можетъ быть, и Матерь Небесная.

Что же значитъ „ненависть его къ цивилизації“? Куда онъ изъ нея стремится? Въ „естественное состояніе“, — такъ ему казалось въ юности, когда онъ увлекался Руссо. Но онъ былъ слишкомъ уменъ и трезвъ для такихъ увлеченій: Жанъ-Жакова дурь скоро съ него соскочила. „Мнѣ особенно опротивѣлъ Руссо, когда я увидѣлъ Востокъ: дикій человѣкъ — собака“. ²

Но, если не въ „дикость“, то куда же? Въ иную цивилизацію, или точнѣе, въ иной всемірно-историческій, а можетъ быть, и космическій, вѣкъ — эонъ; изъ нашего, „луннаго“, — въ „солнечный“. Что же это за „солнечный вѣкъ“?

Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди!

Можетъ быть, мы все еще не понимаемъ, какъ слѣдуетъ, трагическое значеніе для насъ этихъ двухъ душъ.

Двѣ души — два сознанія: бодрствующее, дневное, поверхностное, и ночное, спящее, глубокое. Первое — движется, по закону тождества, въ силлогизмахъ, въ индукціяхъ, и, доведенное до крайности, даетъ всему строенію культуры тотъ мертвый, „механический“ обликъ, который намъ такъ хорошо знакомъ; второе — движется, по законамъ какой-то невѣдомой намъ логики, въ прозрѣньяхъ, ясновидѣньяхъ, интуиціяхъ, и даетъ культурѣ обликъ живой, органической, или, какъ сказали бы древніе, „магическій“.

„Магія“, „теургія“ — эти слова давно потеряли для

насъ свой реальный смыслъ. Чтобы напомнить его, мы могли бы только указать на такую слабую и грубую аналогію, какъ „животный инстинктъ“. Муравьи, на берегу рѣки, знаютъ, гдѣ надо строить муравейникъ, чтобы не залило его водой половодья! ласточки знаютъ, куда нужно летѣть, чтобы попасть въ прошлогоднее гнѣздо, за двѣ тысячи верстъ. И это знаніе, не менѣе достовѣрное, чѣмъ то, которое мы получаемъ путемъ индукцій и силлогизмовъ, кажется намъ „чудеснымъ“, „магическимъ“. Мы могли бы указать и на менѣе грубую, но еще болѣе слабую, аналогію геніальныхъ прозрѣній, интуицій, въ научномъ и художественномъ творествѣ, которыя вѣдь тоже не по лѣстницѣ тиллогизмовъ и индукцій, а внезапно, какъ бы „чудесными“, взлетами, такъ что въ этой „чудесности“ генія и заключается его особенность, несоизмѣримость съ нашей обыденной „механикой“. Но все это лишь слабые намеки на какую-то огромную, исчезнувшую для насъ, дѣйствительность; малыя дроби какого-то невѣдомаго намъ огромнаго цѣлаго.

Наблюдая съ этой точки зрѣнія рядъ нисходящихъ отъ насъ въ глубину древности, великихъ культуръ, мы замѣчаемъ, что, по мѣрѣ нисхожденія, механичность дневного сознанія въ нихъ убываетъ, и возрастаетъ органиченность сознанія ночного, — та для насъ темная область его, которую древніе называютъ „магіей“, „теургіей“. Если же довести этотъ рядъ до конца, то получится нашъ крайній антиподъ, противоположно-подобный, двойникъ — противоположный въ путяхъ подобный въ цѣли — въ титанической власти надъ природою, — та совершенно-органическая, „магическая“ культура, которую миѳъ Платона называетъ „Атлантидою“.

„Былъ нѣкогда Островъ противъ Геркулесовыхъ Столповъ; земля, по размѣрамъ, большая, чѣмъ Ливія и Малая Азія, взятыя вмѣстѣ, Этотъ Островъ — Атлан-

тида, сообщаетъ Солону, Аѳинянину, старый Сакскій жрецъ одно изъ древнѣйшихъ сказаній Египта въ „Тимей“ Платона. „Произошли великія землетрясенія, потопа, и въ одинъ день, въ одну ночь, островъ Атлантида исчезъ въ морской пучинѣ“.

Миѣ о концѣ Атлантиды могли разсказать Бонапарту ученые спутники его, члены Института, когда на фрегатѣ Мьюронъ, на возвратномъ пути изъ Египта во Францію, въ 1799 году, онъ однажды, послѣ чтенія Библии, бесѣдовалъ съ ними о вѣроятномъ разрушеніи земли новымъ всемірнымъ потопомъ или пожаромъ.¹ Или раньше въ Египтѣ, могли они напомнить ему объ „Атлантахъ“, распространившихъ свое владычество до предѣловъ Египта“ (Платонъ „Критій“).

Что почувствовалъ бы Наполеонъ, слушая эти сказанія? Пронеслось ли бы надъ душой его родное вѣянье?

Первое міровое владычество основали Атланты, а онъ хотѣлъ основать послѣднее.

Атланты — сыны Океана, и онъ тоже:

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубока и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.²

Атланты — островитяне, и онъ тоже: родился на островѣ Корсикѣ; умеръ на островѣ Св. Елены; первый разъ палъ на островъ Эльбу; и всю жизнь боролся съ островомъ Англіей — современной „Атлантидой“ маленькой, за будущую великую, — всю земную сушу, окруженную морями.

Но, можетъ быть, еще глубже этихъ внѣшнихъ сходствъ — сходство внутреннее.

Мать-Земля, Солнце-Отецъ, Человѣкъ-Сынъ, — такова религія Атлантовъ, судя по обломкамъ ея, которые сохранили намъ вавилонскіе и шумеро-аккадскіе прапращуры нашей исторіи. —

Клинописныя скрижали
Допотопныхъ мудрецовъ.

„Если бы мнѣ надо было выбирать религію, я обоготворилъ бы Солнце... Это истинный Богъ земли“. Мать-Земля, Солнце-Отець, Человѣкъ-Сынъ, — можетъ быть, это и есть та „религія, отъ начала міра одна“, которой онъ искалъ.

Атланты — „органичны“, и онъ тоже. Въ законодательствѣ, отвлеченныя схемы „идеологовъ“ онъ замѣняетъ живымъ, историческимъ опытомъ; въ стратегіи, всѣ механическія теоріи—двумя органическими знаніями—проникновеньями въ живую душу солдатъ и въ живую природу мѣстности, гдѣ происходитъ сраженіе.

Это въ большемъ, это и въ маломъ. Такъ же не вѣрять врачамъ, механикамъ тѣла, какъ „идеологамъ“, механикамъ ума; силлогизмами не думаетъ, лѣкарствами не лѣчится; думаетъ прозрѣньями, „интуиціями“, лѣчится „магіей“; самовнушеніемъ.

Степень механичности, данную въ европейской цивилизаціи, принимаетъ, по необходимости; но степени большей не хочетъ. Когда въ 1803 году готовилъ военный десантъ въ Англію, американецъ Фѣльтонъ (Fulton) предложилъ ему свое изобрѣтеніе — пароходъ; онъ его не принялъ и былъ, конечно, неправъ: пароходъ могъ бы дать ему побѣду надъ англійскимъ паруснымъ флотомъ, ключъ къ міровому владычеству.¹ Но по одному этому видно его отвращеніе къ механикѣ.

Судя по циклопическому зодчеству Атлантовъ, о которомъ говоритъ Платонъ, механика ихъ была не менѣе, а можетъ быть, и болѣе совершенна, чѣмъ наша; судя по нашей религіи — христіанству, интуиція наша не менѣе, а можетъ быть, и болѣе глубока, чѣмъ интуиція Атлантовъ.

Въ чемъ наша разница съ ними? Въ волѣ, въ сознаніи: мы только и дѣлаемъ, что подчиняемъ нашу

интуицію механикѣ, покрываемъ ночное сознание дневнымъ; Атланты, наоборотъ: свое дневное сознание покрываютъ ночнымъ, механику подчиняютъ интуиціи.

Наполеонъ, и въ этомъ смыслѣ, Атлантъ, нашъ антиподъ: для насъ механика — крылья, а для него — тяжесть, которую онъ подымаетъ на крыльяхъ интуиціи.

Душа Атлантиды — „магія“, и душа Наполеона тоже. „Какъ ни велико было мое матеріальное могущество, духовное было еще больше: оно доходило до „магіи“. — „Мнѣ нужно было, что бы моя судьба, мои удачи имѣли въ себѣ нѣчто „сверхестественное“. Послѣ Ватерлоо, „чудесное въ судьбѣ моей пошло на убыль“. ¹

У него былъ „родъ магнетическаго предвидѣнія (prévision magnetique) своихъ будущихъ судебъ“, вспоминаетъ Бурьеннъ. ² „У меня было внутреннее чувство того, что меня ожидаетъ“, вспоминаетъ онъ самъ. ³ Можно сказать, что весь Наполеоновскій геній — въ этомъ „внутреннемъ чувствѣ“, въ „магнетическомъ“, магическомъ „предвидѣніи“: оно-то и даетъ ему такую безконечную, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы „волшебную“, власть надъ людьми и событіями.

„Sire, vous faites toujours des miracles! Государь, вы всегда творите чудеса!“ простодушно и глубоко говоритъ ему помощникъ Маконскаго мэра, свидѣтель Эльбскаго чуда — триумфальнаго шествія императора въ Парижъ, въ 1815 году. ⁴

„Ну вотъ, его и взорвали!“ обрадовался кто-то, узнавъ о взрывѣ адской машины подъ каретой Перваго Консула, на Никезской улицѣ, въ 1801 году. — „Что? Его взорвали?“ — воскликнулъ старый военный, австріецъ, свидѣтель „чудеса“ Итальянской кампаніи. — Нѣтъ, господа, вы его не знаете... Я держу пари, что онъ сейчасъ здоровѣе насъ всѣхъ... Я давно знаю всѣ его штуки!“ ⁵ Это значитъ, — „колдовскія штуки“, „магію“:

Сила „магіи“ — сила „внушенія“. Когда онъ хотѣлъ соблазнить кого нибудь, въ его словахъ было неодоли-

мое обаяніе, родъ „магнетической силы“, вспоминаеть Сегюръ.¹

„Вѣщимъ волхвомъ“ называетъ его русскій поэтъ, Тютчевъ, а египетскіе мамелюки называли его „колдуномъ“.²

„Этотъ дьявольскій человѣкъ имѣеть надо мною такую власть, что я этого и самъ не понимаю“, — признается генераль Вандаммъ своему пріятелю. — „Я ни Бога, ни чорта не боюсь, а когда подхожу къ нему, — я готовъ дрожать, какъ ребенокъ: онъ могъ бы заставить меня пройти сквозь игольное ушко, чтобы броситься въ огонь!“

„Вездѣ, гдѣ я былъ, я повелѣвалъ... Я для того и рожденъ“, говоритъ онъ самъ.³ И люди это знаютъ:

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.⁴

Очами „колдуна“, „пронзающими голову, *ses regards qui traversent la tête*“:⁵ страшная сила внушенія — „магія“ — въ этихъ очахъ.

Да, „колдунъ“, „великій магъ“, творящій свою жизнь и жизнь людей, всемірную исторію, кзкъ непрестанное чудо.

Все это и значить: душа Няполеона — душа Атлантиды — магія.

Намъ грозитъ гибелью злоупотребленіе „механикой“; Атлантовъ погубило злоупотребленіе „магіей“. Нашъ путь иной, но цѣль та же, что у нихъ: титаническая власть надъ природою и высшая точка ея — человѣкъ, становящійся Богомъ. Атланты — „сыны божьи“, по миѳу Платона. „Когда же божеская природа людей постепенно истощилась, смѣшиваясь съ природой человѣческой и, наконецъ, человѣческая совершенно возобладала надъ божеской, то люди развратились... Мудрые видѣли,

что люди сдѣлались злыми, а немудрымъ казалось, что они достигли вершины добродѣтели и счастья, въ то время какъ обуяла ихъ безумная жажда богатства и могущества.... Тогда Зевсъ рѣшилъ наказать развращенное племя людей“ („Критій“). И Атлантида погибла въ морской пучинѣ.

Титанизмъ погубилъ Атлантовъ, и Наполеона—тоже. Чувствомъ божественной мѣры онъ обладалъ, какъ никто; но, достигнувъ вершины могущества, утратилъ это чувство или пожертвовалъ имъ титанической безмѣрности.

Что такое „Атлантида?“ Преданіе или пророчество? Была она или будетъ? Отчего именно сейчасъ, какъ никогда, мы чувствуемъ сквозь этотъ „миѳъ“ какую-то для насъ неотразимую дѣйствительность?

„Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, — и явится Человѣкобогъ“ (Иванъ Карамазовъ, у Достоевскаго). О комъ это сказано. Объ Атлантахъ или о насъ? Не такіе же ли и мы обреченные, обуянные безумною гордыней и жаждой могущества, „сыны божьи“, на Бога возставшіе. И не ждетъ ли насъ тотъ же конецъ?

„Какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго. Ибо, какъ во дни передъ потопомъ, ѣли, пили, женились, выходили замужъ, до того дня какъ вошелъ Ной въ ковчегъ; и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ, такъ будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго“ (*Матѳ.*, XXIV).

Атлантида и Апокалипсисъ — конецъ перваго человѣчества и конецъ второго. Вотъ отчего Наполеонъ—человѣкъ изъ Атлантиды и „апокалипсическій Всадникъ“ — вмѣстѣ.

И вотъ для чего онъ посланъ въ мѣръ: чтобы сказать людямъ: „можетъ быть, скоро конецъ“.

Злой или добрый?

„Наполеонъ, человекъ изъ Атлантиды“, — это не совсѣмъ точно; точнѣе: человекъ изъ Атлантиды — въ немъ.

Что какое-то существо, не имѣющее себѣ подобнаго, больше или меньше, чѣмъ человекъ, по глубокому впечатлѣнію г-жи де-Сталь, — существо божественное или демоническое, дѣйствительно, вложено, инкрустировано въ человѣческомъ существѣ Наполеона, — это намъ очень трудно понять, а древнимъ было бы легко.

„Наполеонъ — послѣднее воплощеніе бога солнца, Аполлона“, это для насъ, если не пустыя слова, то лишь поэтической образъ или отвлеченная идея; а для древнихъ — „Александръ, послѣднее воплощеніе бога Діониса“, есть живая, всемірно-исторически движущая сила, основа такой огромной дѣйствительности, какъ эллинистическая всемірность; точно такъ же *Divus Caesar Imperator* — основа всемірности римской.

Для нашего философскаго идеализма — мнимо-христіанской, духовной безплотности — Богъ человеку трансцендентенъ, невоплотимъ въ человекъ, а для религіознаго реализма древнихъ — воплощенъ, имманентенъ. Въ этомъ смыслѣ, такъ называемое „язычество“ — дохристіанское язычество — въ высшихъ точкахъ сво-

ихъ — мистеріяхъ страдающаго Бога-Сына — ближе, чѣмъ мы, къ существу христіанства, ибо въ чемъ же это существо и заключается, какъ не въ утвержденіи божественной имманентности, воплощенности Бога: „Слово стало плотью?“,

Древніе знали, что „боги — въ ростъ человѣческой“, особенно знали это греки, чувствовавшіе, какъ никто, божественность человѣческаго тѣла. Исполины — не боги, а титаны, ихъ огромность, безмѣрность — слабость, сила же боговъ — въ человѣческой мѣрѣ.

Знають это и пророки Израиля. „Господи, что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и сынъ человѣческой, что Ты посѣщаешь его? Немного Ты умалилъ его предъ Ангелами“ (*Пс.*, 8). — „Я сказалъ: вы — боги, и сыны Всевышняго — всѣ вы; но вы умрете, какъ человѣки“ (*Пс.*, 81). Кто же эти смертные боги, какъ не тѣ богоподобные люди, герои, которыхъ древніе называютъ „сынами божьими“.

И Ангелъ Апокалипсиса измѣряетъ стѣну новаго Іерусалима „золотою тростью, мѣрою человѣческою, какова мѣра и Ангела“ (*Откр.*, 21). Это и значитъ, — хотя, разумѣется, тутъ религіозный опытъ происходитъ въ иной категоріи: „боги — въ ростъ человѣческой“.

Кажется, кое-кто изъ современниковъ Наполеона видѣлъ въ немъ эту божескую или титаническую „инкрустацию“ — „человѣка изъ Атлантиды“, хотя, конечно, слово это никому не приходило въ голову; кое-кто видѣлъ ее такъ же ясно, какъ бѣлизну слоновой кости, вставленной въ черное дерево, чуялъ въ немъ „не совсѣмъ человѣка“, такъ же издали, по запаху, какъ собаки чуютъ волка. Но для насъ это физически-зримое въ лицѣ Наполеона уже навсегда потеряно. Лучшіе портреты не передаютъ его вовсе.

Кажется, вообще, портреты относятся къ живому лицу его, какъ пепель къ пламени: пламя неизобразимо въ живописи, въ ваяніи: такъ и лицо Наполеона. Слово

скорѣе могло бы уловить его, если бы только у этого Діониса былъ свой Орфей.

Вотъ одинъ изъ лучшихъ портретовъ его, сдѣланный когда-то почти влюбленной въ него, а потомъ вдругъ испугавшейся и возненавидѣвшей его, женщиной. „Бонапартъ — небольшого роста, не очень строенъ: туловище его слишкомъ длинно. Волосы темно-каштановые, глаза сѣро-голубые; цвѣтъ лица, сначала, при юношеской худобѣ, желтый, а потомъ, съ лѣтами, бѣлый, матовый, безъ всякаго румянца. Черты его прекрасны, напоминаютъ античныя медали. Ротъ, немного плоскій, становится пріятнымъ, когда онъ улыбается; подбородокъ немного коротокъ, нижняя челюсть тяжела и квадратна. Ноги и руки изящны; онъ гордится ими. Глаза, обыкновенно тусклые, придаютъ лицу, когда оно спокойно, выраженіе меланхолическое, задумчивое; когда же онъ сердится, взглядъ ихъ становится внезапно суровымъ и грознымъ. Улыбка ему очень идетъ, дѣлаетъ его вдругъ совсемъ добрымъ и молодымъ; трудно ему тогда противостоятъ, такъ онъ весь хорошеетъ и преображается“.¹

Но и этотъ лучший портретъ — только пепель, вмѣсто огня. Здѣсь нѣтъ самаго главнаго — того, отъ чего безстрашный генералъ Вандаммъ, „каждый разъ, подходя къ Наполеону, готовъ былъ дрожать, какъ ребенокъ“, и что могло его заставить „пролѣзть сквозь игольное ушко, чтобы броситься въ огонь“ за императора.

Это гораздо лучше передано въ простодушныхъ словахъ одного бельгійскаго крестьянина, Наполеонова проводника на Ватерлооскомъ полѣ. Когда его спросили, какъ показался ему императоръ, онъ отвѣтилъ коротко и странно: „если бы даже лицо его было циферблатомъ часовъ, — духу не хватило бы взглянуть, который часъ. *Son visage aurait été un cadran d'horloge qu'on n'edurait pas osé regarder l'heure*“.²

А вотъ что-то еще болѣе странное.

Много думали древніе о мужеженской природѣ боговъ: даже въ такомъ мужественномъ богѣ, какъ Апполонъ Пифійскій, просвѣчиваетъ женственность, а въ Діонисѣ, страдающемъ богѣ-сынѣ мистерій, достигаетъ она своего апогея. Чтобы укротить титаническое буйство первыхъ людей, андрогиновъ, боги, по миѳу Платона, разрубаютъ каждого изъ нихъ пополамъ, на мужчину и женщину, „подобно тому, какъ яйца, когда солятъ ихъ въ прокъ, рѣжутъ волосомъ на двѣ половины“ („Пиръ“); и, хотя объ этомъ не сказано въ миѳѣ, невольно приходитъ на мысль, не связанъ ли и титанизмъ Атлантовъ съ ихъ мужеженской природой.

„У него (Наполеона) полнота не нашего пола“, замѣчаетъ Ла Казсамъ не подозревая, какихъ таинственныхъ глубинъ касается здѣсь въ существѣ Наполеона.¹ Женственность у этого самаго мужественнаго изъ людей иногда внезапно проступаетъ не только въ тѣлѣ, но и въ духѣ. „Онъ слабѣе и чувствительнѣе, чѣмъ думаютъ“, замѣчаетъ очень хорошо знавшая эти женскія черты его, императрица Жозефина.² „Часто хвалили силу моего характера“, — вспоминаетъ онъ самъ, — „но я былъ мокрая курица, особенно, съ родными, и они это отлично знали; когда у меня проходила первая вспышка гнѣва, ихъ упрямство и настойчивость всегда побѣждали, такъ что, въ концѣ концовъ, они дѣлали со мной все, что хотѣли.“³ Онъ часто и легко плачетъ, какъ женщина; отъ внезапно находящей дурноты надо его отпаивать сахарной водою съ флеръ д’оранжемъ, какъ настоящую маркизу XVIII-го вѣка.⁴

„Посмотрите-ка докторъ, — говоритъ онъ однажды на Св. Еленѣ доктору Антоммарки, выходя къ нему, совсѣмъ голый, послѣ утренняго обтиранія одеколономъ, — посмотрите, какія прекрасныя руки, какія округленныя груди, какая бѣлая кожа, совсѣмъ гладкая, безъ волоска... Этакимъ груди могла бы позавидовать любая красавица!“⁵

Если бы кто-нибудь сказалъ ему, что величайшая

и страшнѣйшая изъ всѣхъ его мыслей — сдѣлаться, подобно Александру Великому, „вторымъ Діонисомъ“, завоевателемъ Индіи, самымъ женственнымъ изъ всѣхъ боговъ, — что эта мысль какъ-то мистически связана въ немъ съ „полнотой не нашего пола“, онъ, разумѣется, ничего не понялъ бы и разсмѣялся. Но, можетъ быть, не до смѣха было бы тому старому австрійцу, который хорошо зналъ всѣ его „штуки“, всю его „магію“, если бы онъ услышалъ такой анекдотъ. „Какъ тебѣ понравилась новая императрица?“ спросили одного пріѣзжаго изъ провинці лакея, только-что смотрѣвшаго на парадный, въ золоченной, восьмистекольной каретѣ, выѣздъ императрицы Маріи-Луизы. — „Очень хороша, очень!“ — отвѣтилъ тотъ съ умиленіемъ. — И какая добрая! Старую гувернантку свою взяла съ собой въ карету!“ Что это за „гувернантка“, поняли только тогда, когда онъ объяснилъ, что у нея полное, очень блѣдное лицо и малиновый бархатный токъ съ большими бѣлыми перьями — церемоніальная шляпа самого императора: это былъ онъ.¹

Надо вообразить у этой „старой гувернантки“ глаза колдуна, „пронзающіе голову“, на такомъ лицѣ, что „если бы оно было даже циферблатомъ часовъ, духу не хватило бы взглянуть, который часъ“, — чтобы понять страхъ блѣднаго австрійца: „вотъ еще одна изъ его *штукъ*: проклятый колдунъ, оборотень, — обернулся женщиной“.

Что же это такое, въ концѣ концовъ, — „чудо“ или „чудовище“? Что это за существо въ Наполеонѣ, „не имѣющее себѣ подобнаго“. — божественное или демоническое, злое или доброе?

Нище, можетъ быть, отвѣтилъ бы почти такъ же, какъ отвѣчаетъ г-жа де-Сталь: ни злое, ни доброе, а по ту сторону зла и добра. Но такой отвѣтъ слишкомъ уклончивъ: вѣдь и „по ту сторону“ человѣческаго добра и зла, есть иное, „сверхчеловѣческое“, божественное.

Кромѣ нашихъ скудныхъ нравственныхъ мѣръ, деревянныхъ аршиновъ, есть „золотая трость“, которою Ангелъ Апокалипсиса измѣряетъ стѣны Града Божьяго — „мѣрою человѣческою, какова мѣра и Ангела“. Вотъ. по этой-то мѣрѣ, что такое Наполеонъ?

Намъ это очень важно знать, потому что, если онъ, все-таки нашъ послѣдній герой, — „чудовище“, то что-же мы сами? Ибо, каковъ Герой, Человѣкъ, таково и человечество.

„У Бонапарта врожденная злая природа, врожденный вкусъ къ злу, какъ въ большихъ дѣлахъ, такъ и въ малыхъ“. — „Кажется, всякое великодушное мужество чуждо ему“. — „Этотъ человѣкъ былъ убійца всякой добродѣтели“, говоритъ о немъ та же влюбленная въ него и ненавидящая г-жа Ремюза.¹

„Наполеонъ не только не былъ золь, но былъ естественно-добръ“, говоритъ человѣкъ, самъ очень добрый и простой, просто любящій Наполеона, послѣдній секретарь его, баронъ Фейнъ.² Это подтверждаетъ и первый секретарь, школьный товарищ его, Бурьеннъ, человѣкъ не добрый и лично противъ Наполеона озлобленный: „я, кажется, достаточно строго сужу его, чтобы мнѣ повѣрили на-слово, — и вотъ я говорю: внѣ политики, онъ былъ чувствителенъ, добръ и жалостливъ“.³ — Подтверждаетъ это и русскій императоръ, Александръ I, въ 1810, бывший другъ, будущій врагъ Наполеона: „его не знаютъ и судятъ слишкомъ строго, можетъ быть, даже несправедливо... Когда я его лучше узналъ, я понималъ, что онъ человѣкъ добрый“.⁴

„О, Наполеонъ, въ тебѣ нѣтъ ничего современнаго, ты весь изъ Плутарха!“ воскликнулъ однажды, взглянувъ на девятнадцатилѣтняго Буонапарте, старый корсиканскій герой, Паоли.⁵ „Весь изъ Плутарха“, значить: весь изъ древней бронзы или мрамора, совершенный герой, человѣкъ совершенной добродѣтели. И тотъ же Паоли восклицаетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда львеночъ вы-

пустилъ когти: „видите этого маленькаго человѣка? Два Мірія въ немъ и одинъ Сулла!“¹ Это значить: два разбойника и одинъ узурпаторъ.

Да, по словамъ и даже по безмолвнымъ чувствамъ людей, трудно судить о добрѣ и злѣ въ Наполеонѣ. „Всѣ меня любили и всѣ ненавидѣли“. Слишкомъ ослѣпительно скрещиваются на лицѣ его лучи любви и ненависти.

Но вотъ его собственное признаніе, какъ бы нечаянная исповѣдь, своему злему духу-искусителю, Талейрану, въ дѣловой бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, почти тотчасъ послѣ ужаснаго Лейпцигскаго разгрома 1814 г. Рѣчь идетъ объ испанскомъ королѣ, Фердинандѣ VII, котораго оба они заманили въ ловушку, французскую крѣпость Байонну, и здѣсь ограбили, какъ „настоящіе разбойники на большой дорогѣ“: заставили отречься отъ престола въ пользу французскаго императора, изъ-за чего и вспыхнула многолѣтняя Испанская война-возстаніе, безнадежная и безысходная, одна изъ причинъ Наполеоновой гибели. Талейранъ, главный зачинщикъ и совѣтникъ этого злого дѣла, теперь, когда уже поздно, совѣтуетъ Наполеону исправить его — освободить Фердинанда изъ французскаго плѣна и вывести войска изъ Испаніи.

— „Вы еще слишкомъ сильны, чтобы это сочли подлостью“, заключаетъ онъ двусмысленно.

— „Подлостью? — возразилъ Бонапартъ. — Э, не все-ли мнѣ равно! Знайте, что я ничуть не испугался бы подлости, если бы она была мнѣ полезной. Вѣдь, въ сущности, нѣтъ ничего на свѣтѣ ни благороднаго, ни подлаго, у меня въ характерѣ есть все, что нужно, чтобы укрѣплять мою власть и обманывать всѣхъ, кому кажется, будто бы они знаютъ меня. Говоря откровенно, *я подлъ, въ корнѣ подлъ, je suis lâche, essentiellement lâche*; даю вамъ слово, что я не испыталь бы никакого отвращенія къ тому, что въ ихнемъ свѣтѣ называется „безчестнымъ поступкомъ“. Тайныя склонности мои, въ

концѣ концовъ, естественныя и противоположныя тому притворному величью, которымъ мнѣ приходится себя украшать, даютъ мнѣ безконечныя возможности обманывать людей во всемъ, что они обо мнѣ думаютъ. Итакъ, мнѣ только нужно знать сейчасъ, согласно ли то, что вы мнѣ совѣтуете, съ моею нынѣшней политикой, а также, — прибавилъ онъ сатанинской усмѣшкой, — нѣтъ ли для васъ какойнибудь тайной выгоды толкать меня на это дѣло“.¹

Чтобы понять эту странную исповѣдь, надо сначала понять духовника. Талейранъ тоже, въ своемъ родѣ, существо необыкновенное: человѣкъ большого ума, но совершенно-пустого, мертваго, потому что всякій живой умъ уходитъ корнями своими въ сердце, а у него, вмѣсто сердца, щепотка могильнаго праха или той пыли, на которую разсыпается гнилой грибокъ-дождевикъ. И онъ это знаетъ, чувствуетъ свою бездонную, внутреннюю пустоту, небытiе и злобно-жадно завидуетъ всѣмъ живымъ, сущимъ, — Наполеону, особенно, потому что онъ сущій, живой, по преимуществу.

Чѣмъ же они связаны? Тѣмъ, что Наполеону кажется въ Талейранѣ дѣловымъ реализмомъ, геніальною небрезгливостью къ самой смрадной изъ человѣческихъ кухонь, — политикѣ. Да, этимъ, но и чѣмъ-то еще, болѣе глубокимъ, трансцендентнымъ. Кажется, они связаны, какъ Фаустъ и Мефистофель, человѣкъ и его потусторонняя „тѣнь“: самое не-сущее прилипло къ самому сущему.

И всего удивительнѣе, что Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, одну минуту, какъ будто любитъ или, можетъ быть, — это еще удивительнѣе, — жалѣетъ Талейрана, изъ какой-то трансцендентной вѣжливости или осторожности, обращается съ этимъ „бѣсомъ“ своимъ, какъ съ ангеломъ-хранителемъ. Чѣмъ иначе объяснить такую сцену? Въ 1806 году, восемь лѣтъ до той странной исповѣди, отправляясь въ первую Прусскую кампанію, прямо

изъ дворца на фронтъ, и, въ послѣднюю минуту, прощаясь съ императрицей Жозефиной и Талейраномъ, Наполеонъ обнимаетъ ихъ вмѣстѣ, прижимаетъ къ своей груди нѣжно, крѣпко, и плачетъ: „какъ тяжело, однако, покидать два существа, которыя любишь больше всего на свѣтѣ!“ Плачетъ такъ, что ему дѣлается дурно, и, по обыкновенію, его приходится отпаивать флеръ-д'оранжемъ.¹

Минута, конечно, прошла, и онъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но и понявъ, не можетъ отъ него отдѣлаться, какъ Фаустъ отъ Мефистофеля, съ тою, впрочемъ, разницей, что тутъ „магія“ принадлежитъ не бѣсу, а человѣку.

„Вы, сударь, навозъ въ шелковомъ мѣшкѣ!“ — это только одинъ изъ безчисленныхъ легкихъ пинковъ ногою слишкомъ ласковому пуделю-Мефистофелю. А вотъ — и настоящее, можно сказать, кровавое, хлыстомъ по лицу, избіеніе.

Сцена происходитъ въ Тронномъ залѣ Тюльерійскаго дворца, въ кругу первыхъ сановниковъ, въ 1809 году, когда императоръ, узнавъ о заговорѣ противъ него Талейрана, принужденъ былъ поспѣшно вернуться въ Парижъ изъ неоконченной Испанской кампаніи.

Наполеонъ кричитъ на Талейрана въ непритворномъ бѣшенствѣ, что очень рѣдко случалось съ нимъ, а тотъ, въ привычной позѣ, облокотившись о выступъ камина, чтобы облегчить свою хроную ногу, — онъ хромъ, какъ бѣсъ, — слушаетъ невозмутимо и, не сморгнувъ глазомъ, принимаетъ на лицо свое удары хлыста.

— „Вы, сударь, воръ, подлець, человѣкъ безъ совѣсти, вы въ Бога не вѣруете! Вы всю вашу жизнь только и дѣлали, что нарушали вашъ долгъ, обманывали и предавали всѣхъ. Для васъ нѣтъ ничего святого, вы отца родного продали бы. Я осыпалъ васъ милостями, а вы способны противъ меня на всякое злодѣйство. Вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ, судя вкривъ и вкось и во-

ображая, что мои дѣла въ Испаніи плохо идутъ, вы имѣете безстыдство говорить всѣмъ, кто желаетъ васъ слушать, будто вы всегда осуждали это предпріятіе, тогда какъ сами же вы дали мнѣ первую мысль о немъ и упорно толкали меня на него... Какіе же ваши замыслы? Чего вы хотите? На что надѣетесь? Осмѣльтесь мнѣ это сказать въ глаза. Вы заслужили, чтобы я разбилъ васъ, какъ этотъ стаканъ, но я слишкомъ презираю васъ, чтобы пачкать о васъ руки!"

Рукъ не запачкалъ: Талейранъ остался цѣлъ и даже скоро „призванъ былъ къ совѣту, въ дѣлахъ величайшей важности“.¹ И онъ это зналъ заранее, еще тогда, когда слушалъ брань Наполеона, и всѣ удары шли не мимо, а сквозь него, какъ сквозь тѣло призрака. Трудно сказать, кто въ этой страшной сценѣ страшнѣе, сильнѣе, — въ своемъ родѣ, *безсмертнѣе*, — Наполеонъ или Талейранъ, сущій или не-сущій.

И такому духовнику такая исповѣдь! Можно-ли этому вѣрить? Можно. Талейранъ слишкомъ уменъ, чтобы грубо лгать; слишкомъ хорошо знаетъ, что грубая ложь скоро обличается, а ему нужно, чтобы ложь не обличалась никогда, и великій человекъ вошелъ въ потомство съ этимъ неизгладимымъ, имъ же самимъ, на лбу своемъ, выжженнымъ клеймомъ: „подлецъ“. Талейранъ лжетъ тончайшею, въ самомъ дѣлѣ, „сатанинскою“, — почти правдою — тою, которую одинъ волосокъ отдѣляетъ отъ правды полной. Очень вѣроятно, что онъ передаетъ слова Наполеона со всею возможною точностью; только чуть-что передвигаетъ ихъ смыслъ, мѣняетъ ихъ тонъ — „музыку“: въ такихъ контрапунктахъ лжи Талейранъ — геній.

Могъ ли сказать Наполеонъ: „я подлъ, я въ корнѣ подлъ“? Если и могъ, то, конечно, не съ тою цѣлью, какъ это даетъ понять Талейранъ — не для того, чтобы цинически хвастать своею „подлостью“, выворачивая душу свою на изнанку передъ такимъ зеркаломъ. Въ самомъ

дѣлѣ, какой же въ мірѣ подлець самъ о себѣ говоритъ: „я подлъ“? Какому подлецу не хватитъ ума сохранить видъ благородства, и даже такъ, что чѣмъ подлѣе, тѣмъ благороднѣе?

О, конечно, нравственный судъ Талейрана и ему подобныхъ, со всей ихъ „цивилизацией“ — „навозомъ въ шелковомъ мѣшкѣ“, Наполеонъ презираетъ. „Тайныя склонности мои, въ концѣ концовъ, *естественныя* — qui viennent de la nature — отъ природы идущія“... Этихъ бы словъ Талейрану при всей геніальности лжи его, не выдумать: тутъ слышенъ голосъ Наполеона — ревъ „допотопнаго чудовища“. Подлинны, вѣроятно, и эти слова: „въ сущности, нѣтъ ничего на свѣтѣ ни благороднаго, ни подлаго“. Надо бы только прибавить: „на вашемъ свѣтѣ, господа Талейранъ“. Развѣ это для Талейрана не абсолютная истина? Чье же лицо отразилось въ ней, какъ въ зеркалѣ, — Наполеона или самого Талейрана?

Нѣтъ, кажется, на этотъ разъ геній одурачиванія самъ остался въ дуракахъ, и, кажется, даже самъ почувствовалъ, что такъ оно и будетъ. „Этотъ дьявольскій человѣкъ обманываетъ во всемъ“, — жалуется онъ своей наперсницѣ, г-жѣ Ремюза. — „Даже страсти его неуловимы, потому что онъ умѣетъ и въ нихъ притворяться, хотя у него есть настоящія страсти“.¹ Казалось бы, ясно, какія: честолюбіе, властолюбіе? Нѣтъ, Талейранъ знаетъ или смутно угадываетъ, что предметъ настоящихъ страстей Наполеона или, точнѣе, одной единственной страсти, что-то болѣе глубокое, первичное. Что же именно, этого онъ не знаетъ. Не знаемъ и мы, по крайней мѣрѣ, не умѣемъ назвать; можемъ только намекнуть: *полнота бытія*, — не жизнь, а то изъ чего выходитъ и во что возвращается всякая жизнь, — бытіе въ высшемъ предѣлѣ своемъ; то *сущее*, что дѣлаетъ самого Наполеона, по слову Ницше, „существомъ реальнѣйшимъ“, *ens gealissimum*, и что менѣе всего доступно Талейрану — *не-*

сущему, — вотъ предметъ настоящей, единственной страсти Наполеона, и вотъ почему зависть - ненависть Талейрана къ нему такъ неутолима и беспомощна.

Но если даже этотъ „злой духъ“ его, „клеветникъ“, по преимуществу, не находитъ въ немъ того коренного зла, за которое человѣкъ достоинъ имени „злодѣя“, то гдѣ же оно?

„Другихъ унижаетъ паденье, а меня возвышаетъ безконечно, — говоритъ Наполеонъ на Св. Еленѣ. — Каждый день срываетъ съ меня кожу тирана, убійцы, злодѣя“. ¹ Какъ же выросла на немъ эта кожа? Не было ли въ жизни его хотя бы одного совершенно-злого дѣла — злодѣйства?

Кажется, онъ самъ искренно думаетъ, что не было. „Моя природа чужда злодѣйства; не было, за все мое правленіе, ни одного дѣйствія, за которое я не могъ бы отвѣтить на судѣ, не говорю, безъ стыда, но даже съ нѣкоторой для себя честью“. ² — Я не совершилъ ни одного преступленія во всей моей политической жизни; я могъ бы это утверждать передъ лицомъ смерти. Если бы я былъ способенъ на преступленіе, меня бы не было здѣсь“ (на Св. Еленѣ). — Да, и на что мнѣ оно? Я слишкомъ для него фаталистъ и слишкомъ презираю людей“. ³

А дѣло герцога Энгіенскаго? Забылъ онъ о немъ или помнить, но считаетъ себя невиннымъ?

Дѣло было такъ. Въ началѣ 1804 года, арестованы сорокъ заговорщиковъ, имѣвшихъ намѣреніе покунуться на жизнь Перваго Консула, большею частью, наемниковъ англійскаго правительства; въ томъ числѣ, Жоржъ Кадудаль, бретонскій „шуанъ“-роялистъ, и два генерала, Пишегрю и Моро, знаменитый побѣдитель подъ Гогенлинденомъ, бывшій Бонапартовъ соперникъ. Три послѣднихъ года, съ покушенія на Никезской улицѣ, Первый Консулъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, окруженъ убійцами. „Воздухъ полонъ кинжалами“, остерегалъ его бывшій

министръ полиціи, Фуше.¹ Да онъ и самъ это чувствовалъ: „что я, собака, что ли, которую всякій прохожій на улицѣ можетъ убить?“.² — „Мнѣ принадлежало естественное право самозащиты, — вспоминаетъ онъ на Св. Еленѣ, — на меня нападали со всѣхъ сторонъ и каждую минуту... духовыя ружья, адскія машины, заговоры, западни всѣхъ родовъ... Я, наконецъ, усталъ и воспользовался перекинуть терроръ обратно въ Лондонъ... Война за войну... кровь за кровь“. — „Вѣдь и моя кровь тоже не грязь. Мое великое правило, что въ войнѣ и въ политикѣ зло извинительно, поскольку оно необходимо; все же остальное — преступленіе“.³

Предполагали — ошибочно, какъ потомъ доказано было съ несомнѣнностью, — что въ заговорѣ участвовалъ и даже одно время находился въ Парижѣ герцогъ Энгіенскій, Людовикъ Бурбонъ Кондэ, одинъ изъ послѣднихъ отпрысковъ стараго королевскаго дома Франціи. Это былъ болѣзненнаго вида человѣкъ лѣтъ тридцати съ тихимъ и грустнымъ лицомъ „бѣднаго рыцаря“. Въ маленькомъ городкѣ Эттенгеймѣ маркграфства Баденскаго, неподалеку отъ Рейна и французской границы онъ жилъ уединенно, мало занимаясь политикой, охотясь и предаваясь любовнымъ мечтамъ.

„Помню, какъ сейчасъ“, — продолжаетъ вспоминать Наполеонъ на Св. Еленѣ, — „я сидѣлъ однажды, послѣ обѣда, за чашкой кофэ; вдругъ входятъ и объявляютъ о новомъ заговорѣ герцога Энгіенскаго... Я даже хорошенько не зналъ, кто онъ такой... Но все подготовили заранѣе“.⁴ Подготовилъ Талейранъ. Онъ же настоялъ на арестѣ герцога, вопреки международному праву, на чужой территоріи.

15 марта, взводъ французскихъ жандармовъ перешелъ черезъ границу, пробрался въ Эттенгеймъ, окружилъ потихоньку домъ герцога, вломился въ него, съ саблями на-голо и пистолетами въ рукахъ, арестовалъ герцога, усадилъ его въ карету и увезъ, подъ конвоемъ,

сначала въ Страсбургъ, а оттуда въ Парижъ, въ Венсенскую крѣпость.

Первый Консулъ хотѣлъ поручить это дѣло генералу Мюрату, тогдашнему Парижскому губернатору. Но тотъ отказался на-отрѣзъ: „мундиръ мой запачкать хотятъ, но этого я не позволю!“¹ Бонапартъ все взялъ на себя, но, конечно, „ангель хранитель“ его, Талейранъ, стоялъ за нимъ неотступно. Министръ полиціи, Савари, былъ только слѣпымъ орудіемъ обоихъ.

Для суда надъ герцогомъ назначена была военно-полевая комиссія. „Кончить все въ эту ночь, — сказано было въ приказѣ. — Приговоръ, если онъ будетъ, какъ я не могу въ этомъ сомнѣваться, смертнымъ, привести въ исполненіе немедленно и виновнаго похоронить на одномъ изъ крѣпостныхъ дворовъ. — Бонапартъ“.²

На первомъ допросѣ обнаружилась совершенная невинность герцога. „Настоятельно прошу личнаго свиданія съ Первымъ Консуломъ, — написалъ онъ подъ допроснымъ листомъ. — Имя мое, мой санъ, образъ мыслей и ужасъ моего положенія позволяютъ мнѣ надѣяться, что онъ мнѣ въ этомъ не откажетъ“.³

Просьба не была передана по назначенію: ее задержалъ Талейранъ.

21 марта, въ два часа пополудни, герцога привели въ комиссію. Второй допросъ ничего не прибавилъ къ первому. Подсудимый отвѣчалъ съ достоинствомъ; не думалъ скрывать, — это, впрочемъ, и такъ знали всѣ, — что готовъ стать подъ знамена державъ, воюющихъ съ незаконнымъ правительствомъ Бонапарта, „потому что этого требуютъ санъ и кровь Бурбоновъ, текущая въ моихъ жилахъ“; но самую мысль о покушеніи на жизнь Перваго Консула отвергъ съ негодованіемъ.

Только-что подсудимаго вывели, — судьи постановили смертный приговоръ, но, хорошенько не зная, по какимъ статьямъ какого закона судятъ его, — оставили для нихъ бѣлое мѣсто въ строкѣ. Невинность герцога

была для нихъ такъ очевидна, что они рѣшили, вмѣстѣ съ просьбой его о свиданіи, послать Первому Консулу свое ходатайство о помилованіи. Но не успѣли.¹

Въ половинѣ третьяго пополудни, — значить судъ продолжался менѣе получаса, — жандармы вошли въ камеру герцога. Когда его вели внизъ по лѣстницѣ, въ крѣпостной ровъ, онъ спросилъ, куда его ведутъ. Никто ему не отвѣтилъ. Снизу пахнуло холодомъ. Онъ схватилъ за руку одного изъ спутниковъ и опять спросилъ: „Въ тюрьму?“ Но вдругъ, увидѣвъ взводъ солдатъ съ ружьями, понялъ. Отрѣзалъ прядь волосъ, снялъ съ руки перстень и просилъ отослать ихъ на память своей возлюбленной, принцессѣ Роганъ-Рошфоръ. Потомъ спросилъ: „развѣ мнѣ не дадутъ священника?“ — „Капуциномъ хочеть умереть, что ли?“ раздался съ крѣпостнаго вала чей-то насмѣшливый голосъ, — кажется министра Савари. Герцогъ опустился на колѣни, помолился, всталъ и проговорилъ: „какъ ужасно умереть отъ руки французовъ!“ Ему хотѣли завязать глаза, но онъ просилъ этого не дѣлать. Раздался залпъ, и онъ упалъ мертвыми.²

Наканунѣ весь день Первый Консулъ просидѣлъ, запершись, у себя въ кабинетѣ. Жозефина ворвалась къ нему, упала, вся въ слезахъ, къ ногамъ его и умоляла за герцога. Онъ грубо оттолкнулъ ее ногою и сказалъ: „ступайте прочь! Вы ребенокъ и ничего не понимаете въ политикѣ!“

А на слѣдующій день, въ пять часовъ утра, лежа въ постели, рядомъ съ нею, онъ разбудилъ ее и сказалъ: „сейчасъ герцога Энгіенскаго нѣтъ въ живыхъ“. Она закричала, заплакала. „Ну, ладно, спи!“ проговорилъ онъ сухо, и опять, какъ наемни, прибавилъ: „ты ребенокъ“.³

Что это, безчувственность? Едва-ли. За два дня до казни, Шатобрианъ видѣлъ Перваго Консула въ Тюльерійскомъ дворцѣ, на большомъ выходѣ, съ такимъ

страшнымъ лицомъ, что, вернувшись домой, сказалъ друзьямъ: „Бонапартъ или боленъ, или съ нимъ случилось что-то необыкновенное, чего мы не знаемъ“. ¹

„Что ты сдѣлалъ, мой другъ, что ты сдѣлалъ“, плакала Жозефина, въ самый день казни. „Да, несчастные слишкомъ поторопились“, — проговорилъ онъ задумчиво и потомъ прибавилъ: „дѣлать нечего, надо принять вину на себя: взваливать ее на другихъ — подло“. ²

Графъ Сегюръ видѣлъ его, дня три-четыре спустя, на обѣдни въ Тюльерійской часовнѣ. „Я жадно смотрѣлъ на него... Мнѣ казалось, что окровавленная жертва предстоитъ алтарю... Я искалъ въ лицѣ его угрызенія или хотя бы сожалѣнія... но ничего не измѣнилось въ этомъ лицѣ... оно было спокойно“.

Послѣ обѣдни, Первый Консулъ обходилъ ряды сановниковъ и заговаривалъ съ ними о дѣлѣ Энгіена: видимо хотѣлъ узнать впечатлѣніе; но единственнымъ отвѣтомъ ему была подлая лесть или угрюмое молчаніе. И вдругъ онъ самъ сталъ угрюмымъ, умолкъ и внезапно вышелъ. ³

„Мы вернулись къ ужасамъ 93 года. Та же рука, что извлекла насъ изъ нихъ, въ нихъ же опять погружаетъ“, — говорилъ графъ Сегюръ выражая въ этихъ словахъ тогдашнія чувства лучшихъ людей. — „Я былъ уничтоженъ. Прежде я гордился великимъ чековѣкомъ, которому служилъ; онъ былъ для меня совершенный герой, а теперь... „Духу не хватаетъ ему кончить: „теперь, вмѣсто героя, злодѣй“.

Скоро Бонапартъ получилъ награду за убійство — три съ половиной милліона голосовъ въ отвѣтъ на предложеніе Сената объявить его императоромъ: перешагнулъ на престолъ черезъ неостывшій трупъ Энгіена.

Такъ совершился древній ужасъ Горгоны — чело-вѣческое жертвоприношеніе: жрецъ вонзилъ ножъ въ сердце жертвы и „увидѣлъ солнце, — какое лучезарное!“

„Эти люди хотѣли убить въ моемъ лицѣ Револю-

цію, — говоритъ императоръ своимъ приближеннымъ. — Я долженъ былъ защищать ее. Я показалъ, на что она способна“. — „Когда все успокоится, меня уже не будутъ осуждать — поймутъ, что эта казнь есть великое политическое дѣйствіе“. — „Я заставилъ навсегда замолчать и якобинцевъ, и роялистовъ“. ¹

„Знаете, государь, лучше не будемъ объ этомъ говорить, а то я заплачу“... сказала ему однажды г-жа Ремюза, когда рѣчь зашла о герцогѣ. — „А-а, слезы! Единственный доводъ женщины!“ разсмѣялся онъ. ²

Страшнѣе всего, что онъ какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, не понимаетъ о чемъ идетъ рѣчь; ребенокъ понималъ бы, а онъ, умнѣйшій изъ людей, не понимаетъ.

„Какъ? Эту старую исторію все еще помнятъ? Что за ребячество“, удивляется онъ въ 1807 году, когда узнаетъ, что въ Петербургѣ помнятъ герцога Энгіенскаго. ³

Но онъ и самъ хорошо помнить его и чѣмъдальше, тѣмъ лучше. Сколько крови на войнѣ пролилъ и забылъ, а эту помнить.

Нельзя сказать, чтобы онъ никогда въ злыхъ дѣлахъ своихъ не каялся или, по крайней мѣрѣ, не сознавался въ нихъ. „Я очень плохо принялся за это дѣло“, — говоритъ онъ о захватѣ испанскаго престола, причинѣ той безконечной войны, въ которой увязъ, какъ въ болотѣ, такъ что уже никогда не могъ изъ нея выбраться. — „Слишкомъ очевидной оказалась безнравственность, несправедливость слишкомъ циничной, и все это имѣетъ видъ прескверный, потому что я потерпѣлъ неудачу; покушеніе, благодаря этому, представилось во всей своей безобразной наготѣ... Язва эта меня изъѣла“. И еще, по другому поводу: „нельзя возлечь на ложе царей, не заразившись отъ нихъ безумьемъ; обезумѣлъ и я. ⁴

Въ злыхъ дѣлахъ своихъ кается, а въ этомъ, злѣйшемъ, нераскаянъ; такъ, по крайней мѣрѣ, кажется ему самому и другимъ.

На Св. Еленѣ, Ласъ Казъ не смѣетъ заговорить о герцогѣ Энгіенскомъ и краснѣетъ, когда Наполеонъ самъ заговариваетъ спокойно, съ „неотразимой и увлекательной логикой“. — „Когда онъ кончилъ, я былъ изумленъ, ошеломленъ... Я увѣренъ, что онъ сейчасъ простилъ бы его.“ Такъ въ бесѣдахъ наединѣ, а при постороннихъ свидѣтеляхъ, „вдругъ все измѣнялось: онъ говорилъ, что дѣло это оставило въ немъ сожалѣніе, но не угрызеніе, ни даже тѣни сомнѣнія (scrupule)“. ¹ А все-таки, въ мысляхъ его, что-то двоится. „Этотъ мерзавецъ Талейранъ передалъ мнѣ письмо герцога, только черезъ два дня послѣ его смерти“. ² А если бы раньше, — „я, конечно, простилъ бы его“, говоритъ однажды; а въ другой разъ, „какъ бы обращаясь къ потомству“: „Если бы это надо было снова сдѣлать, я сдѣлалъ бы снова“. ³ Видимо, самъ хорошенько не знаетъ, что сдѣлалъ бы — казнилъ или простилъ.

За три дня до смерти, уже въ наступающихъ мукахъ агоніи, потребовалъ запечатанный конвертъ съ завѣщаніемъ, вскрылъ его, прибавилъ что-то потихоньку отъ всѣхъ, опять запечаталъ и отдалъ. Вотъ что прибавилъ: „я велѣлъ арестовать и судить герцога Энгіенскаго, потому что это было необходимо для безопасности, блага и чести французскаго народа, въ то время, когда графъ д'Артуа, по его собственному признанію, содержалъ шестьдесятъ убійцъ въ Парижѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, я снова поступилъ бы такъ же“. ⁴ Не значить ли это: „предъ лицомъ смерти, лицомъ Божьимъ, я невиненъ?“ Да, значить, — но и еще что-то, совсѣмъ другое.

„Вопреки ему самому, я вѣрю въ его угрызенія: они преслѣдовали его до гроба. Терзающее воспоминаніе внушило ему прибавить эти слова въ завѣщаніи“, говоритъ канцлеръ Паскье, хорошо знавшій Наполеона и близкій свидѣтель этого дѣла. ⁵ Кажется, такъ оно и

есть: эта мука терзала его всю жизнь, съ нею онъ и умеръ, — угрызеніе безъ раскаянія.

Проще и лучше всѣхъ говорить объ этомъ лордъ Голландъ, истинный другъ Наполеона: „надо признать, что онъ виновенъ въ этомъ преступленіи; оправдать его нельзя ничѣмъ: оно останется на памяти его вѣчнымъ пятномъ“. ¹ Но, если бы спросили: „Наполеонъ совершилъ злодѣйство; значитъ, онъ злодѣй?“ — лордъ Голландъ отвѣтилъ бы, какъ отвѣчаетъ вся его книга о Наполеонѣ: „нѣтъ, хорошій человѣкъ“.

Можетъ ли хорошій человѣкъ совершать „злодѣйства?“ Прежде чѣмъ отвѣтить, пусть каждый изъ насъ вспомнитъ, нѣтъ ли и въ его жизни „Энгіена?“ Можетъ быть, не худшіе, а лучшіе изъ насъ отвѣтятъ: „есть“. Да, у cadaго изъ насъ — *свой Энгіень* — чумное пятно, которымъ проступаетъ на всякой душѣ человѣческой то, что христіане называютъ „первороднымъ грѣхомъ“: у маленькихъ — маленькое, у среднихъ — среднее, а у большихъ — большое. Было оно и у кроткаго царя Давида: Урія Хеттеянина кровь. Между Давидомъ и Наполеономъ разница, конечно, большая: тотъ покаялся, а этотъ каяться не захотѣлъ, или не могъ, или самъ не зналъ, что кается.

„Всѣ меня любили и всѣ ненавидѣли“. Но никто никогда не жалѣлъ, а можетъ быть, въ этомъ-то онъ больше всего и нуждался, потому что, какъ это ни странно сказать, онъ былъ, при всемъ своемъ величіи, жалокъ. Чтобы это понять, стоитъ только вспомнить: самый послѣдній изъ людей можетъ молиться, а онъ не могъ.

А все-таки — „хорошій человѣкъ“. Это знаетъ бѣдный Тоби, садовникъ на Св. Еленѣ, старый малайскій рабъ. Очень хотѣлось Наполеону выкупить его изъ рабства. Но губернаторъ Острова, Гудсонъ Лоу, не позволилъ. Наполеонъ жалѣлъ бѣднягу Тоби, можетъ быть, потому что чудилось ему въ судьбѣ ихъ что-то общее:

оба они были жертвы европейской „цивилизаци“. Тоби родился свободнымъ, дикимъ, а европейцы „просвѣтили“ его, обманули, увезли съ родины и продали въ рабство. Полюбиль и Тоби Наполеона: не называлъ его иначе, какъ „добрый господинъ, good gentleman, или еще лучше: „добрый человѣкъ“, good man.¹

Это знаютъ и чумные въ Яффѣ. 11 марта 1799 года, во время Сирійской кампаніи, молодой генераль Бонапартъ, чтобы устыдить перетрусившихъ врачей и успокоить солдатъ, — доказать имъ, что чума не такъ страшна, какъ думаютъ, посѣтилъ больницу чумныхъ, долго ходилъ между ними, утѣшалъ ихъ, бралъ за руку и одного помогъ перенести.²

Знаютъ это и тѣ раненые, которымъ, при отступленіи отъ Акры, въ срашной Сирійской пустынѣ, гдѣ люди издыхаютъ отъ зноя, генераль Бонапартъ велить отдать всѣхъ лошадей, муловъ и верблюдовъ, и свою лошадь тоже; а когда конюхъ его, не повѣривъ этому спрашиваетъ, какую лошадь ему осѣдлатъ, онъ бьетъ его хлыстомъ по лицу и кричить: „всѣ пѣшкомъ, всѣ, чортъ, побери, и я первый“.

Знаютъ это и тѣ французскіе крестьяне, которые, на его послѣднемъ пути изъ Ніора въ Рошфоръ — на Св. Елену, — бѣгутъ за нимъ и кричатъ сквозь слезы: „вивать императоръ! Останьтесь, останьтесь съ нами“. Былъ сѣнокосъ, и высокіе стога напоминали имъ большія дренажныя работы, исполненныя, по приказанію Наполеона, въ 1807 году, и превратившія всю эту болотистую, нѣкогда бесплодную и лихорадочную мѣстность въ цвѣтущій лугъ. „Видите, какъ народъ благодаренъ мнѣ за добро, которое я ему сдѣлалъ!“ говоритъ онъ спутникамъ.³ Да, все пройдетъ, забудется, а это останется — осушенное болото — „устроенный хаосъ“.

Знаютъ это и тѣ тысячи людей, которые умираютъ за него на поляхъ сраженій, съ восторженнымъ крикомъ: „вивать императоръ!“ Знаютъ или чувствуютъ, что онъ

хочетъ добра, потому что, воистину, главная воля его — всемірное соединеніе людей — добро величайшее.

„Наполеонъ весь жилъ въ идеѣ, но не могъ уловить ее своимъ сознаниемъ, — опять, какъ уже столько разъ, вспоминаются мудрыя слова Гете. — „Онъ отвергаетъ, вообще, все идеальное и отрицаетъ его дѣйствительность, а между тѣмъ, усердно старается его осуществить“. Это и значитъ: мысли и слова его могутъ быть злыми, но воля — добрая. Онъ лучше, чѣмъ самъ о себѣ говоритъ и думаетъ: зло снаружи, добро внутри.

Вотъ почему не надо слишкомъ вѣрить этому неподвижному, неумолимому, какъ изъ бронзы или мрамора изваянному, лицу. „Я могъ бы узнать о смерти жены, сына, всѣхъ моихъ близкихъ, не измѣняясь въ лицѣ; оно казалось бы равнодушнымъ и безчувственнымъ, но, когда я остаюсь одинъ, я снова человекъ, и страдаю“.¹ Стыдливость страданія, стыдливость добра, — онѣ почти всегда связаны, — свойственны ему, въ высшей степени. „Во мнѣ два человекъ: одинъ—головы, другой—сердца“.² „Не думайте, что сердце у меня менѣе чувствительно, чѣмъ у другихъ людей; я даже добръ, но, съ самаго ранняго дѣтства, я подавлялъ въ себѣ эту сторону души, и теперь она во мнѣ заглохла“.³ Можетъ быть не самъ подавлялъ, а жизнь: въ черной работѣ ея, душу себѣ намозолилъ какъ руки, и жестокой сдѣлалась она, но не заглохла.

„Первымъ дѣломъ его, послѣ всякаго сраженія была забота о раненыхъ, — вспоминаетъ баронъ Фейнъ. — Самъ обходилъ поле, приказывалъ подбирать своихъ и чужихъ одинаково; самъ наблюдалъ, чтобы дѣлались перевязки тѣмъ, кому онѣ еще не были сдѣланы, и чтобы всѣ, до послѣдняго, перенесены были на амбулаторные пункты или въ ближайшіе госпитали“. — „Нѣкоторыхъ поручалъ особо своему лейбъ-хирургу. Иванъ (Ivan), и потомъ заботливо спрашивалъ его о малѣйшихъ подробностяхъ въ ходѣ лѣченія, о свойствахъ

раны, о надеждѣ на выздоровленіе и объ опасности, — обо всемъ хотѣлъ знать. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, много дѣлалъ добра потихоньку, — одинъ Богъ знаетъ, сколько. — „Походный кошелекъ его былъ точно съ дырою: такъ щедро сыпалась изъ него милостыня.“¹

На полѣ Бородинскаго сраженія, лошадь Наполеона задѣла копытомъ раненаго, и тотъ зашевелился, простоналъ. Императоръ, въ гнѣвѣ, закричалъ на штабныхъ, началъ ихъ бранить послѣдними словами, за то что они не заботятся о раненыхъ. — „Да вѣдь это русскій, Ваше Величество“, замѣтилъ кто-то, чтобы успокоить его. — „Что изъ того?“ — воскликнулъ онъ въ еще большемъ гнѣвѣ. — „Развѣ вы, сударь, не знаете, что послѣ побѣды нѣтъ враговъ — всѣ люди!“²

Обходя поле Линійскаго сраженія, за двое сутокъ до Ватерлоо, онъ увидѣлъ прусскаго офицера, тяжело-раненаго, и подозвалъ бельгійскаго крестьянина. „Вѣришь въ адъ?“ — „Вѣрю“. — „Позаботься же объ этомъ раненомъ, если не хочешь попасть въ адъ; я тебѣ его поручаю. Иначе будешь горѣть въ аду. Богъ хочетъ, чтобъ мы были милосердными.“³ Это не молитва, но стоитъ, пожалуй, многихъ молитвъ.

Вспомнилъ однажды на Св. Еленѣ, какъ, лѣтъ двадцать назадъ, въ первую Итальянскую кампанію, послѣ какого-то большого дѣла, — какого именно, уже забылъ, — обходя съ нѣсколькими спутниками, въ тихую, лунную ночь, поле сраженія, съ котораго еще не успѣли подобрать убитыхъ, вдругъ увидѣлъ собаку, вывшую надъ трупомъ своего господина; когда они подошли, она бросилась къ нимъ; потомъ опять отбѣжала къ трупу и начала лизать его лицо; и опять къ нимъ; и такъ много разъ, все воя, „какъ будто призывая на помощь или требуя мщенія“. — „Никогда ничто ни на одномъ полѣ битвы не производило на меня такого впечатлѣнія“... „Этотъ человѣкъ, подумалъ я, всѣми покинутъ, кромѣ собаки. Какой урокъ даетъ людямъ природа въ лицѣ

этого животнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что такое человекъ, и какая тайна въ чувствахъ его? Я, командовавшій въ столькихъ сраженіяхъ и спокойно смотрѣвшій на гибель столькихъ людей, былъ потрясенъ этимъ жалобнымъ воемъ собаки".¹

Воетъ и самъ, какъ собака, какъ Ахиллесъ надъ Патрокломъ, — надъ маршаломъ Ланномъ, храбрымъ изъ храбрыхъ, когда, подъ Эсслингомъ, раздробило ему обѣ ноги ядромъ. И ночью, одинъ, въ императорской ставкѣ, когда ему подали ужинъ, ѣстъ черезъ силу и плачетъ, и слезы капаютъ въ супъ.²

„Страшное зрѣлище! — повторяетъ, обходя Эйлузское поле. — Вотъ что должно бы внушить государямъ любовь къ миру и омерзѣніе къ войнѣ.“³ Лжетъ, говоритъ слова для потомства? Это легко рѣшить — и ошибиться легко.

Но вотъ уже не слова, а дѣло. Въ 1815 году, передъ вторымъ отреченіемъ, зналъ, что стоитъ ему только сказать слово, подать знакъ, чтобы вспыхнула гражданская война, и, если не Франція, то, можетъ быть онъ спасся бы. Но не захотѣлъ, сказалъ; „жизнь человека не стоитъ такой цѣны“, и подписалъ отреченіе.⁴

Если на одну чашу вѣсовъ положить это, а на другую — тѣ страшныя слова: „я плюю на жизнь миліона людей“, то какая чаша перевѣситъ?

Страшныя слова, вообще, любилъ говорить — на свою же голову: жадно слушаютъ ихъ два паука, Талейранъ и Меттернихъ, какъ жужжаніе мухи, попавшейся къ нимъ въ сѣтъ; слушаетъ и умный Тэнъ, и добрый Толстой, и сорокъ тысячъ судей: „онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы!“

„Пусть онъ, дѣйствительно, говорилъ: „когда моя великая политическая колесница несется, надо, чтобы она пронеслась, и горе тому, кто попадаетъ подъ ея колеса!“ — это только слова для сцены — замѣчаетъ баронъ Фейнъ, — я слышу великаго актера, но лучше

узнаю Наполеона, когда онъ говоритъ: „пустъ ночь пройдетъ по вчерашней обидѣ“. Или еще: „нельзя сказать, чтобы люди были въ корнѣ неблагогородны“. А вѣдь это на Св. Еленѣ сказано!“¹

„Онъ кричалъ, но не ударялъ“, — вспоминаетъ де-Прадтъ. — „Я самъ слышалъ, какъ онъ сказалъ однажды, послѣ сильнѣйшей вспышки гнѣва на одного изъ своихъ приближенныхъ: „несчастный, онъ заставляетъ меня говорить то, чего я не думаю, и не подумалъ бы сказать“! Черезъ четверть часа, онъ снова призывалъ тѣхъ, кого удалилъ, и возвращался къ тѣмъ, кого обидѣлъ: я это знаю по опыту“²

„Я только вотъ до этого мѣста сержусь“, говорилъ Наполеонъ де-Прадту, проводя ладонью по шеѣ.³ — „Знайте, что человѣкъ, истинный человѣкъ, неспособенъ къ ненависти, — говорилъ онъ Ласъ Казу. — Гнѣвъ и досада его не идутъ дальше первой минуты... это только электрическая искра... Человѣкъ, созданный для государственныхъ дѣлъ, для власти, не смотритъ на лица; онъ видитъ только вещи, ихъ вѣсъ и послѣдствія“! — „Кажется, онъ могъ бы сдѣлаться союзникомъ злѣйшихъ враговъ своихъ и жить съ человѣкомъ, который причинилъ ему величайшее зло“, удивляется Ласъ-Казъ.

Самъ Наполеонъ думаетъ, что онъ такъ легко прощаетъ людей, только изъ презрѣнія, но можетъ быть, не только.

„Вы не знаете людей, — говоритъ онъ союзникамъ своимъ на Св. Еленѣ, когда тѣ негодуютъ на его безчисленныхъ предателей. — Знать, судить людей трудно. Знаютъ ли они сами себя. И потомъ, я былъ больше покинутъ, чѣмъ преданъ; слабости вокругъ меня было больше, чѣмъ измѣны: это — отречение Петра; раскаяніе и слезы могутъ быть близки къ нему“! И онъ заключаетъ едва-ли не самымъ добрымъ и мудрымъ изъ своихъ словъ: „большая часть людей не дурна“⁴

Въ нашей „христіанской“ цивилизаціи нѣтъ слова

для того, что древніе называютъ: *virtus*. Это не наша „добродѣтель“, а скорѣе, доблесть, мужество, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доброта, какъ высшая сила и твердость духа. Именно такая доброта у Наполеона. На этомъ „святомъ камнѣ“ — *Pietra-Santa*, какъ называлась одна изъ его корсиканскихъ прабабушекъ, — зиждется онъ весь.

Благодарность — неугасимая память добра, непоколебимая вѣрность добру — есть добродѣтель мужественная, по преимуществу: вотъ почему она такъ сильна въ Наполеонѣ.

„Я презираю неблагодарность, какъ самый гнусный порокъ сердца“, говоритъ онъ изъ глубины сердца. Благодарность — доброта затаенная — теплота глубокихъ водъ. Вотъ почему онъ скрываетъ ее цѣломудренно: „я не добръ; нѣтъ, я не добръ, я никогда не былъ добрымъ, но я *надеженъ*!“¹

Завѣщаніе Наполеона — одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ этой человѣческой „надежности“:

Всѣхъ, кто сдѣлалъ ему въ жизни добро, вспоминаетъ онъ; воскрешаетъ, въ памяти своей, давно умершихъ; самъ умирающій, благодаритъ ихъ въ дѣтяхъ и внукахъ и все боится, какъ бы не забыть кого-нибудь. За десять дней до смерти, уже въ страшныхъ мукахъ конца, пишетъ собственноручно четвертое прибавленіе къ завѣщанію, „потому что въ прежнихъ статьяхъ мы не исполнили всѣхъ обязательствъ“. Слѣдуютъ тринадцать новыхъ статей. „Сыну или внуку генерала Дюгамье, бывшаго главнокомандующаго Тулонской арміей — сто тысячъ франковъ — знакъ памяти о томъ уваженіи, привязанности и дружбѣ, которыя оказывалъ намъ этотъ доблестный и безтрепетный генераль. — Сто тысячъ франковъ — сыну или внуку Гаспарена, члена Конвента, за то что онъ одобрилъ нашъ планъ Тулонской осады. — Сто тысячъ франковъ — вдовѣ, сыну или внуку нашего адъютанта Мьюрона, который былъ убитъ рядомъ съ нами, подъ Арколемъ, покрывая насъ тѣломъ своимъ“:

А въ одной изъ первыхъ статей — сто тысячъ франковъ главному полевому хирургу, Ларрею, потому что „это самый добродѣтельный человѣкъ, какого я зналъ“! ¹ Добрый знаетъ добраго.

Что старую кормилицу свою, Камиллу Илари, жену бѣднаго корсиканскаго лодочника, онъ благодѣтельству-етъ всю жизнь — не удивительно; удивительнѣе то, что выплачиваетъ изъ собственной шкатулки тайную пенсію кормилицѣ короля Людовика XVI, и двумъ бѣднымъ старушкамъ, сестрамъ Максимилиана Робеспьера. ² Такъ просто и чудно примирилъ онъ въ сердцѣ своемъ палача съ жертвою.

Сердце человѣческое въ маломъ чаще застигается врасплохъ и познается больше, чѣмъ въ большемъ; хуже иногда видѣнъ герой сквозь триумфальныя ворота, чѣмъ сквозь замочную скважину.

„Я могу говорить о немъ, только полуодѣтомъ, и, въ этомъ видѣ, онъ почти всегда былъ добръ“ вспоминаетъ камердинеръ Наполеона, Констанъ. ³

Какъ-то разъ, въ одной изъ зарейнскихъ кампаній, послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей, Констанъ глубоко заснулъ въ императорской ставкѣ, въ креслахъ государя, за письменнымъ столомъ его, съ бумагами и военными картами, положивъ руки на столъ и опустивъ на нихъ голову. Вдругъ вошелъ Наполеонъ съ маршаломъ Бертье и мамелюкомъ Рустаномъ. Эти двое хотѣли разбудить спящаго, но императоръ не позволилъ имъ, и, такъ какъ другого стула въ комнатѣ не было, прислалъ на край своей походной койки, продолжая разговоръ съ Бертье о завтрашней диспозиціи. Понадобилась карта. Наполеонъ подошелъ къ столу и началъ вытаскивать ее изъ-подъ локтя Констана, потихоньку, такъ, чтобы его не разбудить. Но тотъ проснулся, вскочилъ и залепеталъ извиненія.

— „Господинъ Констанъ, я очень жалѣю, что васъ

разбудилъ. Простите меня“, — сказалъ Наполеонъ съ доброй улыбкой. ¹

Многія солдатскія грубости его — розовое платье Жозефины, нарочно облитое чернилами, за то, что оно ему не понравилось, и даже знаменитый, хотя не очень достовѣрный, ударъ колѣномъ въ животъ философу Вольнею за глупое кощунство, — все это можно простить Наполеону за эту царственную вѣжливость.

Свитскій пажъ, молоденькій мальчикъ, скакалъ однажды верхомъ, рядомъ съ дверцей императорской кареты, въ сильный дождь. Выходя изъ кареты, Наполеонъ увидѣлъ, что мальчикъ промокъ до костей, велѣлъ ему остаться на ночлегѣ, и много разъ потомъ спрашивалъ, не простудился ли онъ. Пажъ написалъ объ этомъ матери, и та, читая письмо его, можетъ быть, узнала кое-что о Наполеонѣ, чего не знаютъ сорокъ тысячъ судей. ²

Доктору О’Меарѣ, на Св. Еленѣ, сдѣлалось дурно, и онъ упалъ безъ чувствъ, къ ногамъ Наполеона, а очнувшись, увидѣлъ, что императоръ, стоя на колѣняхъ, нагнулся къ нему, заглядываетъ въ лицо его и мочить ему виски одеколономъ. „Никогда не забуду той нѣжной тревоги, которую я увидѣлъ въ глазахъ его“, вспоминаетъ О’Меара. ³

Самое доброе въ людяхъ — самое простое, дѣтское. „Злые рѣдко любятъ дѣтей, а Наполеонъ ихъ любилъ“, вспоминаетъ Бурьеннъ. ⁴

Сидя на полу, Первый Консулъ играетъ съ маленькимъ Наполеономъ, племянникомъ своимъ, самъ какъ маленькій, и въ эту минуту лицо у него настоящее, а черезъ минуту, выходя къ англійскому посланнику, лорду Витворту, чтобы накричать на него, напугать разрывомъ дипломатическихъ сношеній, онъ надѣваетъ страшную маску. ⁵

„Я провелъ эти два дня у маршала Бессьера; мы

играли съ нимъ, какъ пятнадцатилѣтніе мальчики“, пишеть онъ въ 1806, между Аустерлицею и Іеною.

Четырнадцатилѣтняя дѣвочка, Бетси Балькомбъ, хозяйская дочка въ Бриарской усадьбѣ на Св. Еленѣ, гдѣ Наполеонъ провелъ первые мѣсяцы своего заточенія, наслушавшись о немъ съ дѣтства, какъ о людоѣдѣ-чудовищѣ, особенно лакомомъ до маленькихъ дѣвочекъ, очень боялась встрѣтиться съ нимъ; но встрѣтившись, привыкла къ нему, черезъ нѣсколько дней, такъ, что играла, шалила съ нимъ, какъ съ ровесникомъ. И черезъ много лѣтъ, уже старухой, не могла иначе вспомнить о немъ, какъ о маленькомъ мальчикѣ, товарищѣ своихъ дѣтскихъ игръ.¹

Генералъ Гурго, одинъ изъ его добровольныхъ союзниковъ тамъ же на Св. Еленѣ, задумалъ покинуть императора, но сказать ему объ этомъ стыдится. Однажды, гуляя по саду, Наполеонъ увидѣлъ на дорогѣ булавку, поднялъ ее и подалъ Гурго съ дѣтской улыбкой: „вотъ, Горго, Горгончикъ, булавочка, — я вамъ ее дарю!“ Подарить острый предметъ — значитъ поссориться. Но этого и хочетъ Гурго. „Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“, какъ будто говоритъ ему Наполеонъ.² Грусть, упрекъ, ласка, насмѣшка, прощеніе — тутъ все вмѣстѣ, и все дѣтское. Но ничего этого не понялъ Гурго, какъ ничего не понимаютъ въ Наполеоновой дѣтскости безнадежно-взрослый Тэнъ и безнадежно-тоскующій о дѣтствѣ, Толстой.

„Если не обратитесь, и не станете, какъ дѣти...“ это значитъ: дѣтское — Божье. Вотъ почему въ героѣ, Человѣкѣ — Богъ и дитя вмѣстѣ.

Таково зло и добро въ Наполеонѣ. Что же онъ самъ, — злой или добрый? Сказать: совѣмъ — „святой“, такъ же грубо-невѣрно, какъ сказать: „злодѣй“. Зло и добро въ немъ борются. Но и въ этой борьбѣ, какъ во многомъ другомъ, онъ существо не нашей породы, тварь иного творенія — „человѣкъ изъ Атлантиды“.

Сердце его — чаша смѣшенія: капля какой-то жертвенной крови, еще не Голгоѣской, упала въ какую-то амброзію, еще не олимпійскую, и закипѣло смѣшеніе, броженіе неистовое, — то, что мы называемъ „Наполеоновымъ гениемъ“. Но, чтобы сказать о немъ просто: „злодѣй“, надо быть *нами* — дѣтьми самага безбожнаго изъ всѣхъ вѣковъ.

Хула на героя, Человѣка, — хула на человѣчество. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ мы хулимъ Наполеона. Не пора-ли, наконецъ, сказать: самый оклеветанный изъ всѣхъ героевъ — онъ.

Мертвое лицо его — одно изъ прекраснѣйшихъ человѣческихъ лицъ.¹ Ясное и чистое, какъ небо. Видно по этому лицу, что если не въ жизни, то въ смерти онъ побѣдилъ зло добромъ, исполнилъ „мѣру человѣческую, какова мѣра и Ангела“. Спящій полубогъ и ангелъ вмѣстѣ; павшій съ неба на землю, херувимъ силы и свѣта. А мы его не узнали, и вотъ что сдѣлали съ нимъ!

Работникъ.

Соединеніе противоположностей — такъ можно опредѣлить геній Наполеона; такъ онъ и самъ опредѣляетъ его.

„Рѣдко и трудно соединеніе всѣхъ качествъ, нужныхъ для великаго генерала. Самое желательное, что сразу выдвигаетъ челоѣка на первое мѣсто, это — равновѣсіе ума или таланта съ характеромъ или мужествомъ“. Это значитъ, по выраженію Наполеона: „*быть квадратнымъ*“ въ высотѣ, какъ въ основаніи“. ¹ Основаніе квадрата — мужество, воля, а вышина его — умъ. „У Бонапарта умъ въ равновѣсіи съ волей. *La partie intellectuelle balance la volonté*“, по глубокому слову аббата Сійэса. ² Это равновѣсіе ума и воли есть „квадратъ генія“.

Всѣ мы, люди современной европейской цивилизаціи, болѣе или менѣе страдаемъ болѣзнью Гамлета — отрывомъ ума отъ воли, созерцанія отъ дѣйствія; Наполеонъ одинъ — среди больныхъ, здоровый. Въ насъ во всѣхъ двѣ души, дневная и ночная, расторгнуты; въ немъ одномъ соединены. Всѣ мы вкусили только отъ древа познанія, — и умираемъ; онъ одинъ вкусилъ отъ древа познанія и жизни — и живетъ. Всѣ мы умножаемъ нашъ умъ насчетъ нашей воли; онъ одинъ соединяетъ безконечный умъ съ безконечной волей. Всѣ мы — четырех-

угольники широкіе, низкіе въ волѣ, или высокіе, узкіе въ умѣ; онъ одинъ — совершенный квадратъ.

Какъ все существо его соединяетъ эти два противоположныя начала, такъ и каждое изъ нихъ въ отдѣльности — воля и умъ — соединяетъ въ себѣ противоположныя качества.

Память и воображеніе, вотъ первая въ немъ черта противоположностей умственныхъ; обращенная къ будущему, динамика воображенія, и обращенная къ прошлому, статистика памяти.

„Память у меня изумительная. Въ молодости, я зналъ логариѳмы больше чѣмъ тридцати-сорока чиселъ; зналъ не только имена всѣхъ офицеровъ во всѣхъ полкахъ Франціи, но и мѣста, гдѣ набирались эти части, и гдѣ каждая изъ нихъ отличилась, и даже какого политическаго духа каждая“.¹

Провѣряя, впослѣдствіи, уже императоромъ, военные отчеты (*états de situations*) о сотняхъ тысячъ людей, отъ Данцига до Гибралтара, онъ тотчасъ находилъ малѣйшія неточности: „почему на островѣ Влахернѣ пятнадцать человѣкъ жандармовъ сидятъ безъ оружія“? — „Почему не упомянуты два четырехдюймовыхъ орудія, находящихся въ Остенде?“² Въ 1813, воспоминаетъ, что, три года назадъ, отправилъ въ Испанію два эскадрона 20-го конноегерскаго полка. Помнитъ всѣ военные отчеты почти наизусть, такъ что могъ бы заблудившемуся въ пути рядовому указать, по номеру его полка, мѣстонахожденіе корпуса.³

Но память для него — только неисчерпаемая каменоломня, гдѣ воображеніе добываетъ камень для своего исполинскаго зодчества.

„Императоръ — весь воображеніе“, замѣчаетъ де-Прадтъ.⁴ Можно бы сказать: „и весь память“, такъ же какъ, вообще, весь — то умственное качество, какое въ данную минуту нужно ему, и иногда противоположное тому, которымъ, въ минуту предшествующую, онъ тоже

былъ весь. Умъ его — многовидный Прометей, во все изъ всего оборачивающійся оборотень.

„Необычайное воображеніе одушевляло этого холодного политика“, — говоритъ Шатобрианъ. — „Разумъ его осуществлялъ идеи поэта. Онъ, конечно, не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ, если бы при немъ не было Музы“.¹

„Я иногда вѣрю, что возможно все, что этому странному человѣку взбредеть въ голову, а при его воображеніи, какъ знать, что въ нее взбредеть“, пророчески угадываетъ Жозефина, при первомъ знакомствѣ съ нимъ.²

Воображеніе дѣлаетъ его такимъ же великимъ поэтомъ въ дѣйствиіи, какъ Эсхиль, Данте и Гете — въ созерцаніи; музыкантомъ всемірно-исторической симфоніи, новымъ Орфеемъ, чья пѣснь повелѣваетъ камнямъ строиться въ стѣны Града.

„Я люблю власть, какъ художникъ... какъ скрипачъ, любить скрипку... Я люблю власть, чтобы извлекать изъ нея звуки, созвучья, гармоніи“.³ И изъ всѣхъ гармоній величайшую — всемірное соединеніе людей.

Знаніе, какъ творческое дѣйствиіе, и знаніе, какъ чистое созерцаніе, — вотъ вторая, въ умѣ его, черта противоположностей. Находитъ Архимедову точку опоры, волевою, дѣйственную, какъ рычага знанія, умѣетъ онъ, какъ никто. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, радость чистаго созерцанія такъ понятна ему, что онъ иногда сомнѣвается, не былъ ли рожденъ великимъ ученымъ и не измѣнилъ ли своей настоящей судьбѣ, покинувъ созерцаніе для дѣйствиія.

„Вотъ для меня новый случай пожалѣть, что, увлеченный силой обстоятельствъ, я пошелъ по иному, столь далекому отъ науки, пути“, пишетъ онъ Лапласу, принимая отъ него посвященіе „Небесной Механики“ и восхищаясь ея „совершенною ясностью“. И въ наступающихъ ужасахъ 12-го года, изъ Витебска, благодарить его за присылку „Теоріи вѣроятностей“ — „одного изъ

тѣхъ сочиненій, которыя усовершенствуютъ математику, эту первую изъ наукъ".¹

Тайную музыку чиселъ онъ чувствуетъ такъ же, какъ Пифагоръ. Въ трудныя минуты жизни, читаетъ для успокоенія таблицы логарифмовъ, какъ молитвенникъ.²

Возвращаясь изъ Египетской кампаніи во Францію, на фрегатѣ Мьюронъ, когда спутники его, въ смертельной тревогѣ, ожидаютъ, съ минуты на минуту, появленія англійской эскадры, которая дажно уже гонится за ними, генераль Бонапартъ спокойно бесѣдуетъ съ членами Института Бертолле и Монжемъ, о химіи, физикѣ и математикѣ.³

Въ 1815, послѣ второго отреченія въ Мальмезонѣ, императоръ говоритъ Монжу: „праздность для меня жесточайшая мука. Безъ имперіи, безъ арміи, я вижу теперь для души одну пищу — знаніе... Я хочу начать новую жизнь, чтобы оставить потомству достойные меня, научные труды и открытія... Мы съ вами изѣздимъ весь Новый Свѣтъ, отъ Канады до мыса Горна, и, въ этомъ огромномъ путешествіи, изслѣдуемъ всѣ великія физическія явленія земного шара“. Никогда еще, казалось Монжу, Наполеонъ не былъ такъ великъ. Но слышатся далекіе гулы орудій, и онъ снова бѣжитъ къ своимъ военнымъ картамъ и накалываетъ на нихъ булавки; снова мечтаетъ о войнѣ — дѣйствиі.⁴ Такъ и не узнаетъ до конца, что ему ближе — созерцаніе или дѣйствіе.

Цѣлыми часами, въ одной изъ покинутыхъ комнатъ Лонгвудскаго дома на Св. Еленѣ, забывая всѣ свои бѣды и муки, наблюдаетъ жизнь муравьевъ; восхищается ихъ умомъ и упорствомъ въ отыскиваніи спрятаннаго сахара: „это умъ, это больше, чѣмъ инстинктъ, это настоящій умъ... образецъ государственной мудрости. О, если бы такое единодушіе людямъ!“⁵ Въ этой муравьиной мудрости, какъ въ томъ жалобномъ воѣ собаки надъ

трупомъ своего господина, онъ чувствуетъ, что тварь можетъ быть ближе человѣка къ Творцу.

Цѣлыми днями, уже больной, почти умирающій, наблюдаетъ жизнь рыбъ въ Лонгвудскомъ садкѣ, — особенно, ихъ любовныя игры и войны; а когда, отъ какой-то неизвѣстной причины, повальной болѣзни или отравы, начинаютъ онѣ засыпать, не шутя огорчается, видитъ въ этомъ дурную примѣту: „значить, и я умру“.¹

Раньше, когда еще былъ здоровъ, подолгу разсматривалъ географическій атласъ Ласъ-Каза съ планисферой, бесѣдовалъ о новыхъ геологическихъ гипотезахъ, о неизвѣстныхъ причинахъ циклоновъ и урагановъ, о постоянныхъ, воздушныхъ и водяныхъ теченіяхъ — этихъ могучихъ дыханіяхъ Земли, не мертвой для него глыбы матеріи, а живого тѣла — великаго Животнаго, Zôon, такъ же какъ для древнихъ Іонійскихъ философовъ.² Да, послѣ древнихъ, можетъ быть, только въ Гете и Винчи чувствуется такая же, какъ въ Наполеонѣ, близость человѣческаго сердца къ сердцу Матери-Земли.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
 Ручья разумѣлъ лепетанье
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье;
 Была ему звѣздная книга ясна,
 И съ нимъ говорила морская волна.³

Синтезъ и анализъ — вотъ третья въ немъ черта умственныхъ противоположностей. Синтезъ величайшій, величайшая гармонія Орфеевой скрипки — власти — есть всемірное соединеніе людей. Широта этого синтеза соотвѣтствуетъ глубинѣ анализа.

„Я всегда любилъ анализъ, и, если бы по-настоящему влюбился, то разложилъ бы и любовь мою по частямъ. „Зачѣмъ“ и „почему“ — такіе полезные вопросы, что чѣмъ ихъ больше задаешь себѣ, тѣмъ лучше“.⁴ — „Геометричность ума всегда побуждала его разлагать

все — даже чувства свои,—вспоминаетъ г-жа Ремюза.— Бонапартъ — человѣкъ больше всего размышлений надъ причинами человѣческихъ дѣйствій. Вѣчно-напряженный въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своей собственной жизни, постоянно открывая тайную причину всѣхъ своихъ душевныхъ движеній, онъ никогда не могъ ни объяснить, ни понять ту естественную безпечность, которая заставляетъ насъ дѣйствовать иногда безъ всякой цѣли и умысла“.¹ Последнее, впрочемъ, невѣрно: мотыльковая безпечность свѣтскихъ дамъ, въ родѣ самой г-жи Ремюза, Наполеону, разумѣется, чужда; но это не значитъ, что ему также чужда произвольность, неумышленность „ночного сознанія“, интуиціи.

Мѣра и безмѣрность — такова четвертая, въ умѣ его, черта противоположностей.

Солнечный геній всего Средиземнаго племени, отъ Пифагора до Паскаля, — геометрическая ясность, точность, простота, Аполлонова мѣра — есть и геній Наполеона. Стиль его напоминаетъ стиль Паскаля, замѣчаетъ Сэнтъ-Бевъ; надо бы прибавить: и стиль Пифагора: „точно остріемъ циркуля вырѣзанныя слова“.²

Какъ бы числовымъ строемъ устрояетъ онъ и хаосъ революціи, геометрической мѣрой умѣряетъ его. „Я ввелъ всюду одинаковую простоту, ибо все, что добро, все, что красота, есть плодъ простого и единого замысла“.³ Эта простота — красота совершенная—какъ бы солнечный божескій кругъ, вписанный въ человѣческій „квадратъ“ генія.

И рядомъ съ Аполлоновой мѣрой — безмѣрность Діонисова. Великое — прекрасное борется въ немъ съ безмѣрнымъ — чудовищнымъ. „Границы человѣческія были въ немъ превзойдены, — говоритъ Сегюръ о кампаніи 12-го года. — Геній его, желая подняться надъ временемъ и пространствомъ, какъ бы изнемогаетъ въ пустотѣ. Сколь не велика была мѣра его, онъ ее нарушилъ“.⁴

Это безмѣрное, напоминающее зодчество Атлантовъ, титаническое въ замыслахъ его, такъ пугаетъ бѣднаго Декрэ: „императоръ сошелъ съ ума, окончательно сошелъ съ ума! Вотъ помяните слово мое: онъ когда-нибудь отправитъ насъ всѣхъ къ чорту, и все это кончится ужасной катастрофой“.¹ Или, какъ самъ Наполеонъ говоритъ: „невозможность есть только пугало робкихъ, убѣжище трусовъ“.² Тутъ уже, въ самомъ дѣлѣ, безмѣрное похоже на безумное; тутъ геометрія трехъ измѣреній — только путь къ четвертому; квадратъ человѣческаго генія становится основаніемъ божественной пирамиды, заостряющейся въ одно остріе, въ одну точку: „я — Богъ“.

Впрочемъ, и эту титаническую безмѣрность онъ, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ божественной мѣрой, но уже въ иномъ порядкѣ, — въ жертвѣ.

И въ волѣ его, какъ въ умѣ, — то же соединеніе противоположностей, тотъ же квадратъ генія.

Миръ и война, Работникъ и Вождь — таковы два „противныхъ — согласныхъ“ лица этой воли. На войнѣ — внезапные, какъ молнія, разряды ея, а въ мирѣ — медленное усилъе — капля, точащая камень.

Трудно рѣшить, какое изъ двухъ словъ лучше выражаетъ волю его, — это, военное: „надо ставить на карту все за все“,³ или то, рабочее: „радъ бы отдохнуть, да запрягли вола, — паши!“⁴ Трудно рѣшить, гдѣ онъ больше герой — въ величьи побѣдъ или въ смиреніи труда; въ огнѣ сраженій, когда летитъ, подобно орламъ своихъ знаменъ, или въ затишьи работы, когда влачится, какъ медленный волъ.

„Работа — моя стихія; я созданъ для нея. Мѣру моихъ ногъ, мѣру моихъ глазъ я знаю; но мѣры моей работы я никогда не могъ узнать“.⁵ — „Я всегда работаю: за обѣдомъ, въ театрѣ; просыпаюсь ночью, чтобы работать. Я сегодня всталъ въ два часа ночи, сѣлъ на диванъ у камина, чтобы просмотрѣть военные отчеты,

поданные мнѣ наканунѣ вечеромъ; нашелъ въ нихъ двадцать ошибокъ и поутру отослалъ о нихъ замѣчанія министру; тотъ сейчасъ исправляетъ ихъ въ своей канцеляріи“.¹

Трижды въ мѣсяцъ подаются ему отчеты министерства финансовъ, цѣлыя книги въ восьмую долю листа, наполненныя столбцами цифръ, и онъ провѣряетъ ихъ такъ тщательно, что находитъ ошибки въ нѣсколько сантимовъ. Каждая двѣ-три недѣли, просматриваетъ отчеты военнаго министерства, составленные тоже въ видѣ книжекъ: номерныя, послужныя, дивизіонныя, корпусныя, артиллерійскіе, пѣхотныя, инженерныя, рекрутскіе, иностранныхъ армій, и проч., и проч.² Онъ читаетъ ихъ жадно: „въ чтеніи военнаго отчета я нахожу больше удовольствія, чѣмъ молодая дѣвушка — въ чтеніи романа“.³ Иногда восхищается: „этотъ отчетъ такъ хорошо составленъ, что читается, какъ прекрасная поэма!“⁴

И все это складывается въ умѣ его правильно, по отдѣленіямъ, какъ медъ въ сотовыхъ ячейкахъ, или прозаичнѣе, — онъ любитъ прозу, — какъ „дѣла въ ящикахъ конторскаго шкафа“. — „Если я хочу кончить одно дѣло, я закрываю тотъ ящикъ, гдѣ оно лежитъ, и открываю другой, такъ что дѣла никогда не смѣшиваются, не затрудняютъ и не утомляютъ меня. А когда я хочу спать, я закрываю всѣ ящики, и тотчасъ засыпаю.“⁵

Люди слабы, потому что разсѣяны; геній есть вниманіе, а вниманіе — воля ума. Наполеонъ обладаетъ этою умственной волей въ высшей степени. „Сила и постоянство вниманія, вотъ что отличаетъ умъ Бонапарта“, — замѣчаетъ членъ государственнаго совѣта, Редереръ. — „Онъ можетъ заниматься по восемнадцати часовъ одной и той же работой или различными и, при этомъ, я никогда не видѣлъ, чтобы умъ его ослабѣвалъ или утрачивалъ гибкость, даже въ тѣлесной усталости, въ самомъ крайнемъ напряженіи физическихъ силъ, даже въ гнѣвѣ; я никогда не видѣлъ, чтобы одно дѣло отвлекало его

отъ другого. Не было человѣка, болѣе поглощеннаго тѣмъ, что онъ дѣлалъ сейчасъ“. ¹ — „Изумительна гибкость ума его, которая позволяетъ ему переносить мгновенно всѣ свои способности, всѣ свои душевныя силы, и сосредотачивать ихъ на томъ, что въ данную минуту требуетъ вниманія, все равно, мошка это или слонъ, отдѣльный человѣкъ или цѣлая армія. Пока онъ чѣмъ-нибудь занятъ, все остальное для него не существуетъ: это своего рода охота, отъ которой ничто не можетъ его отвлечь“. ²

Люди устаюгъ, но не боги и не вѣчныя силы природы; такъ же неутомимъ и онъ.

„Сотрудники его изнемогаюгъ и падаютъ подъ бременемъ, которое онъ взваливаетъ на нихъ и которое самъ несетъ, не чувствуя тяжести“. ³ — „Будучи Консуломъ, онъ иногда предсѣдательствовалъ на частныхъ собраніяхъ секцій министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ десяти часовъ вечера до пяти утра“. — „Нерѣдко въ Сэнъ-Клу онъ задерживалъ членовъ государственнаго совѣта отъ десяти часовъ утра до пяти вечера, съ перерывомъ въ четверть часа, и, въ концѣ засѣданія, казался не болѣе усталымъ, чѣмъ въ началѣ“. ⁴ — „Я могъ разсуждать о какомъ-нибудь дѣлѣ въ теченіе восьми часовъ и затѣмъ перейти къ другому, съ такою же свѣжестью ума, какъ въ началѣ. Еще теперь (на Св. Еленѣ) я могъ бы диктовать двѣнадцать часовъ подрядъ“. ⁵ — „Онъ работаетъ по пятнадцати часовъ, безъ ѣды, безъ отдыха“. ⁶

„Однажды, во время консульства, въ одномъ административномъ совѣщаніи, военный министръ заснулъ; нѣсколько другихъ членовъ едва держались на стульяхъ. — „Ну-ка, просыпайтесь, просыпайтесь, граждане!“ — воскликнулъ Бонапартъ. — „Только два часа ночи. Надо зарабатывать жалованіе, которое намъ платитъ французскій народъ“. ⁷

За семьдесятъ два дня послѣдней французской

кампаніи, люди не понимали, когда онъ находилъ время спать и ѣсть.

Послѣ страшнаго Лейпцигскаго разгрома, 2 ноября 1813, выѣзжаетъ изъ Майнца, а на слѣдующій день, 3-го, поздно вечеромъ, выходитъ изъ кареты на Тюльерійскомъ дворѣ: отъ Майнца до Парижа проскакалъ ни гдѣ не останавливаясь. „Когда онъ вышелъ изъ кареты, ноги у него такъ затекли, что онъ едва стоялъ на нихъ, и лица на немъ не было отъ усталости. Но, наскоро обнявъ жену и сына, проводитъ весь остатокъ ночи съ министрами, выслушивая ихъ доклады, диктуя и отдавая распоряженія. Отпускаетъ ихъ въ шесть утра, приказавъ министру финансовъ, возвратиться въ полдень: „захватите Годэнъ, отчеты по казначейству, намъ нужно надъ ними поработать вмѣстѣ, какъ слѣдуетъ“. Въ эти дни, секретарь Наполеона, баронъ Фейнъ, говорилъ графу Лавалетту: „императоръ ложится въ одиннадцать вечера, встаетъ въ три часа утра и работаетъ до ночи, не отдыхая ни минуты. Надо, чтобы это кончилось, иначе онъ себя доканаешь, и меня съ собою“.¹

„За три года (консульства) онъ больше управлялъ, чѣмъ короли за сто лѣтъ“, говоритъ Редереръ.² — „Безмѣрно то, что я сдѣлалъ, а то, что я замышлялъ сдѣлать, еще безмѣрнѣе“, говоритъ онъ самъ.³

И эта изступленная, невообразимая, нечеловѣческая работа длится, безъ перерыва, безъ отдыха, тридцать лѣтъ.

„На такихъ людяхъ не тѣло, а бронза“, говоритъ о Наполеонѣ Раскольниковъ. Нѣтъ, тѣло, и очень слабое, можетъ быть, даже слабѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ людей.

У Перваго Консула такой болѣзненный видъ, что „кажется, онъ не проживетъ недѣли“.⁴ И потомъ, съ годами, когда онъ уже окрѣпъ, — простужается отъ всякаго сквозняка; при малѣйшемъ свѣтѣ, не можетъ спать; отъ лишняго куска дѣлается у него рвота; не

выносить запаха свѣжей краски, ни тѣсной обуви; легко, по-женски, плачетъ и чувствуетъ себя дурно. Вообще, обнаженные нервы. „Нервы у меня въ такомъ состояніи, что, если бы не постоянно-медленное кровообращеніе, я могъ бы сойти съ ума“. ¹

Но силою духа онъ побѣждаетъ слабость тѣла. „Съ тѣломъ моимъ я всегда дѣлалъ все, что хотѣлъ“. ² Есть тѣло „душевное“ и тѣло „духовное“, по апостолу Павлу, „психическое“ и „пневматическое“. Наполеонъ — одинъ изъ величайшихъ „пневматиковъ“, хотя разумѣется, не въ нашемъ, христіанскомъ, смыслѣ. Какъ бы во-очію проступаетъ въ немъ тѣло духовное сквозь душевное. Кажется, именно здѣсь начало Наполеоновой „магіи“.

Въ мрачныхъ покояхъ Тюльерійскаго дворца онъ живетъ, какъ суровый монахъ. Прирожденный постникъ, трезвенникъ. Мало ѣсть: „какъ мало ни ѣшь, — все много“. ³ Пьетъ только воду съ краснымъ виномъ. Спѣшитъ ѣсть: восемь минутъ на завтракъ, пятнадцать — на обѣдъ; иногда забываетъ, что не обѣдалъ. Женщинъ ласкаетъ съ такою же поспѣшностью. „Впрочемъ, только пять-шесть дней въ году женщины имѣютъ надъ нимъ какую-нибудь власть, да и то“... замѣчаетъ съ грустью Жозефина. Кажется, единственная роскошь его — нюхательный табакъ, лакрица съ анисомъ для освѣженія рта, одеколонъ, да паровыя ванны.

Безсребренникъ: богатѣйшій изъ государей въ Европѣ, самъ для себя никогда ничего не имѣлъ; даже Мальмезонъ купленъ на имя Жозефины. „У каждаго свой вкусъ“, — говаривалъ, — „у меня былъ вкусъ къ постройкамъ, но не собственности“. ⁴ Выѣхалъ изъ Франціи почти ни съ чѣмъ, такъ что на Св. Еленѣ вынужденъ продавать серебряную посуду и похороненъ на счетъ англичанъ, своихъ тюремщиковъ.

Тѣло — недвижность, духъ — движеніе. Онъ весь — духъ, и весь движеніе, какъ бы заключенная въ чело-вѣческомъ тѣлѣ молнія.

„Можно подумать, что онъ хочетъ осуществить regretium mobile“, доносить англійскій комиссаръ съ острова Эльбы.—„Любитъ на прогулкахъ утомлять всѣхъ своихъ спутниковъ до изнеможенія. Кажется, пока онъ на ногахъ, ему невозможно даже присѣсть, чтобы что-нибудь написать. Послѣ прогулки подъ палящимъ солнцемъ, отъ пяти утра до трехъ пополудни, посѣтивъ фрегаты и транспорты, три часа еще ѣздилъ верхомъ, „чтобы отдохнуть“, какъ самъ мнѣ сказалъ“.¹

Въ 1809, во время Испанской кампаніи, проскакалъ верхомъ, во весь опоръ, въ 5 часовъ, 35 испанскихъ лье, около 130 километровъ, отъ Валладолида до Бургоса; выѣхалъ съ многочисленной свитой, но, по дорогѣ, спутники постепенно отставали отъ него, такъ что онъ прискакалъ въ Бургосъ, почти одинъ.² На охотѣ дѣлаетъ по сотнѣ верстъ. При Кастильоне, въ первой Итальянской кампаніи, загонялъ, въ три дня, пять лошадей.

Такъ же неутомимъ, пѣшій. Ходитъ иногда взадъ и впередъ по комнатѣ пять-шесть часовъ сряду, не замѣчая.³ Любитъ разговаривать на ходу: „кажется, могъ бы такъ проходить цѣлый день“.

И внутреннее движеніе соотвѣтствуетъ внѣшнему. „Съ меньшею скоростью несутся по небу тучи, гонимыя бурей, чѣмъ мысли и чувства его“.⁴ Вотъ почему онъ не можетъ писать: рука не поспѣваетъ за мыслью; диктуетъ, и всегда съ такою скоростью, что кажется, разговариваетъ со своимъ корреспондентомъ: если бы кто-нибудь подслушалъ у двери, то подумалъ бы, что говорятъ двое“. — „Ни за что не повторяетъ разъ продиктованнаго, и прерывать его тоже нельзя“. Эта неповторимость мысли — отъ ея совершенной органичности, живости. „И диктуетъ тоже почти всегда на ходу; по быстротѣ шаговъ можно судить о быстротѣ мыслей“.⁵

Кажется, это человѣкъ на землѣ, больше всего двигавшійся. И такому человѣку — Св. Елена — „казнь покоя“; дьяволъ бы для него злѣйшаго ада не выдумалъ.

„Безмѣрно то, что я сдѣлалъ, но что замышлялъ сдѣлать, еще безмѣрнѣе“. Кто это говоритъ, — Наполеонъ, владыка міра? Нѣтъ, устроитель сточныхъ трубъ. „Надо сдѣлать, сколько я сдѣлалъ, чтобы понять, какъ трудно дѣлать людямъ добро... Я истратилъ около тридцати милліоновъ на сточныя трубы, и никто мнѣ за это спасибо не скажетъ.“¹

Солнце Аустерлица видимо всѣмъ, а сточныя трубы невидимы, — ни тѣ, подъ землей, ни другія, въ политикѣ, осушившія кровавую хлябь Революціи. Но гдѣ лицо героя богоподобнѣе — въ солнцѣ Аустерлица или во мракѣ сточныхъ трубъ?

Вотъ еще одно лицо Наполеона „неизвѣстнаго“ — *смирннаго*. Точно ассирійскій богъ солнца, крылатый быкъ-исполинъ, запрягся въ плугъ и пашетъ неутомимо: „радъ бы отдохнуть, да запрягли вола, — паши“!

Точность работы, можетъ быть, еще удивительнѣе, чѣмъ ея безмѣрность. Точность, добросовѣстность, не такая, какъ у людей, а какъ у боговъ или вѣчныхъ силъ природы: только звѣзды восходятъ на небѣ, и боги воздаютъ людямъ съ такою чудесною, математическою точностью.

Дѣтски радуется, когда въ многомилліонныхъ счетахъ находитъ ошибку въ двадцать сантимовъ. Какъ-то разъ, увидѣвъ въ рукахъ императрицею фрейлины бѣльевую книжку, взялъ ее, просмотрѣлъ и нашелъ, что стирка стоитъ слишкомъ дорого; началъ торговаться о каждой штукѣ бѣлья и выторговалъ, сколько считалъ справедливымъ.

Отъ великолѣпныхъ, новыхъ занавѣсей на окнахъ Тюльерійскаго дворца отрѣзалъ золотую кисть и спряталъ въ карманъ, а черезъ нѣсколько дней, показалъ ее завѣдующему дворцовой мебелью: „Боже меня сохрани заподозрить вашу честность, мой другъ, но васъ обкрадываютъ: вы за это заплатили на треть дороже настоящей цѣны.“²

Тотъ же Деміургъ, богъ Работникъ, — въ солнцахъ и въ атомахъ. „Въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю“. Если бы такъ не дрожаль надъ двадцатью сантиметрами, не совершилось бы чудо — почти внезапная, въ три-четыре года консульства, метаморфоза нищей босоножки, Франціи, въ богатѣйшую царицу міра.

За три недѣли до смерти, между двумя рвотами, „черными, какъ кофейная гуща“, отъ раковой язвы въ желудкѣ, сидя въ постели, держа на колѣняхъ папку съ листомъ бумаги и макая перо въ чернильницу, которую держитъ передъ нимъ оберъ-гофмаршалъ, пишетъ прибавленіе къ завѣщанію, подъ литерой А, гдѣ перечисляетъ забытое въ прежнихъ статьяхъ: „всѣ мои матрацы и одѣяла, полдюжины рубашекъ, полдюжины платковъ, галстуховъ, полотенецъ, носковъ, пара ночныхъ панталонъ, два халата, пара подвязокъ, двѣ пары кальсонъ и маленькій ящичекъ съ моимъ табакомъ“. ¹ Все это завѣщаетъ на память сыну.

„Какое мѣщанство! Лучше бы о душѣ подумаль въ такую минуту“, — такъ для насъ, „христіанъ“, но не для него, „язычника“. Вѣдь вся душа его — любовь къ Землѣ: та же любовь — въ мечтѣ о міровомъ владычествѣ и въ этой заботѣ о щепоткѣ табака.

„Я держаль міръ на плечахъ: J'ai porté le monde sur mes épaules. Если наша ветхая Европа все еще кое-какъ держится, то, можетъ быть, только потому, что этотъ Атласъ — исполинскій, апокалипсическій Мѣщанинъ, все еще держитъ ее на плечахъ.

Вождь.

Чтобы увидѣть, какъ слѣдуетъ, лицо Наполеона-Вождя, надо понять, что война для него не главное. Какъ „существо реальнѣйшее“, онъ слишкомъ хорошо понимаетъ историческую неизбѣжность войны для своего времени; понимаетъ, что война все еще „естественное состояніе“ людей. Но и здѣсь, какъ во всемъ, идетъ черезъ то, что людямъ кажется „естественнымъ“, къ тому, что имъ кажется „сверхъестественнымъ“, черезъ необходимость войны — къ чуду міра: вѣдь главная цѣль его міровое владычество, всемірное соединеніе людей, и есть конецъ всѣхъ войнъ, вѣчный миръ.

„Чтобы быть справедливымъ къ Наполеону, надо бы положить на чашу вѣсовъ, тѣ великія дѣла, которыхъ ему не дали совершить“¹. Совершить великія дѣла дали ему только на войнѣ, но не въ мирѣ. Какъ это ни странно звучитъ, Наполеонъ — миротворецъ: вѣчно воюетъ и жаждетъ мира; больше чѣмъ ненавидитъ, — презираетъ войну, по крайней мѣрѣ, въ свои высшія минуты. Понялъ же и на всю жизнь запомнилъ тотъ вой собаки надъ трупомъ ея господина, на полѣ сраженія; понялъ или почувствовалъ, что эта смиренная тварь въ любви выше, чѣмъ онъ; герой, въ ненависти — войнѣ.

„Что такое война? Варварское ремесло“². — „Война

сдѣляется анахронизмомъ... Будуще принадлежитъ миру: нѣкогда побѣды будутъ совершаться безъ пушекъ и безъ штыковъ“. ¹ Легкими могли бы казаться эти слова въ устахъ такого миротворца-идеолога, какъ Л. Толстого; но въ устахъ Наполеона пріобрѣтаютъ они страшный вѣсь.

Воля къ миру и воля къ войнѣ — таково глубочайшее въ немъ соединеніе противоположностей; глубочайшій, можетъ быть, ему самому еще невидимый, „квадратъ“ генія.

„Генералъ — самый умный изъ храбрыхъ“, опредѣляетъ онъ геній Вождя. ² Чтобы кончить мысль его, надо бы сказать: „генералъ — самый храбрый изъ храбрыхъ и самый мудрый изъ мудрыхъ“. Совершенно-храбрыхъ людей мало; совершенно-мудрыхъ и того меньше; а соединяющихъ эти два качества нѣтъ вовсе, или есть одинъ за цѣлыя тысячелѣтія. Такимъ и сознаетъ себя Наполеонъ: „тысячелѣтія пройдутъ, прежде чѣмъ явится человѣкъ, подобный мнѣ“.

Военная наука состоитъ въ томъ, чтобы сначала хорошо взвѣсить всѣ шансы, и затѣмъ, точно, почти математически, разсчесть, сколько шансовъ надо предоставить случаю... Но это соотношеніе знанія и случая умѣщаются только въ геніальной головѣ. Случай всегда остается тайной для умовъ посредственныхъ и только для высшихъ становится реальностью. ³

Тайна случая, тайна рока есть Наполеонова тайна, по преимуществу, потому что онъ „человѣкъ рока“.

„Вѣчность, Эонъ, — дитя, играющее въ кости“, по Гераклиту. Случай, судьба, „звѣзда“ — игральная кость вѣчности. И война есть тоже „игра въ случай“ Вождя съ Рокомъ. „Ставить на карту все за все“ — правило игры. Никогда никто не игралъ въ нее съ такимъ математически-точнымъ расчетомъ, геометрически-яснымъ видѣньемъ, — „мой великій талантъ ясно видѣть... это перпендикуляръ, который короче кривой“, — и съ такимъ пророческимъ ясновидѣньемъ, какъ Наполеонъ. ⁴

Соединенія случая съ математикой, самаго слѣпого съ самымъ зрячимъ, — таковъ умственный „квадратъ“ военнаго генія.

Передъ началомъ каждой большой кампаніи или передъ каждымъ большимъ сраженіемъ, цѣлыми днями лежитъ онъ ничкомъ на полу, на огромной разостланной картѣ, утыканной булавками съ восковыми разноцвѣтными головками, отмѣчающими дѣйствительныя и предполагаемыя диспозиціи своихъ и чужихъ войскъ; обдумываетъ чудный порядокъ, съ какимъ военныя части будутъ переноситься за сотни, за тысячи верстъ, — съ береговъ Ламанша, изъ Булонскаго лагеря, на берега Рейна, или изъ Сіерра-Моренскихъ горъ въ русскія степи; концентрическіе марши, непрерывныя наступленія, молніеносные удары, весь стратегическій планъ, простой и прекрасный, какъ произведеніе искусства или теорема геометріи. Главная задача — поставить противника, передъ началомъ операціи въ невозможность соединиться со своей операціонной базой; Маренго, Ульмъ, Іена, Аустерлицъ — различныя примѣненія этого метода. Тутъ все — математика, механика: „сила арміи, подобно количеству движенія въ механикѣ, измѣряется массой, помноженной на скорость; быстрота маршей увеличиваетъ храбрость войскъ и возможность побѣды“.¹

Безконечная осторожность, какъ бы „трусость“, вождя тутъ лучше храбрости. „Нѣтъ человѣка трусливѣе меня, при обдумываніи военнаго плана: я преувеличиваю всѣ опасности... испытываю самую мучительную тревогу, что, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ казаться очень спокойнымъ передъ окружающими. Я тогда, какъ женщина въ родахъ (*comme une fille qui accouche*). Но только-что я принялъ рѣшеніе, я все забываю, кромѣ того, что можетъ мнѣ дать успѣхъ“.²

Все забывать въ послѣднюю минуту такъ же трудно, какъ до послѣдней минуты помнить все. Медленная

механика, геометрически-ясное видѣніе — сначала, а потомъ — внезапное ясновидѣніе, пророческая молнія.

„Горе вождю, который приходитъ на поле сраженія съ готовой системой“. ¹ Вдругъ освобождаться отъ системы, отъ знанія, отъ разума, сбрасывать ихъ, какъ ненужное бремя, еще труднѣе, чѣмъ ихъ вести.

„Странное искусство война: я далъ шестьдесятъ большихъ сраженій и ничему не научился, чего бы не зналъ уже при первомъ. ² „У меня всегда было внутреннее чувство того, что меня ожидаетъ“. Это „внутреннее чувство“, или первичное, раньше всякаго опыта, знаніе, и есть то „магнетическое предвидѣніе“, о которомъ говоритъ Бурьеннъ; врожденное „знаніе - воспоминаніе“ *anamnesis*, Платона. Кажется, въ самомъ дѣлѣ, за цѣлыя тысячелѣтія, оно никому изъ людей не было дано въ такой мѣрѣ, какъ Наполеону.

„Похоже было на то, что планъ кампаніи Мака (австрійскаго фельдмаршала) я сочинилъ за него“. — „Кавдинскимъ ущельемъ для Мака будетъ Ульмъ“, предсказалъ Наполеонъ, и, какъ предсказалъ, такъ и сдѣлалось: день въ день, почти часъ въ часъ, Ульмъ капитулировалъ. ³ Планъ Аустерлица исполнился съ такою же точностью: солнце побѣды блеснуло первымъ лучемъ въ тотъ самый день, часъ и мигъ, когда велѣлъ ему Наполеонъ. Утромъ въ день Фридланда, еще не побѣдивъ, онъ спокойно завтракаетъ подъ свистящими пулями, и лицо его сіяетъ такою радостью, что видно: знаетъ — „помнить“, что уже побѣдилъ. Да, именно *помнить будущее*, какъ прошлое.

„Великое искусство сраженій заключается въ томъ, чтобы во время дѣйствія, измѣнять свою операціонную линію; это моя идея, совсѣмъ новая“. ⁴ Это возможно, только благодаря совершенной немеханичности, органичности плана: онъ остается до конца измѣнчивымъ, гибкимъ въ умѣ вождя, какъ раскаленное желѣзо въ горнѣ.

„Въ самыхъ великихъ бояхъ, вокругъ Наполеона,

царствовало глубокое молчаніе: если бы не болѣе или менѣ отдаленный гулъ орудій, слышно было бы жужжаніе осы; люди не смѣли и кашлянуть“. ¹ Въ этой тишинѣ прислушивается онъ къ внутреннему голосу своего „демона-совѣтчика“, по слову Сократа, — къ своему „магнетическому предвидѣнію“.

Но наступаетъ, наконецъ, и та послѣдняя минута, когда нужно „ставить на карту все за все“. — „Участь сраженій рѣшается одною минутой, одною мыслью — нравственною искрою“. ² „Сраженіе всегда есть дѣло серьезное, но побѣда иногда зависитъ отъ пустяка — отъ зайца“. ³ Этотъ „заяцъ“ — смиренная личина Рока — „Вѣчности, играющей, какъ дитя, къ кости“. Бородино проиграно изъ за Наполеонова насморка; а Ватерлоо — изъ-за дождя, не переставшаго вовремя.

Въ эту-то послѣднюю минуту и происходитъ тотъ молнійный разрядъ воли, которымъ Вождь рѣшаетъ все. „Нѣтъ ничего труднѣе, но и ничего драгоцѣннѣе, какъ умѣть рѣшаться“. ⁴

„Очень рѣдко находилъ онъ въ людяхъ нравственное *мужество двухъ часовъ по полуночи*, т. е., такое, при которомъ человѣкъ, будучи застигнутъ врасплохъ самыми неожиданными обстоятельствами, сохраняетъ полную свободу ума, сужденья и рѣшенья. Онъ говоритъ, не колеблясь, что находилъ въ себѣ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ людяхъ, это мужество двухъ часовъ пополуночи, и что видѣлъ очень мало людей, которые въ этомъ не отставали бы далеко отъ него“. ⁵

„Кажется, я самый храбрый на войнѣ человѣкъ, который когда-либо существовалъ“, говоритъ онъ просто, безъ тѣни хвастовства, только потому, что къ слову пришлось“. ⁶

Храбрость военная въ немъ вовсе не главная; она только малая часть того „послѣполуночнаго мужества“, о которомъ онъ такъ хорошо говоритъ, — „послѣполуночнаго“, въ двойномъ смыслѣ, точномъ и переносномъ,

можетъ быть, ему самому еще не понятномъ: полдень воли, дѣйствія, кончится — начнется полночь жертвы, страданія; но въ обѣихъ гемисферахъ — одно и тоже солнце мужества.

Чтобы не видѣть, что Наполеонъ храбръ на войнѣ, надо быть слѣпымъ. Такъ слѣпы Толстой и Тэнъ. Мѣра этой слѣпоты даетъ мѣру ихъ ненависти. Тэнъ старается даже доказать, что Наполеонъ — „трусъ“. И многіе „справедливые судьи повѣрили этому, обрадовались: „онъ трусъ, какъ мы!“

Трудно сказать, когда Наполеонъ былъ храбрѣе всего. Кажется, отъ Тулона до Ватерлоо, и дальше, до Св. Елены, до послѣдняго вздоха, — одинаково. Этотъ „свѣтъ, озарявшій его“, по слову Гете, „не погасалъ ни на минуту“. Но Франція увидѣла впервые лицо молодого героя, такое прекрасное, какого люди не видѣли со времени Эпаминондовъ и Леонидовъ, — въ Аркольскомъ подвигѣ.

Къ ноябрю 96 года, положеніе генерала Бонапарта, главнокомандующаго Итальянской арміей, сдѣлалось почти отчаяннымъ. Маленькая армія его истаевала въ неравныхъ бояхъ: двадцать тысячъ измученныхъ людей противъ шестидесяти тысячъ — свѣжихъ. Помощь изъ Франціи не приходила. Цвѣтъ арміи, солдаты и командиры были изъ строя. Госпитали переполнены были ранеными и больными гнилой лихорадкой Мантуанскихъ болотъ. Боленъ былъ и самъ Бонапартъ. Но хуже всего было то, что духъ арміи палъ, послѣ неудачной атаки на высотѣ Кальдьеро, гдѣ австрійскій фельдмаршалъ Альвинци укрѣпился на неприступной позиціи, угрожая Веронѣ, и откуда Бонапартъ вынужденъ былъ отступить, въ первый разъ въ жизни, почти со стыдомъ.

„Граждане Директоры,—писалъ онъ въ эти дни,— можетъ быть, мы наканунѣ потери Италіи... Я исполнилъ мой долгъ и армія исполнила — свой. Совѣсть моя спокойна, но душа растерзана... Помощи, пришлите, помощи!“

Зналъ, что не пришлютъ: якобинцы, роялисты и даже сами Директоры только и ждали удобнаго случая съѣсть его живьемъ. „Нѣтъ больше надежды“, — писалъ онъ Жозефинѣ, — „все потеряно“... У меня осталась только храбрость“. ¹

„Всякій другой генераль, на мѣстѣ Бонапарта, отступилъ бы за Минчіо, и Италія была бы потеряна“, говоритъ Стендаль, участникъ похода. ²

Но Бонапартъ не отступилъ: онъ задумалъ безумно-смѣлый маневръ: зайти въ тылъ австрійцамъ, со стороны почти непроходимыхъ Адиджскихъ болотъ и, застигнувъ непріятеля врасплохъ, вынудить его къ бою на трехъ узкихъ плотинахъ, гдѣ численный перевѣсъ не имѣлъ значенія, и все рѣшалось личною храбростью солдата. Чтобы исполнить маневръ, надо было захватить однимъ внезапнымъ ударомъ маленькій деревянный мостикъ въ концѣ одной изъ плотинъ, надъ болотной рѣчкой Альпоне, у селенія Арколя, — единственное сообщеніе австрійскаго тыла съ болотами.

Ночью, въ глубокомъ молчаніе, французская армія выступила изъ Вероны. Смѣлый маневръ Бонапарта понравился ей такъ, что раненые, прямо съ лазаретныхъ коекъ, присоединялись къ ней. Крадучись въ темнотѣ по Адиджскимъ плотинамъ, передовыя колонны французовъ подъ командой генерала Ожеро, подошли еще до свѣту, къ Аркольскому мосту. Вопреки ожиданіямъ Бонапарта, мостъ былъ хорошо защищенъ: два батальона Кроатовъ съ артиллеріей могли его крыть убійственнымъ фланговымъ огнемъ. Но отступать было поздно, да и некуда: та же гибель впереди, какъ позади; попали въ ловушку.

Первая колонна пошла въ атаку, и картечный залпъ смелъ ее почти всю, какъ хорошая метла мететь соръ; и вторую, и третью, и четвертую. Люди выбѣгали на мостъ, и тотчасъ сметала ихъ метла. Гибли безсмысленно. Все — мальчуганы безусые, санкюлоты 93, тоже, въ

своёмъ родѣ, „мужи изъ Плутарха“. Но и такимъ удалцамъ тошно было умирать безъ толку: мостъ нельзя было взять, какъ нельзя вспрыгнуть на небо. Почти всѣ командиры были убиты или ранены, и люди отказывались идти въ огонь. Когда Ожеро кинулся впередъ со знаменемъ и, думая увлечь солдатъ, закричалъ въ бѣшенствѣ: „что вы такъ боитесь смерти, подлецы!“ — никто изъ нихъ не двинулся. ¹

Подскакалъ Бонапартъ и сразу увидѣлъ, что, если мостъ не будетъ взятъ, дѣло проиграно: уже не онъ достигнетъ врасплохъ Альвинци, а тотъ — его; слышавъ шумъ сраженія, ударить съ высотъ Кальдьеро и раздавить, утопить въ болотѣ французскую армію. Но въ то же мгновеніе онъ понялъ, что надо дѣлать. Спрыгнулъ и схватилъ гренадерское знамя. Люди не понимали или не смѣли понять, что онъ сдѣлаетъ; только смотрѣли на него, не двигаясь, молча.

Въ очень простомъ, почти безъ шитья, синемъ, куцемъ мундирчикѣ, съ широкимъ шелковымъ поясомъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, въ низкихъ козлиныхъ сапожкахъ съ отворотами; худенькій, тоненькій, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка; длинныя пряди, чуть-чуть напудренныхъ волосъ, плоско висящія вдоль впалыхъ щекъ; странное спокойствіе въ лицѣ, точно глубокая задумчивость, — только невыносимый, какъ бы расплавленнаго металла, блескъ огромныхъ глазъ; лицо больного мальчика, за которое солдаты любили — „жалѣли“ его особенно.

Все еще не понимали, что онъ сдѣлаетъ. Поднялъ одной рукой знамя—изрѣшеченное пулями, святое отрепье, а другой — шпагу; обернулся, крикнулъ: „солдаты! развѣ вы уже не Лодійскіе побѣдители?“ — и побѣждалъ на мостъ ².

Всѣ кинулись за нимъ, съ одной мыслью: лучше самимъ умереть, чѣмъ видѣть, какъ „больной мальчикъ“ умретъ. Командиры окружили его, защищая тѣлами сво-

ими. Дважды раненый генералъ Ланнъ, защитилъ его отъ перваго залпа и упалъ раненый въ третій разъ. Отъ втораго залпа защитилъ полковникъ Мьюронъ и былъ убитъ на груди Бонапарта, такъ, что кровь брызнула ему въ лицо.

Буря картечи косила людей. Но люди все-таки шли впередъ и дошли уже до конца моста. Только здѣсь не вынесли огня почти въ упоръ, повернули и побѣжали назадъ. Кроаты — за ними, добивая штыками не убитыхъ картечью.

Бонапартъ все еще стоялъ на мосту. Кучка пробѣгавшихъ гренадеровъ подхватила его на руки и потащила вонъ изъ огня, но тутъ же, въ свалкѣ, уронила и не замѣтила. Онъ упалъ въ болото, угрузъ по-поясъ въ тинѣ; барахтался и только еще больше угрузалъ. Хорошо было стоять на мосту героемъ, но скверно сидѣть лягушкой, въ болотѣ. Слышалъ, казалось, и сквозь шумъ сраженія, только тихій шелестъ сухихъ тростниковъ надъ собой; видѣлъ только сѣрое, тихое небо, и самъ затихъ; ждалъ конца: то-ли тина засосетъ съ головой, то-ли австрійцы зарубятъ или захватятъ въ плѣнъ. А, можетъ быть, зналъ — „помнилъ“, что будетъ спасень.

Австрійцы уже были впреди него, шаговъ на сорокъ, но все еще не замѣтили его съ лицомъ окровавленнымъ кровью Мьюрона, облѣпленнымъ грязью. Такъ тихое небо хранило его; тамъ, на мосту погибъ бы неминуемо, въ болотѣ, спасся; чѣмъ больше угрузалъ, тѣмъ лучше спасался отъ пуль.

Гренадеры опомнились, только сбѣжавъ съ моста на берегъ: увидѣли, что Бонапартъ исчезъ. „Гдѣ онъ? Гдѣ Бонапартъ?“ — завопили въ ужасѣ. „Бѣгите назадъ, спасайте, спасайте его!“ И побѣжали снова на мостъ, бѣшеннымъ натискомъ смяли Кроатовъ, увидѣли Бонапарта въ болотѣ, угрузшаго почти по-плечи, кое какъ добра-

лись до него, вытащили, подняли, вынесли на берегъ и усадили на лошадь. Онъ былъ спасенъ.

Что произошло потомъ, трудно понять, какъ, вообще, всякое сраженіе — по существу, хаосъ, — понять трудно. Сами участники дѣла не умѣютъ иногда рассказать о немъ, какъ слѣдуетъ. Ясно одно: маневръ Бонапарта не удался. Мостъ не былъ взятъ ни въ тотъ день, ни на слѣдующій, и только на третій — генераль Массена перешелъ его, почти безъ боя, потому что онъ уже былъ покинутъ австрійцами: центръ дѣйствія перенесся тогда совсѣмъ въ другую сторону.

Значить, подвигъ Бонапарта бесполезенъ. Нѣтъ, полезенъ въ высшей степени. „Увѣряю васъ, что все это было необходимо, чтобы побѣдить“, писалъ онъ Карно, впрочемъ, не о своемъ подвигѣ, — о немъ какъ будто забылъ, — а о подвигѣ Ланна¹. Да, все это было необходимо, чтобы поднять духъ солдатъ, зажечь ту „нравственную искру, которою рѣшается участь сраженія“. На волевой разрядъ въ душѣ начальника отозвались безчисленные волевые разряды въ душѣ солдатъ. Точно искра упала въ пороховой погребъ, и онъ взорвался.

Въ теченіе трехъ дней послѣ Арколя, произошли такія чудеса, что храбрый, твердый, умный Альвинци, какъ бы ошалѣлъ, не понимая, что происходитъ, почему солдаты Бонапарта вдругъ точно взбѣсились, полѣзли на стѣну; и, ошалѣвъ, надѣлалъ глупостей: сошелъ съ неприступныхъ позицій Кальдьеро, отдалъ Верону, Мантую, всю Италію. Вотъ что получилъ Бонапартъ, сидя въ болотѣ. Арколь, Пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ — бусы одного ожерелья: если бы нитка его оборвалась тогда, подъ Арколемъ, то и все ожерелье разсыпалось бы.

За нѣсколько минутъ до смерти, онъ бредилъ какимъ-то сраженіемъ на мосту, — можетъ, быть, именно этимъ, Аркольскимъ². Въ ту минуту надо ему было перейти черезъ другой, болѣе страшный, мостъ. Перешелъ

ли его или опять упаль въ болото? Если и упаль, — ничего: будетъ спасень, какъ тогда.

„Непріятель разбитъ подъ Арколемъ... Я немного усталъ“, писалъ онъ Жозефинѣ, такъ же не упоминая о своемъ подвигѣ, какъ въ письмѣ къ Карно.¹ Вообще, храбростью не могъ гордиться передъ людьми уже потому, что храбрость его совсѣмъ не то, что люди называютъ этимъ словомъ. Если бы человѣкъ зналъ заранѣе, все, что съ нимъ произойдетъ до послѣдняго смертнаго часа, то для него не существовало бы ни нашего человеческого страха, ни нашей храбрости. Но именно такъ зналъ Наполеонъ — „помнилъ“ будущее. О, конечно, не всегда, а только рѣдкія минуты, то же очень страшныя, но уже инымъ страхомъ, не человеческимъ, и, чтобы преодолѣвать его нужно ему было не наше, не человеческое, мужество.

Въ эти минуты онъ чувствовалъ свою чудесную неуязвимость въ бояхъ. Далъ шестьдесятъ большихъ сраженій, и безъ счета, — малыхъ; девятнадцать лошадей было убито подъ нимъ,² а раненъ только два раза: довольно тяжело, при осадѣ Тулона, въ 1793, и легко, подъ Ратисбонномъ, въ 1809.

Всякое сраженіе есть какъ бы игра человѣка со смертью въ четъ и нечетъ; при умноженіи ставокъ, шансы на выигрышъ уменьшаются въ геометрической прогрессіи, а при сплошномъ выигрышѣ, въ такой же прогрессіи, возрастаетъ сходство того, что мы называемъ „случаемъ“, съ тѣмъ, что мы называемъ „чудомъ“. Чудомъ кажется неуязвимость Наполеона въ бояхъ.

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

Только при этомъ чувствѣ неуязвимости, онъ могъ играть со смертью, такъ, какъ игралъ. Маршалъ Бертъе, близко стоявшій къ нему, на самой линіи огня, подъ

Эсслингомъ, долго терпѣлъ, но, наконецъ, воскликнулъ: „если, ваше величество не уйдетъ отсюда, я велю гренадерамъ увести его насильно!“¹

Въ сраженіи подъ Арсисомъ, императоръ самъ строилъ гвардію въ боевой порядокъ на участкѣ земли, гдѣ непрерывно разрывались снаряды; когда одинъ изъ нихъ упалъ передъ самымъ фронтомъ колонны, люди подались было назадъ, и, хотя тотчасъ поправились, Наполеонъ захотѣлъ дать имъ урокъ. Шпорами заставилъ свою лошадь подойти къ дымящейся бомбѣ и остановилъ ее надъ нею. Бомба взорвалась, лошадь упала съ распоротымъ брюхомъ, увлекая за собою всадника; онъ исчезъ въ пыли и въ дыму; но тотчасъ же всталъ, невредимъ, сѣлъ на другую лошадь и поскакалъ къ слѣдующимъ батальонамъ продолжать диспозицію.²

Храбрость такъ же заразительна, какъ трусость. Храбрость зажигается о храбрость, какъ свѣча о свѣчу. Но, чтобы вся армія вспыхнула, какъ сухой лѣсъ въ пожарѣ, отъ одной „нравственной искры“, молніи, рѣшающей участь сраженія, надо приготовить людей — высушить лѣсъ. Онъ это и дѣлаетъ: медленной, трудной и долгой работой усиливаетъ воспримчивость солдатъ къ заразѣ мужества; учитъ людей умирать.

Чтобы научить ихъ, какъ слѣдуетъ, надо съ ними жить душа въ душу. Онъ такъ и живетъ съ солдатами, и это ему легко; дѣтское, простое въ немъ сближаетъ его съ простыми людьми: „утаилъ сіе отъ мудрыхъ и открылъ младенцамъ“. „Мудрецы“ — „идеологи“ Наполеона ненавидятъ, а простые люди любятъ. Онъ для нихъ величайшій изъ людей и Маленькій Капраль; поклоняются великому, и жалѣютъ „маленькаго“.

„На бивуакахъ я разговаривалъ и шутилъ съ простыми солдатами. Я всегда гордился тѣмъ, что я чело­вѣкъ изъ простого народа“.³

На островѣ Эльбѣ проводитъ по шести часовъ въ казармахъ, осматриваетъ койки, пробуетъ супъ, хлѣбъ,

вино, бесѣдуетъ съ нижними чинами, какъ съ равными, и, по обыкновенію, „съ начальниками строевъ, добръ съ подчиненными“. ¹

Въ самый горькій и стыдный день своей жизни 7 іюня 1815 года, когда отрекся отъ власти — отъ себя — передъ ничтожной Палатой, все забываетъ, чтобы думать о солдатскихъ сапогахъ; пишетъ военному министру, маршалу Даву: „я съ грустью увидѣлъ, что отправленные сегодня утромъ войска имѣютъ только по одной парѣ сапогъ, а на складѣ ихъ множество. Надо имъ дать по двѣ пары въ мѣшокъ и одну на ноги“. ²

Каждого солдата узнаетъ, или дѣлаетъ видъ, что узнаетъ, въ лицо: передъ осмотромъ, учить наизусть особыя таблички съ именами рядовыхъ.

Революціонное равенство осуществилось, можетъ быть, только здѣсь, въ Наполеоновой арміи. „Старые усачи-гренадеры никогда не осмѣлились бы говорить съ послѣднимъ прапорщикомъ такъ, какъ говорили съ императоромъ“. ³

Въ страшномъ зноѣ египетской пустыни, у развалинъ Пелузы, солдаты уступали ему единственную узкую трѣнь отъ стѣны, и онъ понимаетъ, что „это уступка огромная“. ⁴ Расплачивается съ ними въ пустынѣ Сирійской, когда всѣхъ лошадей, въ томъ числѣ и свою, отдаетъ подъ больныхъ и раненыхъ. Помнитъ, язычникъ, христіанскую заповѣдь: „генераль долженъ поступать со своими людьми такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы съ нимъ самимъ поступали“. ⁵

Тутъ, можетъ быть, даже нѣчто большее, чѣмъ революціонное равенство, — уже почти религіозное братство.

Возвращаясь съ Эльбы и подходя къ Греноблю, на одной стоянкѣ, пьетъ вино изъ того же ведра и того же стакана, изъ которыхъ только что пили всѣ его „усачи“-гренадеры. Вмѣстѣ пьютъ изъ одной чаши вино и кровь.

Когда раненый въ ногу подъ Ратисбонномъ и едва перевязанный, императоръ вскакиваетъ снова на лошадь и кидается въ бой, люди плачутъ отъ умиленія. „Кровь есть душа“, это знали древніе, и все еще знаетъ народъ. Съ кровью „душа начальника переходитъ въ души солдатъ“. ¹ Вся армія, отъ послѣдняго солдата до маршала, — одна душа въ одномъ тѣлѣ.

Понятно, почему никогда никому солдаты не служили такъ вѣрно, какъ Наполеону: „съ послѣдней каплей крови, вытекавшей изъ ихъ жилъ, они кричали: „вивать императоръ!“ Понятно, почему тѣ два гренадера, подъ Акромъ защитили его тѣлами своими отъ взрывававшейся бомбы; и генераль Ланнъ, дважды раненый, снова кинулся въ бой, на Аркольскомъ мосту, и получилъ третью рану, а полковникъ Мьюронъ былъ убитъ на груди Бонапарта. Понятно, почему генераль Вандаммъ готовъ „пройти сквозьигольное ушко, чтобы броситься въ огонь“ за императора, а генераль Гопуль, подъ Ландсбергомъ, когда Наполеонъ обнялъ его и поцѣловалъ передъ тремъ, воскликнулъ: „чтобы быть достойнымъ такой чести, я долженъ умереть за ваше величество!“ и былъ убитъ на слѣдующій день, подъ Эйлау. ² И полковникъ Суръ, подъ Женатпомъ, когда ему ампутировали руку, диктуетъ письмо императору, только что произведшему его въ генеральскій чинъ: „величайшая милость, какую вы могли бы мнѣ оказать, это оставить меня полковникомъ въ моемъ уланскомъ полку, который я надѣюсь вести къ побѣдѣ. Я отказываюсь отъ генеральскаго чина. Да проститъ мнѣ великій Наполеонъ. Чинъ полковника мнѣ дороже всего“. И только-что наложили хирургическій аппаратъ на кровавый обрубокъ руки его, онъ опять садится на лошадь и пускается въ галопъ къ своему полку. ³ Понятно, почему графъ Сегюръ, во время хирургической операціи, побѣждаетъ боль и страхъ смерти одною мыслью о вождѣ: „хорошо умереть, быть достойнымъ его!“ ⁴ А старый солдатъ, участникъ Ма-

ренго, подъ Ватерлоо, сидя съ раздробленными ногами на дорожной насыпи, повторяетъ громкимъ и твердымъ голосомъ: „ничего, братцы, впередъ, и виватъ Императоръ!“

Но, кажется, всего чудеснѣе эта зараза мужества въ сраженіи подъ Эсслингомъ.

Когда приходитъ внезапная вѣсть, что сломаны мосты на Дунаѣ, соединяющіе французскую армію съ ея оперативной базой, островомъ Лобау, и резервы маршала Даву отрѣзаны, положеніе арміи, на обширной равнинѣ, безъ точки опоры, безъ боевыхъ запасовъ и резервовъ, становится такимъ отчаяннымъ, что на военномъ совѣтѣ всѣ маршалы подають голосъ за сдачу Лобау и отступление на правый берегъ Дуная. Императоръ выслушиваетъ ихъ терпѣливо, но рѣшаетъ не отступать. „Такъ, такъ! Такъ надо сдѣлать!“ восклицаетъ маршалъ Массена, революціонный генералъ, внукъ дубильщика, сынъ мыловара, бывшій контрабандистъ и лавочникъ, неисправимый воръ, лихоимецъ, грабитель собственныхъ солдатъ, спаситель Франціи, побѣдитель Суворова, „возлюбленный сынъ Побѣды.“ „Такъ надо сдѣлать, такъ“, — повторяетъ онъ съ восторгомъ и тусклые глазки этого маленькаго, худенькаго человѣка разгораются чуднымъ огнемъ. — „А! вотъ великое сердце, вотъ геній, достойный нами командовать!“ Тогда Наполеонъ беретъ его подъ руку, отводитъ въ сторону и ласково шепчетъ ему на-ухо: „Массена! ты долженъ защитить островъ и кончить то, что началъ съ такою славою. Ты одинъ можешь это сдѣлать. Ты это сдѣлаешь!“ Да, сдѣлаетъ: душа Наполеона перешла въ душу Массена: храбрый зажегся о храбраго, какъ свѣча о свѣчу.

А черезъ нѣсколько часовъ, когда положеніе становится еще болѣе отчаяннымъ, и приходитъ послѣдняя, страшная вѣсть, что маршалъ Ланнъ смертельно раненъ, у Наполеона опускаются руки; въ первый разъ въ жизни онъ плачетъ въ сраженіи, какъ будто теряетъ все свое мужество; но, только-что опомнившись, посылаетъ гене-

рала Монтіона къ Массенѣ сказать, чтобы онъ продержался въ Аспернѣ, важнѣйшемъ подступѣ къ Лобау, „хотя бы еще только четыре часа“. — „Скажите императору“, — отвѣчаетъ Массена, схвативъ руку Монтіона и сжавъ ее съ такою силою, что слѣды пальцевъ долго потомъ оставались на ней, — „скажите императору, что никакая сила въ мірѣ не заставитъ меня уйти отсюда. Я останусь здѣсь четыре часа — двадцать четыре часа — всегда!“ И остался. Защита Асперна была такъ героична, что непріятель осмѣлился вступить въ развалины его только на слѣдующій день, когда французскій арьергардъ давно уже покинулъ селеніе. ¹

„Безъ меня онъ ничто, а со мной — моя правая рука“, говоритъ Наполеонъ о Мюратѣ, ² и могъ бы сказать о всѣхъ своихъ маршалахъ: всѣ они члены Вождя.

Да, вся армія — одно тѣло, одна душа. „Онъ колдунъ“, — говорили о Наполеонѣ египетскіе мамелюки Мурадъ-Бей. — „Онъ связалъ своихъ солдатъ большой бѣлой веревкой, и, когда дергаетъ ее туда или сюда, всѣ они движутся вмѣстѣ, какъ одно тѣло“. ³ Эта „бѣлая веревка“ и есть „мягія“ — молнійная воля Вождя. „Какъ ни велико было мое матеріальное могущество, духовное — было еще больше: оно доходило до магіи.“ — „Государь, вы всегда творите чудеса!“ по простодушно-глубокому слову помощника Маконскаго мэра.

„Когдв онъ хотѣлъ соблазнить, въ словахъ его было неодолимое обаяніе, родъ магнетической силы. Тотъ, кого онъ хочетъ увлечь, какъ бы выходитъ изъ себя“, вспоминаетъ Сегюръ ⁴. Въ эти минуты своей наибольшей силы, онъ уже не приказываетъ, какъ мужчина, а соблазняетъ, какъ женщина. Вотъ что значитъ въ немъ „полнота не нашего пола“, странное сходство съ „молодою красавицей“, которое онъ самъ въ себѣ замѣчаетъ, или со „старою гувернанткою“ императрицы Маріи-Луизы, которое обманываетъ провинціальнаго ла-

кея. Эта одна изъ колдовскихъ „штукъ“ его, такъ пугающихъ суевѣрнаго австрійца: „проклятый колдунъ — оборотень обернулся женщиной“.

Богъ Діонисъ тоже „оборотень“. Въ Еврипидовыхъ „Вакханкахъ“ онъ „женоподобень“, *thelymorphos*, а въ Эсхиловомъ „Ликургѣ“, — уже настоящій Андрогинъ. И въ Клевзинскихъ таинствахъ, Діонисъ-Іакхъ называется „двуестественнымъ“, *diphyes*: два естества въ немъ — мужское и женское. Что это значитъ? Значитъ, что божественная полнота человѣческой личности есть соединеніе двухъ расколотыхъ половинокъ — полонъ двухъ противоположностей — „квадратъ“ генія; высота квадрат — мужественность. Или по слову Канта: „erst Mann und Weib zusammen machen den Menschen aus. Человѣка составляютъ только мужчина и женщина вмѣстѣ“. Божественная искра человѣческой личности вспыхиваетъ только въ соприкосновеніи двухъ полюсовъ — женскаго катода и мужскаго анода.

Наполеонъ ближе, чѣмъ думаетъ самъ, къ своему прообразу, Александру Великому. Тотъ хотѣлъ быть вторымъ Діонисомъ, „Діо-нисъ“ значитъ „сынъ божій“: *Діо* — „богъ“, *п у с о с* — „сынъ“. Вотъ почему старый инвалидъ Наполеоновской арміи, котораго зналъ въ дѣтствѣ Леонъ Блуа, „не умѣлъ отличить императора отъ Сына Божьяго“. Вотъ почему солдаты Наполеона пьютъ вмѣстѣ съ нимъ изъ одной чаши, какъ въ Діонисовыхъ таинствахъ, вино и кровь, соединяясь во одно тѣло, въ одну душу — Великую Армію.

Вся она движется съ такой быстротой, въ такомъ чудномъ порядкѣ, когда въ 1805 году императоръ перекидываетъ ее однимъ мановеніемъ руки изъ Булонскаго лагеря, отъ береговъ Ламанша къ берегамъ Рейна, что если бы кто-нибудь могъ обзрѣть ее съ высоты, то подумалъ бы, что это стройно-пляшущій хоръ Діониса, гдѣ хоровожатый — самъ богъ.

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
 Казалось, онъ парилъ надъ ними
 И двигалъ всѣмъ, и все стерегъ
 Очами чудными своими¹.

Эти очи съ „невыносимымъ блескомъ, какъ бы расплавленнаго металла“, — очи самого Діониса.

„Я хочу, чтобы мои знамена возбуждали чувство религиозное“.² Какая же это религія?

Чей это голосъ? Кто зоветъ насъ? Эвѣй!

узнаютъ Вакханки Еврипида голосъ своего невидимаго бога. Тотъ же голосъ и въ этихъ словахъ Наполеона: „когда въ огнѣ сраженія, проѣзжая передъ строемъ, я кричалъ: „солдаты! развертывайте ваши знамена, часъ пришелъ!“ — надо было видѣть нашихъ французовъ: люди *плясали* отъ радости, сотни человѣкъ тогда стоилъ одинъ, и съ такими людьми, казалось, все возможно“.³

Люди плясали, какъ изступленные, одержимые богомъ, вакханты. „Солдаты Наполеона — одержимые“, говоритъ очевидецъ, наканунѣ Ватерлоо.⁴ Это „одержимость“, *katokhe*, есть признакъ „богоприсутствія“ въ Діонисовыхъ таинствахъ.

„Тотъ, кого Наполеонъ хочетъ увлечь, какъ бы *выходитъ изъ себя*“. Это „выхожденіе изъ себя“ — экстазъ, *ekstasis* — признакъ того же богоприсутствія. Надо человѣку выйти изъ себя, чтобы войти въ бога; надо выйти изъ своего человѣческаго, мнимаго,дробнаго, смертнаго „я“, чтобы войти въ божественное, подлинное, цѣльное, бессмертное. Это и значитъ: сберегающій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій — найдетъ.

Діонисъ — учитель экстаза; и Наполеонъ тоже. Діонисъ, сынъ Семелы, смертной женщины — человѣкъ, становящійся богомъ; и Наполеонъ тоже. Діонисъ — завоеватель-миротворецъ; и Наполеонъ хочетъ соединить Западъ съ Востокомъ, чтобы основать міровое владычество — царство вѣчнаго мира. Діонисъ — страдающій

богъ-человѣкъ; и Наполеонъ на Св. Еленѣ — прикованный къ скалѣ Прометей — тотъ же Діонисъ.

„Міръ смотритъ на насъ. Мы остаемся и здѣсь мучениками великаго дѣла... Мы боремся съ насильемъ боговъ, и народы благословляютъ насъ“, говоритъ онъ, какъ могъ бы говорить Прометей. ¹

Можетъ быть, именно здѣсь, на Св. Еленѣ, у него наибольшее мужество — уже не внезапное, а непрерывное „мужество двухъ часовъ пополудни“.

„Въ жизни моей, конечно, найдутся ошибки, но Арколь, Риволи, Пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ, — это гранитъ: зубъ зависти съ этимъ ничего не подѣляетъ“. ² Нѣтъ, и это не гранитъ, а туманъ, призракъ, но за этимъ — вѣчный гранитъ — Св. Елена, Святая Скала, Pietra Santa — вѣчное мужество.

„Что это говорятъ, будто бы онъ постарѣлъ? Да у него, чортъ побери, еще шестьдесятъ кампаній въ брюхѣ!“ воскликнулъ старый англійскій солдатъ, увидѣвъ императора на Св. Еленѣ. ³ „Мнѣ еще нѣтъ пятидесяти“, — говоритъ онъ самъ въ 1817 году, — „здоровье мое сносно: мнѣ остается еще, по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ жизни“. ⁴ — „Говорили, будто я посѣдѣлъ послѣ Москвы и Лейпцига, но, какъ видите, у меня и сейчасъ нѣтъ сѣдыхъ волосъ, и я надѣюсь, что вынесу еще не такія несчастья“. ⁵ — „Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я не жалѣю моего величья; я мало чувствителенъ къ тому, что потерялъ“. ⁶ — „Кажется, сама природа создала меня для великихъ несчастій; душа моя была подъ ними, какъ мраморъ: молнія не разбила ее, а только скользнула по ней“. ⁷ — „Моей судьбѣ недоставало несчастья. Если бы я умеръ на тронѣ, въ облакахъ всемогущества, я остался бы загадкой для многихъ, а теперь, благодаря несчастью, меня могутъ судить въ моей наготѣ“. ⁸

Нагота его — Св. Елена, Святая Скала — непоколебимое мужество. „Я основанъ на скалѣ. Je suis établi sur un roc“, говоритъ онъ на высотѣ величія и могъ бы

сказать въ глубинѣ паденія.¹ Кто изъ людей возвысился и падалъ, какъ онъ? Но чѣмъ ниже паденіе, тѣмъ выше мужество. Всѣ его славы могутъ померкнуть, — только не эта: *учитель мужества.*²

Въ этомъ онъ себѣ равенъ всегда: въ щедрости, съ какой отдаетъ свою жизнь подъ Арколемъ, и въ скупости, съ какой дрожить надъ двадцати сантиматами въ отчетѣ министерства финансовъ, или вспоминаетъ о щепоткѣ табака въ табакеркѣ, завѣщанной сыну, — одно и то же изступленное, *экстатическое мужество*. Наполеонъ — учитель экстаза и мужества, потому что эти двѣ силы неразлучны: надо человѣку выйти изъ своего смертнаго „я“ и войти въ безсмертное, чтобы достигнуть того послѣдняго мужества, которое побѣждаетъ страхъ смерти. „Лучше всего наслаждаешься собой въ опасности“, говоритъ Наполеонъ:³ наслаждаешься, упиваешься пьянѣйшимъ виномъ Діониса — своимъ божественнымъ, предъ лицомъ смерти безсмертнымъ, „я“.

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.⁴

Вотъ почему тайное имя Діониса — *Лизей, Освободитель*: онъ освобождаетъ человѣческія души отъ рабства тягчайшаго — страха смерти. Въ этомъ, впрочемъ, какъ и во всемъ. Діонисъ — только тѣнь Грядущаго: „вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти вовекъ“.

Люди благодарны тому, кто учитъ ихъ жить; но, можетъ быть, еще благодарнѣе тому, кто учитъ ихъ умирать. Вотъ почему солдаты Наполеона, такъ благодарны ему, и „съ послѣдней каплей крови, вытекающей изъ жилъ ихъ, кричатъ: „виватъ императоръ!“ Онъ, воистину, — Вождь человѣческихъ душъ къ побѣдѣ надъ послѣднимъ врагомъ — Смертью.

„Надо хотѣть жить и умѣть умирать“, говоритъ Наполеонъ.¹ И еще: „надо, чтобы солдатъ умѣлъ умирать“. ² Каждому человѣку надо быть солдатомъ на полѣ сраженія, чтобы побѣдить послѣдняго врага — смерть. Это невозможно? „Невозможное — только пугало робкихъ, убѣжище трусовъ“, отвѣчаетъ Наполеонъ. Каждому человѣку, чтобы умереть и воскреснуть, надо быть Наполеономъ.

Всѣ мы, извращенные мнимымъ „христіанствомъ“, думаемъ, болѣе или менѣе, какъ бѣдный Нитцше, что быть добрымъ, значитъ быть слабымъ, а быть сильнымъ, значитъ быть злымъ. Наполеонъ знаетъ, что это не такъ: „добродѣтель заключается въ силѣ, въ мужествѣ; сильный человѣкъ добръ, только слабые злы“. ³ Это говоритъ онъ въ началѣ жизни, и въ концѣ — то же. „Будьте всегда добрыми и храбрыми“, завѣщаетъ своей Старой Гвардіи, прощаясь съ нею въ Фонтенебло, послѣ отреченія, и могъ бы завѣщать всѣмъ людямъ. ⁴

„Я показалъ, что можетъ Франція; пусть же она это исполнить“. ⁵ Онъ показалъ, что можетъ человѣчество, пусть же оно это исполнить.

Убыль экстаза — вина Діонисова — происходитъ сейчасъ въ нашихъ сердцахъ, какъ убыль воды въ колодцахъ, во время засухи. Американскій „сухой режимъ“ господствуетъ во всемъ „христіанскомъ“ человѣчествѣ. „Я есмь истинная лоза, а Отецъ Мой — виноградарь“, это мы забыли и ни отъ какой лозы уже не пьемъ. „Суши“, впрочемъ на вино, но не на кровь: кровью только что залили міръ, и „сохнемъ“ теперь, можетъ быть, для того, чтобы снова „вымокнуть“.

Наполеонъ тоже лилъ кровь, но не былъ „сухъ“, какъ мы: онъ — послѣдній, вкусившій отъ лозы Діонисовой; послѣдній опьяненный — опьяняющій.

Діонисъ — только тѣнь, а тѣло — Сынъ Человѣческой. Не лучше ли тѣло, чѣмъ тѣнь? Да, лучше, но когда уходитъ тѣло, — остается только тѣнь. Міръ безъ

Сына жить не можетъ, и если не тѣломъ Его, то тѣнью живетъ. Тѣнь Сына — Наполеонъ-Діонисъ.

Первая, за память человѣчества, тѣнь того же тѣла — Сына — есть древне-вавилонскій герой, Гильгамешъ: сенаарскіе кочевники пѣли пѣсни о немъ, можетъ быть, еще за тысячу лѣтъ до Авраама. Странствуя по всей землѣ, въ поискахъ за Злакомъ Жизни, дающимъ безсмертіе людямъ, Гильгамешъ, богатырь солнечный, совершаетъ путь солнца съ Востока на Западъ, погружается, какъ солнце въ океанъ, — кажется, тотъ самый, гдѣ затонула Атлантида, и находитъ въ немъ Злакъ Жизни.¹

Терну и розѣ подобенъ тотъ Злакъ.²

Терну страданія — Розѣ любви. Такова мудрость Діониса: черезъ терзающей Тернъ смерти — къ опьяняющей Розѣ безсмертія.

Путь солнца изъ дневной гемисферы въ ночную совершаетъ и Наполеонъ, послѣдній богатырь солнечный, послѣдній человѣкъ Атлантиды; погружается и онъ, какъ солнце, въ океанъ и находитъ въ немъ тотъ же Злакъ Жизни — терзающей Тернъ, опьяняющую Розу Діониса.

Первый Діонисъ — Гильгамешъ, послѣдній — Наполеонъ. Можно сказать и о послѣднемъ то же, что о первомъ:³

Увидѣлъ онъ все, до предѣловъ все-
ленной,

Все испыталъ и позналъ,

Взоромъ проникъ въ глубочайшія
тайны,

Съ сокровеннѣйшей мудрости под-
нялъ покровъ...

Вѣсть намъ принесъ о вѣкахъ допо-
топныхъ;

Путь далекій прошель онъ, скорбя
и труждаясь,
И повѣсть о томъ начерталь на
скрижаляхъ...
На двѣ трети онъ — богъ, на од-
ну — человѣкъ.

Commediante.

Облака проносились такъ низко надъ подоблачными скалами Св. Елены, что цѣплялись за нихъ краями, какъ бѣлая одежды призраковъ. „Главное занятіе Наполеона состояло въ томъ, чтобы слѣдить за полетомъ облаковъ надъ остріями исполинскихъ горъ, наблюдать, какъ измѣняются ихъ облики, превращаются въ развѣвающіяся надъ вершинами занавѣси, сгущаются въ темныхъ ущельяхъ или разстилаются вдали, надъ океаномъ: онъ точно хотѣлъ прочесть будущее въ этихъ мимолетныхъ и воздушныхъ обликахъ“.¹

Нѣтъ, не будущее, а прошлое: онъ уже знаетъ, что будущее для него кончено; Св. Елена — гробъ заживо. И эти мимолетающія облака — образы, облики, призраки — для него только видѣнія прошлаго, сонъ всей его жизни.

„Какой, однако, романъ моя жизнь!“ говоритъ онъ союзникамъ на Св. Еленѣ. „Какой романъ“ — какой сонъ, призракъ, мимолетающее облако.

„Мнѣ иногда кажется, что я умерла, и у меня осталось только смутное чувство, что меня уже нѣтъ“, повторяла императрица Жозефина, передъ смертью.²

То же могъ бы сказать и Наполеонъ на Св. Еленѣ. „Только бы продлилось! *Pourvu que ça dure!*“

шептала, какъ вѣщяя парка, на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ, мать Наполеона, скромная, тихая старушка, „мать царей — мать скорбей“, какъ она сама себя называла.¹ Нѣтъ, не продлилось — пронеслось, какъ облако. „Летиція всегда твердо знала, что все огромное зданіе (имперіи) рушится“.² — „Того и во снѣ не приснится, какъ она жила. Оп ne rêve pas comme elle a vécu“, сказалъ кто-то о ней; то же можно бы сказать и о сынѣ ея.

„Послѣ столькихъ лѣтъ смятеній, жертвъ и крови, Франція ничего не получила, кромѣ славы“, говорилъ Наполеоновскимъ маршаламъ русскій императоръ Александръ I, въ 1814 году, въ занятомъ союзными войсками Парижѣ.³ „Ничего, кромѣ славы“ — пустоты, призрака, мимолетающаго облака.

Такъ ли это? Все ли дѣло исчезло, какъ сонъ? Нѣтъ, кое-что осталось: остался правовой костякъ, заложенный въ тѣло Европы Наполеоновымъ Кодексомъ, первымъ, послѣ Рима, всемірнымъ законодательствомъ правовое утвержденіе личности. И, если современная Европа выдержитъ напоръ коммунистической безличности, то, можетъ быть, только потому, что въ ней все еще крѣпокъ этотъ Наполеоновъ позвоночный столбъ.

Внукъ уже не знаетъ, не помнитъ дѣда, но все еще напоминаетъ его, похожъ на него лицомъ: такъ Наполеонъ уже „неизвѣстенъ“ современной Европѣ, но все еще у него Наполеоновскій профиль. Мало это или много? Много, по сравненію съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ и могъ бы сдѣлать, — такъ мало, что это ему казалось иногда „почти ничѣмъ“. Онъ самъ предвидѣлъ это свое умаленіе въ исторіи: „я буду почти ничѣмъ. Je ne serai presque rien“.

Да, хотя и „существо реальнѣйшее“, онъ смутно зналъ всегда, что весь реализмъ бытія призраченъ, и что онъ творитъ жизнь свою, какъ спящій — сновидѣнія, или художникъ — образы, музыкантъ — симфонію.

Власть надъ міромъ для того и нужна ему, чтобы творить изъ міра сонъ. „Я люблю власть, какъ художникъ, какъ скрипачъ любитъ скрипку. Я люблю ее, чтобы извлекать изъ нея звуки, созвучья, гармоніи“.

„Міръ, какъ представленіе. Die Welt, als Vorstellung, онъ, можетъ быть, понялъ бы, что это значитъ, когда поднималась облачная завѣсъ надъ скалами Св. Елены. „Представленіе“ — трагедія, Діонисова игра на сценѣ міра. Онъ ея поэтъ, лицедѣй и герой вмѣстѣ: сочиняетъ, играетъ ее, и гибнетъ въ ней.

Если онъ — „чудовище“, то иной породы и иныхъ размѣровъ, чѣмъ Неронъ; но, кажется, могъ бы воскликнуть и онъ передъ смертью, какъ тотъ: „Qualis artifex regeo. Какой художникъ во мнѣ погибаетъ!“

Сонъ міра творить, какъ богъ Деміургъ; сонъ исчезаетъ — умираетъ богъ.

Простите, пышныя мечтанья.

Осуществить я васъ не могъ...

О, умираю я, какъ богъ

Средь начатого мірозданья!¹

„Commediante!“ воскликнулъ будто бы, папа Пій VII, Фонтенблоскій узникъ, жертва „новаго Нерона-антихриста“, въ спорѣ съ императоромъ изъ-за второго Конкордата 1813 года. Кажется, это легенда. Но, слово, если даже не подлинно, очень глубоко: да, „комедіантъ“ человѣчески-божественной комедіи.

Когда онъ обдумывалъ чинъ коронаціи, художникъ Изабей (Isabey) и архитекторъ Фонтанъ принесли ему маленькій театрикъ, изображавшій внутренность собора Парижской Богоматери, гдѣ должна была происходить церемонія, со множествомъ ряженныхъ и нумерованныхъ куколокъ. Наполеонъ восхитился этой игрушкой. Тотчасъ позвалъ Жозефину, собралъ министровъ, маршаловъ, сановниковъ и началъ репетицію священнаго вѣнчанія — кукольной комедіи.

При отступленіи отъ Москвы, узнавъ о заговорѣ полоумнаго генерала Малэ для низверженія династіи, воскликнулъ: „такъ вотъ какъ прочна моя власть! Одного человѣка, бѣлаго арестанта, довольно, чтобы ее поколебать. Значитъ, корона чуть держится на головѣ моей, если дерзкое покушеніе трехъ авантюристовъ въ самой столицѣ могутъ ее потрясти“. ¹ Да, на головѣ его корона — какъ сусальная корона кукольчаго императора, и власть его прочна, какъ сонъ.

А за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, глядя съ Поклонной горы на распростертую у ногъ его Москву, онъ утѣшается, послѣ страшныхъ бѣдъ, передъ страшными бѣдами, этимъ волшебнымъ зрѣлищемъ — театральной декорацией. „Рукоплесканія всѣхъ народовъ, казалось, привѣтствовали насъ“. ² Древнія Фивы — Москва, вотъ какія дали пространства и времени захватываетъ этотъ исполинскій сонъ. Но вдругъ все улетаетъ, разсѣивается, какъ марево, какъ мимолетящее облако, отъ одного тихаго вѣянія — вѣсти: „Москва пуста!“ ³ Пуста, какъ сонъ пустой. И декорация мѣняется: „Москва исчезаетъ, какъ призракъ, въ клубахъ дыма и пламени“. ⁴ „Это было самое величественное и ужасное зрѣлище, какое я видѣлъ въ моей жизни“, вспоминаетъ онъ на Св. Еленѣ. ⁵ Тамъ же, на развалинахъ обгорѣлой Москвы, онъ устраиваетъ Французскій театръ — зрѣлище въ зрѣлицѣ, сонъ во снѣ. ⁶ Это уже вторая степень „міра, какъ представленія“: не число, а логариомъ числа.

„Генералъ Бонапартъ видѣлъ *воображаемую* Испанію, *воображаемую* Польшу (Россію) и теперь видитъ *воображаемую* Св. Елену“, говоритъ Гудсонъ Лоу. ⁷ Это значитъ: воля его къ жизни, отъ начала до конца, есть воля къ сновидѣнію.

Вся наша жизнь лишь сномъ окружена,

И сами мы вещественны, какъ сны, —
эти слова Просперо-Шекспира онъ понялъ бы: строить

сны свои изъ вещества міра, а міръ свой — изъ вещества сновъ.

„Существо реальнѣйшее“ — существо идеальнѣйшее — два лица его и какъ рѣшить, какое ихъ нихъ настоящее?

Это — въ великомъ, это — и въ маломъ.

„Онъ любилъ все, что вызываетъ мечтательность: Оссіана, полусвѣтъ, меланхолическую музыку. Жадно слушалъ шумъ вѣтра, говорилъ съ восторгомъ о ревѣ волнъ морскихъ; склоненъ былъ вѣрить въ привидѣнія и, вообще, былъ суевѣренъ. Иногда, вечеромъ, выходя изъ своего кабинета въ салонъ г-жи Бонапартъ, приказывалъ занавѣшивать свѣчи бѣлымъ газомъ, и всѣ мы должны были хранить молчаніе, пока онъ рассказывалъ намъ исторіи о привидѣніяхъ... Или, слушая тихую и медленную музыку, впадалъ въ задумчивость, которой никто изъ насъ не смѣлъ нарушить ни однимъ движеніемъ“. ¹ Эти занавѣшенные дымкою свѣчи льютъ призрачный свѣтъ сновидѣній, какъ бы уже предрекаютъ тотъ солнечный свѣтъ сквозь облака — призраки надъ Св. Еленою.

Однажды импровизуетъ и разыгрываетъ въ лицахъ фантастическую повѣсть о двухъ несчастныхъ любовникахъ, Терезѣ и Джуліо, гдѣ, между прочимъ, дѣйствуетъ таинственное существо, Андрогинъ-Сибилла, похожее на самого Наполеона или Діониса Оборотня. ²

„Джуліо вонзилъ кинжалъ въ сердце Терезы“, заключилъ онъ рассказъ, и, подойдя къ императрицѣ, сдѣлалъ видъ, что вынимаетъ кинжалъ изъ ноженъ: иллюзія была такъ сильна, что фрейлины, вскрикнувъ отъ испуга, кинулись между нимъ и Жозефиной. А Бонапартъ, какъ превосходный актеръ, не смущаясь и не замѣчая произведеннаго имъ впечатлѣнія, продолжаетъ рассказъ“. — „Предаваясь полету воображенія, онъ такъ увлекался, что все окружающее для него исчезало“. Увѣ-

ряли, будто бы онъ учился у великаго актера, Тальма; но онъ, „пожалуй, самъ могъ бы его научить“. ¹

Когда диктуеть воззванія къ арміи, похожъ на итальянскаго импровизатора или Пиѳію на треножникѣ“. ² Значить, и здѣсь, на поляхъ сраженій, лицедѣйствуетъ, сочиняетъ, какъ въ салонѣ г-жи Бонапартъ — „исторію о привидѣніяхъ“, — всемірную исторію; и пороховой дымъ клубится, какъ дымъ Пиѳійской расщелины, или облака-призраки Св. Елены.

Магъ, вызывающій видѣнія или, по-нашему, съемщикъ исполинскихъ фильмъ. Великій мастеръ художественныхъ противоположностей.

Главнокомандующій Египетской арміи, генераль Бонапартъ, давая охранныю грамоту инокамъ Синайской обители, „изъ уваженія къ Моисею и народу Израильскому, чья космогонія напоминаетъ намъ вѣка незапамятной древности“, вписываетъ имя свое въ книгу почетныхъ гостей, рядомъ съ именемъ Авраама. ³ Что это, „комедіанство“, „шарлатанство“, свѣтовая реклама на облакахъ, или апокалипсическое знаменье? Можетъ быть, все это вмѣстѣ; можетъ быть, онъ искренне чувствуетъ выходъ свой изъ времени въ вѣчность, изъ всемірной исторіи въ космогонію — эсхатологію.

А вотъ и другія маски все той-же „комедіи“. Мечтаетъ, „на старости лѣтъ, объѣзжать вмѣстѣ съ императрицей, потихоньку, на своихъ лошадяхъ, какъ супружеская чета поселянъ, всѣ закоулки имперіи, принимая жалобы, исправляя обиды и сѣя всюду память о своихъ благодѣяніяхъ“. ⁴ Тутъ, конечно, левъ въ овечьей шкурѣ: знаетъ самъ, что этого не будетъ, но, можетъ быть, снилась ему и эта мѣщанская идиллія; мѣщанство въ немъ глубже, чѣмъ кажется.

Въ память знаменитыхъ словъ своихъ на полѣ сраженія Эйлау: „страшное зрѣлище! Вотъ, что должно бы внушить государямъ любовь къ миру и омерзене кь войнѣ,“ — заказываетъ живописцу Гро (Gros) картину

этого поля съ нимъ, Наполеономъ, стоящимъ среди убитыхъ и раненыхъ и подымающимъ къ небу глаза, полные слезъ.¹ Лучше бы не заказывалъ, не игралъ „комедіи“, хоть въ этомъ; но и это еще не значитъ, что не чувствовалъ искренняго омерзѣнія къ войнѣ.

Передъ конвоемъ австрійскихъ раненыхъ, останавливая свиту и снимая почтительно шляпу, восклицаетъ: „честь и слава несчастнымъ героямъ“.² Этому театральному жесту могъ бы позавидовать Тальма, но и это не значитъ, что въ самомъ жестѣ не было ничего искренняго.

Бѣднаго русскаго мальчика, графа Апраксина, попавшаго въ плѣнъ подъ Аустерлицемъ и просто, подѣтски, плачущаго, утѣшаетъ пустыми словами: „успокойтесь, молодой человекъ, и знайте, что нѣтъ стыда быть побѣжденнымъ французами!“³ Лучше бы не утѣшалъ! но если бы Л. Толстой не въ мѣру возмутился этой „комедіей“, то, можетъ быть, только потому, что самъ иногда участвовалъ въ комедіи, болѣе тонкой — такъ называемой „правдивости“.

Зная, что Жозефина бесплодна и изъ жалости не желая съ ней разводиться, предлагаетъ ей разыграть мнимую беременность, чтобы объявить наслѣдникомъ сына своего отъ другой женщины. Жозефина соглашается, и дѣло стало только за тѣмъ, что лейбъ-медикъ Корвизаръ отказывается на-отрѣзъ участвовать въ обманѣ. Тутъ все удивительно: искренняя жалость къ старѣющей женѣ, дѣтская беспомощность обмана, странная въ такомъ реалистѣ, мечта основать династію на призракѣ — наслѣдникѣ-подкидышѣ и предѣлъ „комедіанства“, „шарлатанства“, котораго ничѣмъ нельзя оправдать, ни даже объяснить, — развѣ только этимъ: если міръ — сновидѣніе, „представленіе“, и все въ мірѣ обманчиво-призрачно, то что значитъ лишній обманъ, къ тому-же, съ доброю цѣлью?

Жозефина жалуется, что „за долгіе годы, проведенные ею съ Бонапартомъ, не было у него ни одной минуты искренней“. ¹ Такъ ли это? Можетъ быть, онъ по-своему искрененъ, но искренность у него иная — иная правда, чѣмъ у нея. „Какой онъ смѣшной, Бонапартъ! Il est drôle Bonaparte!“ восклицала она при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Надо было быть такой мартиникской канарейкой, какъ Жозефина, чтобы не почувствовать, что онъ не „смѣшной“, а страшный. Г-жа Ремюза это чувствуетъ и, какъ ребенокъ, плачетъ отъ страха. ²

„Комедіантъ“, „лицедѣй“, но не лицемеръ; вѣчно играетъ роль, но не чужую, а свою же собственную: Наполеонъ играющій роль Наполеона. Въ этомъ смыслѣ, онъ — сама правда, но правда эта такъ ни на что не похожа, что никто ей не вѣритъ. „Тайныя склонности мои, въ концѣ концовъ, естественныя, даютъ мнѣ безконечныя возможности обманывать всѣхъ“. Въ этихъ-то именно „естественныхъ склонностяхъ“, онъ — иногo творенія тварь, человѣкъ иногo космическаго цикла — эона — не 1800 года по Р. Х., а 18.000 — до Р. Х., или такого же далекаго будущаго; человѣкъ изъ „Атлантиды“ или изъ „Апокалипсиса“. Чтобы всѣ обманывались въ немъ, ему надо только быть совершенно-правдивымъ, самимъ собою. Въ сущности, онъ никого не обманываетъ, — только скрываетъ себя отъ всѣхъ, чтобы не слишкомъ испугать людей своимъ „чудеснымъ-чудовищнымъ“; для того и носитъ маску, покрываетъ лицо свое, сходя къ народу, изъ Синайскаго облака.

Никого не обманываетъ — самъ обмануть естѣми. Кажется, ни одинъ изъ государей не былъ такъ обманутъ и преданъ, какъ онъ, — министрами, маршалами, женами, любовницами, братьями, сестрами, врагами, друзьями. Какъ это ни странно сказать, онъ простодушенъ, безхитростенъ; даже слишкомъ правдивъ, обнаженъ до цинизма, напримѣръ, въ убійствѣ герцога Энгіенскаго

или въ „грязной исторіи“ съ Испанскимъ королемъ. Простодушно, безхитростно отдается сначала „лукавому византійцу“, Александру I, потомъ, тестю своему, австрійскому императору, и, наконецъ, англичанамъ. Только на Св. Еленѣ опомнился: „дорого я заплатилъ за мое романтическое и рыцарское мнѣніе о васъ“ — англичанамъ. ¹

„Эти люди не хотятъ со мной разговаривать“, — жалуется Коленкуру во время Шатильонскаго конгресса 1814 года. — „Роли наши перемѣнились... Они забыли, какъ я поступилъ съ ними въ Тильзитѣ... Великодушіе мое оказалось просто глупостью... Школьникъ былъ бы хитрѣ моего“. ² Можетъ быть, оттого и погибъ, что былъ слишкомъ правдивъ.

Гибкостью спиннаго хребта, искусствомъ „измѣнять маневръ, changer de manœuvre“, ³ которымъ обладаютъ въ такомъ совершенствѣ Талеيرانъ и Фуше, эти двѣ безпозвоночныя гадины, — онъ не обладаетъ вовсе. „Мужества нельзя поддѣлать: это добродѣтель безъ лицемерья“. ⁴ А вѣдь это и есть его добродѣтель, по преимуществу, — „Pietra-Santa“ „Святой Камень“, — хребетъ негибаемый.

„Мы можемъ понять другъ друга“, пишетъ императоръ Павелъ I Бонапарту Консулу. ⁵ Могутъ другъ друга понять, потому что оба — „романтики“, „рыцари“, и, какъ это тоже ни странно сказать, „Донъ-Кихоты“.

„Наполеону, въ высшей степени, свойственно было чувство военной чести, военнаго братства... Этотъ хитрый политикъ былъ всегда рыцарь безъ упрека“, говоритъ Вандаль, одинъ изъ немногихъ справедливыхъ судей Наполеона. ⁶

Какъ это непохоже на Тэновскаго „кондотьера“ — Il principe Макіавелли — „помѣсь льва и лисицы!“ Нѣтъ помѣсь льва и дракона: львиная сила на крылахъ мечты.

Все для него призрачно, но это не значитъ, что все — „покровъ Майи“ надъ абсолютнымъ ничтожествомъ. На-

полеонъ, такъ же какъ Гете, — величайшая противоположность буддѣйской мудрости — воли къ небытію и къ безличности. Оба — вѣчное „да“ противъ вѣчнаго „нѣтъ“.

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.
Все преходящее
Есть только символъ,

высказываетъ Гете, что Наполеонъ чувствуетъ: временное — символъ вѣчнаго. Спящему снится то, что было съ нимъ на яву, а живущему во времени — то, что было и будетъ съ нимъ въ вѣчности. „Міръ, какъ представленіе“, исчезаетъ; остается „міръ, какъ воля“. Волю эту отрицаютъ Шопенгауеръ и Будда; Наполеонъ и Гете утверждаютъ.

Облака, сновидѣнія, призраки, а подъ ними — Св. Елена, Святая Скала, Pietra-Santa — вѣчный гранитъ. Явное, дневное имя его — мужество; тайное ночное — Рокъ.

Рокъ.

„Всю мою жизнь я жертвовалъ всѣмъ — спокойствіемъ, выгодой, счастьемъ — *моей судьбѣ*“. ¹ Вотъ лицо Наполеона безъ маски — безконечная правда его, безконечная искренность. Когда онъ говоритъ: „судьба“, онъ даетъ намъ ключъ къ запертой двери — къ тайной; но слишкомъ тяжелъ для насъ этотъ ключъ! дверь остается запертой, Наполеонъ — „неизвѣстнымъ“.

Чте такое судьба? Случай, управляющій міромъ, *le hasard qui gouverne le monde*, какъ ему самому иногда кажется; ² случай — слѣпой діаволъ, и Наполеонъ, владыка міра — только рабъ этого діавола. Или что-то высшее, зрячее, согласное съ волей героя. Можетъ быть, онъ самъ никогда объ этомъ не думалъ; но, кажется, думалъ всегда *около этого*; кажется, всѣ его мысли уходили въ эту глубину, гдѣ загадана людямъ загадка Судьбы. Прямо въ лицо Сфинкса никогда не заглядывалъ, но чувствовалъ всегда, что Сфинксъ смотритъ ему прямо въ лицо, и зналъ, что если не разгадаетъ загадки чудовище пожретъ его. Лицо Эдипа передъ Сфинксомъ задумчиво, и лицо Наполеона тоже. Кажется, главное въ этомъ лицѣ, что отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ лицъ, — эта безконечная задумчивость. Чѣмъ больше вглядываешься въ него, тѣмъ больше

кажется, что онъ задумался не только о себѣ, но и о всѣхъ насъ, обо всемъ „христіанскомъ“ чловѣчествѣ, которое въ своемъ великомъ отступленіи не захотѣло Кроткаго Ига и подпало желѣзному игу Судьбы.

Въ ночь передъ Іенскимъ сраженіемъ, императоръ вышелъ одинъ на аванпостную линію, чтобы осмотрѣть дорогу, прорубаемую въ Ландграфенбергскихъ скалахъ, для подвоза артиллеріи. Ночь была темная; въ десяти шагахъ не видно. Когда онъ подходилъ къ цѣпи часовыхъ, одинъ изъ нихъ, услышавъ шаги окликнулъ: „кто идетъ?“ и взялъ на прицѣль. Наполеонъ такъ глубоко задумался о чемъ-то, что не слышалъ оклика и продолжалъ идти. Часовой выстрѣлилъ. Пуля просвистѣла мимо ушей императора. Онъ упалъ ничкомъ на-земь, и хорошо сдѣлалъ; множество пуль пронеслось надъ его головой: вся цѣпь часовыхъ дала по немъ залпъ. Благополучно выдержавъ этотъ первый огонь, онъ всталъ, подошелъ къ ближайшему посту и назвалъ себя.¹

Падаетъ лицомъ на землю, какъ будто поклоняется, владыка міра, какому-то Владыкѣ большему. Кому же именно — темному дьяволу, случаю, или лучезарной „звѣздѣ“ своей, ночному солнцу — Року? Можетъ быть, за минуту передъ тѣмъ, такъ глубоко задумался вовсе не объ этомъ, а все-же около этого, къ этому близко, на одинъ волосокъ, какъ былъ тогда на волосокъ отъ смерти.

За нѣсколько дней до отреченья и попытки самоубійства въ Фонтенбло, онъ былъ погруженъ въ такую задумчивость, что „когда входили въ комнату имъ же самимъ вызванныя лица, — не замѣчалъ ихъ присутствія; смотрѣлъ на нихъ и какъ будто не видѣлъ, болѣе получаса проходило иногда, прежде чѣмъ онъ съ ними заговаривалъ; очнувшись съ трудомъ отъ своего оцѣпененія, спрашивалъ ихъ о чемъ нибудь и какъ будто не слышалъ отвѣта“. Ничто не могло нарушить эту, „какъ

бы летаргическую задумчивость, préoccupation pour ainsi dire léthargique". ↑

Въ 1810 году, тотчасъ послѣ бракосочетанія съ Маріей-Луизой, на большомъ вечернемъ приѣмѣ въ Компьенскомъ дворцѣ, гдѣ присутствуютъ первые сановники имперіи, министры, маршалы, иностранные послы, владѣтельные князья, короли, эрцгерцоги, — Наполеонъ выходитъ изъ игорной залы въ гостиную. Вся огромная свита кидается за нимъ по пятамъ. „Дойдя до середины комнаты“, — вспоминаетъ, очевидецъ, генераль Тьебо — „императоръ остановился, скрестилъ руки на груди, уставился глазами въ полъ, шаговъ на шесть передъ собой, и такъ застылъ, не двигаясь. Всѣ тоже остановились, окруживъ его большимъ кругомъ и замерли въ глубокомъ молчаніи, не смѣя даже взглянуть другъ на друга; но потомъ, мало по малу, начали переглядываться, въ недоумѣнны, ожидая, чѣмъ это кончится“. Такъ прошло пять, шесть, семь, восемь минутъ. Недоумѣнье росло; никто не понималъ, что это значить. Наконецъ, маршалъ Массена, стоявшій въ первомъ ряду, подошелъ къ нему потихоньку, какъ бы крадучись, и что-то сказалъ ему такъ тихо, что никто не слышалъ. „Но, только-что онъ это сдѣлалъ, императоръ все еще не поднимая глазъ и не двигаясь, отчеканилъ громовымъ голосомъ: „А вамъ какое дѣло? De quoi vous melez-vous?“ И оробѣлый маршалъ, патріархъ военной славы, побѣдитель Суворова, „возлюбленный сынъ Побѣды“, вернулся на свое мѣсто, почтительно пятясь. А Наполеонъ продолжалъ стоять, не двигаясь. „Наконецъ, *какъ бы пробуждаясь отъ сна*“, поднялъ голову, рознялъ скрещенныя руки, обвелъ всѣхъ испытующимъ взоромъ, повернулся молча, и пошелъ назадъ въ игорную залу. Здѣсь, проходя мимо императрицы, сказалъ ей сухо: „пойдемте!“ и вошелъ съ нею во внутренніе покои.

„Все это я вижу, какъ сейчасъ, — но до сихъ не могу понять *что это было*“, заключаетъ Тьебо. Сцена

эта кажется ему недостойнымъ „шутовствомъ, jonglerie“. „Никогда я не чувствовалъ себя такимъ оскорбленнымъ; деспотъ въ Наполеонѣ никогда не являлся мнѣ съ большимъ безстыдствомъ и наглостью“. ¹

Бѣдный Тьебо такъ оскорбленъ, что забылъ другое свое впечатлѣніе отъ Наполеона: „я ни съ чѣмъ не могу сравнить чувства, испытаннаго мною, въ присутствіи этого колоссальнаго существа“. Если бы вспомнилъ, то, можетъ быть, понялъ бы, что и въ Компьенской сценѣ, Наполеонъ не былъ ни „шуткомъ“, ни „деспотомъ“. Изъ-за чего же „оскорбленіе?“ Со стороны Наполеона, оно во всякомъ случаѣ, невольное; никого не хочетъ онъ оскорблять, уже потому, что никого въ такія минуты не видитъ: люди для него перестаютъ существовать, исчезаютъ, какъ тѣни. Но этимъ то, кажется, они и оскорбляются.

Недоумѣніе Тьебо — наше недоумѣніе: что же, въ самомъ дѣлѣ, значить эта „летаргическая задумчивость“, какъ бы летаргическій сонъ? Видитъ, слышитъ, бодрствуетъ, дѣйствуетъ, какъ никто — но все это извнѣ, а внутри — спитъ, вѣчный сновидецъ, лунатикъ своего ночнаго солнца—Рока; идетъ по самому краю пропасти,—только проснется, — упадетъ; но не проснется до послѣдняго шага въ пропасть.

Спитъ и сердце чуть бьется, какъ въ летаргическомъ снѣ. „Мнѣ кажется, что сердце у меня не бьется: я его никогда не чувствовалъ“. ² — „У меня точно вовсе нѣтъ сердца“. ³

Спитъ на-яву — бодрствуетъ во снѣ. Сонъ переплетается съ явью, сонъ входитъ въ явь, не только метафизически, внутренне, но и внѣшне, физически.

24 Декабря 1800 года ѣдучи въ каретѣ въ Оперу спитъ и видитъ во снѣ, будто бы тонетъ въ итальянской рѣчкѣ, Тальяменто; просыпается отъ взрыва адской машины, на волосокъ отъ смерти.

Спитъ и на поляхъ сраженій, „во время самого боя, — далеко за чертой огня“. Это даже входитъ у него въ привычку: „я привыкъ спать на полѣ сраженія“. ¹ Спитъ, убаюканный громами пушекъ, какъ дитя въ колыбели. Въ самыя роковыя минуты, все рѣшающія, вдругъ засыпаетъ, точно уходитъ куда-то, за чѣмъ-то.

Передъ самымъ Аустерлицемъ, такъ глубоко за-
снулъ, что „его съ трудомъ разбудили“. ² Въ самомъ пылу сраженія подъ Ваграмомъ, когда все рѣшается, велитъ разостлать на голой землѣ медвѣжьёю шкуру, ложится на нее и засыпаетъ глубоко; спитъ минутъ двадцать; проснувшись, продолжаетъ отдавать распоряженія, какъ будто не спалъ вовсе. ³ Во время страшной эвакуаціи Лейпцига, когда рушится весь фронтъ — спитъ спокойно въ креслѣ два часа; только взрывъ моста на Эльстерѣ, которымъ отступленіе отрѣзано и армія погублена, разбудилъ спящаго.

Это на войнѣ — это и въ мирѣ. Любитъ работать, вставая съ постели, между двумя снами. Кажется, геній Наполеона — *ясновиднѣе* — и есть этотъ узкій пере-
шеекъ бодрствованія между двумя пучинами сновъ.

„Что же подумать о Наполеоновомъ снѣ, длянцемся отъ Вандемьера до Ватерлоо“, спрашиваетъ Леонъ Блуа. „Онъ проснулся только предъ лицомъ Божьимъ“. — Величайшія несчастья и даже паденіе не могли его разбудить до конца. На Св. Еленѣ онъ продолжаетъ свой сонъ“. ⁴ И умираетъ во снѣ или просыпается въ смерть.

„Онъ спросилъ меня, какой родъ смерти я считаю самымъ легкимъ, и замѣтилъ, что, кажется, смерть отъ замерзанья лучшая изъ всѣхъ, потому что, замерзая, умираешь во снѣ, *si tuore dormendo*“, вспоминаетъ докторъ О’Меара свою бесѣду съ Наполеономъ на Св. Еленѣ. ⁵ Такъ во снѣ умеръ и онъ, замерзая отъ леденящаго дыханія Рока.

И море и буря качали нашъ челнъ;
 Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ;
 И двѣ безпредѣльно были во мнѣ, —
 И мной своевольно играли онѣ.
 Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
 И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
 Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушень;
 Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.

Сонъ на морѣ — на „водахъ многихъ“. — „Воды, которыя ты видѣлъ, суть люди и народы, и племена, и языки“, говоритъ Ангелъ Апокалипсиса. Многія воды Запада — Атлантика, гдѣ погибла „Атлантида“, зашло солнце перваго человѣчества и солнце послѣдняго „человѣка изъ Атлантиды“ — Наполеона.

Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ,
 Болѣзненно-яркій, волшебномнѣмой,
 Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
 Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
 Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ...

Свѣтомъ болѣе яркимъ, чѣмъ нашъ, свѣтится эфиръ;
 земля зеленѣетъ зеленью болѣе свѣжею — юностью
 перваго міра, допотопнаго.

Сады, лабиринты, чертоги, столпы...

Древнихъ Атлантовъ титаническое зодчество.

И чудился шорохъ несмѣтной толпы...

Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ...

Лица иного человѣчества.

Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ
 птицъ...

Иного творенья тварь.

По высямъ творенья я гордо шагаль,

И міръ подо мною недвижно сіялъ...
 Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
 Лишь слышался грохотъ пучины морской...

Существо Атлантиды — магія, и существо Наполеона тоже: онъ самъ вызываетъ видѣнія сна своего. Это сонъ всего человѣчества — начало и конецъ всемірной исторіи: Атлантида — Апокалипсисъ. Вотъ почему, какъ великій магъ, волшебникъ, создаетъ онъ свой сонъ:

И въ тихую область видѣній и сновъ
 Врывалася пѣна ревующихъ валовъ.¹

Войны, побѣды, величье, паденье, легкими ключьями пѣны, врываются въ сонъ.

Сонъ его — пророческій. „У него былъ родъ магнетическаго предвидѣнія своихъ будущихъ судебъ, une sorte de prévision magnétique de ses futures destinées.“² „У меня было внутреннее чувство того, что меня ожидаетъ“. ³ Люди слѣпы на будущее, — онъ зрячъ: знаетъ — *помнить* его, какъ прошлое. „Зрѣнье есть средне-пропорціональное между осязаніемъ и предчувствіемъ“, — опредѣляетъ онъ эти смутныя предчувствія, со свойственной уму его, математическою точностью. — Рука говоритъ глазу: какъ ты можешь видѣть за двѣ версты, когда я не могу нащупать за два шага? Глазъ говоритъ предчувствію: какъ ты можешь видѣть въ будущемъ, когда я не могу видѣть за двѣ версты?“. ⁴

Въ самую счастливую минуту жизни, въ 1800 году, послѣ Маренго, онъ говоритъ: „со мной ничего не случилось, чего бы я не предвидѣлъ, и я одинъ не удивлялся, тому, что я сдѣлалъ. Я угадываю все и въ будущемъ, и достигну моей цѣли“. ⁵ Если цѣль его — міровое владычество, то онъ ея не достигъ. Путь ясенъ — цѣль темна; знаетъ, что и какъ сдѣлаетъ, но не знаетъ, зачѣмъ. „Я чувствую, какъ что-то толкаетъ меня къ цѣли, которой я и самъ не знаю. Je me sens poussé vers

un but que je ne connais pas".¹ Какъ не повѣрить въ своего рода *предназначенье*, видя, что часто самыя благопріятныя послѣдствія происходятъ для него изъ событій, которыя сначала какъ будто мѣшаютъ ему и удаляютъ отъ цѣли. Не похожъ ли онъ на человѣка, котораго неодолимая сила ведетъ, какъ слѣпота за руку?"² Слѣпой — ясновидящій:

Свершитель роковой *безвѣстнаго* вѣлѣнья.

Передъ Ватерлоо, раннимъ утромъ, на берегу рѣки Замбръ, Наполеонъ, въ сопровожденіи одного только дежурнаго генераль-адъютанта, подошелъ къ бизуачному костру, на которомъ варился картофель въ котлѣ; „велѣлъ себѣ подать его и началъ задумчиво ѣсть. Кончилъ, произнесъ, не безъ видимой грусти, нѣсколько отрывистыхъ словъ: „это не дурно... съ этимъ можно прожить вездѣ и всегда... можетъ быть, уже близокъ часъ... *Өемистокль*“... „Генераль-адъютантъ, отъ котораго я это слышалъ“,—вспоминаетъ Ласъ Казъ, — „говорилъ мнѣ, что, если бы императоръ побѣдилъ подъ Ватерлоо, эти слова исчезли бы изъ памяти его, какъ столько другихъ, не оставивъ въ ней никакого слѣда; но, послѣ катастрофы и, особенно, послѣ того, какъ прочелъ слово *Өемистокль*, въ знаменитомъ письмѣ Наполеона къ англійскому принцу-регенту, онъ былъ пораженъ воспоминаніемъ о Замбровскомъ бивуакѣ, и выраженіе лица, поза, голосъ императора долго мучили его и все не могли изгладиться изъ памяти“.³

„Ваше королевское высочество, я прихожу къ вамъ, чтобы сѣсть, какъ *Өемистокль* у очага Британскаго народа. Я отдаюсь подъ защиту его законовъ, которой прошу у вашего королевскаго высочества, какъ самага могущественнаго, постояннаго и великодушнаго изъ моихъ враговъ“ писалъ Наполеонъ изъ Рошфора англійскому принцу-регенту.⁴

Значить, наканунѣ Ватерлоо, зналъ, что сдѣлаетъ въ Рошфорѣ.

Это, впрочемъ, не такъ удивительно, удивительнѣе то, что зналъ это за двадцать восемь лѣтъ. Около 1787 г. семнадцатилѣтній Бонапартъ начинаетъ писать въ своихъ ученическихъ тетрадяхъ повѣсть въ письмахъ объ австрійскомъ авантюристѣ, баронѣ Нейгофѣ, объявившемъ себя въ 1737 году корсиканскимъ королемъ подъ именемъ Θεодора I, арестованномъ англичанами, посаженномъ въ лондонскій Тауэръ и, черезъ много лѣтъ освобожденномъ лордомъ Вальполемъ. „Несправедливые люди. Я хотѣлъ осчастливить мой народъ, и это мнѣ удалось на одно мгновеніе; но судьба измѣнила мнѣ, я въ тюрьмѣ, и вы меня презираете“, пишетъ Θεодоръ Вальполю, и тотъ отвѣчаетъ ему: „вы страдаете, вы несчастны: этого довольно, чтобы имѣть право на состраданіе англичанъ“. — „Дорого я заплатилъ за мое романтическое и рыцарское мнѣніе о васъ, господа Англичане!“ какъ будто кончаетъ Наполеонъ на Св. Еленѣ неконченную повѣсть о корсиканскомъ самозванцѣ и англійскомъ узникѣ.¹

Въ тѣхъ же ученическихъ тетрадяхъ, дѣлая выписки изъ Современной Географіи, Géographie Moderne, аббата Лакруа, стариннаго учебника, объ англійскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ, онъ пишетъ своимъ тогдашнимъ, слитнымъ и тонкимъ, точно женскимъ, почеркомъ четыре слова:

Ste Hélène petite isle...

Св. Елена, маленькій островъ...

Дальше пустая страница: началъ писать и не кончилъ, какъ будто руку его остановилъ кто-то.²

„Вы фаталистъ?“ — „Ну, разумѣется. Такъ же, какъ турки. Я былъ всегда фаталистомъ. Если чего нибудь хочетъ судьба, надо ея слушаться“. — „Судьба неотвратима. Надо слушаться своей звѣзды“. ³ И умирающій онъ отказывается принимать лѣкарства. „Что на небѣ написано, — написано... Наши дни сочтены“, говоритъ, глядя на небо.⁴

Вѣщее знаменье неба на землѣ повторяется,
Вѣщее знаменье земли повторяется на небѣ,

эту древне-вавилонскую клинопись онъ понялъ бы.

Фатализмъ, религія звѣздныхъ судебъ, нынѣшій Востокъ получилъ отъ древняго — отъ Вавилона, а тотъ — отъ еще болѣе глубокой, неизслѣдимой для насъ, можетъ быть, доисторической, древности, которую миѣ Платона называетъ „Атлантидой“, а книга Бытія — первымъ допотопнымъ человѣчествомъ. Звѣздною связью связанъ Наполеонъ съ этою древностью. Можно бы сказать и о немъ, послѣднемъ героѣ человѣчества, то же что сказано о первомъ — Гильгамешѣ:

Вѣсть намъ принесть о вѣкахъ допотопныхъ.

„Человѣкъ рока, l'homme du destin“ назвалъ его, послѣ Маренго, австрійскій фельдмаршалъ Меласъ. Это одно изъ тѣхъ глубокихъ общихъ мѣстъ, которыя становятся общею мудростью.

На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ,

и это имя: „человѣкъ рока“.

Рокъ для него не отвлеченная идея: а живое существо, которое вліяетъ на чужую мысль, чувство, слово, дѣло его, на каждое біеніе сердца. Онъ живетъ въ рокѣ, какъ мы живемъ въ пространствѣ и времени.

Тотчасъ послѣ взрыва адской машины на Никезской улицѣ, Первый Консулъ входитъ въ Оперу и на рукоплесканія двухтысячной толпы, еще не знающей о покушеніи, раскланивается, съ такой спокойной улыбкой, что никто не догадывается по лицу его, что за нѣсколько минутъ онъ былъ на волосокъ отъ смерти.¹ Это не безстрашіе въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ, не побѣда надъ страхомъ, а невозможность испытывать страхъ. Онъ знаетъ, что судьба несетъ его на рукахъ, какъ

мать несетъ ребенка. „Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о себѣ сохранить тебя, и на рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею“. Это онъ знаетъ, или что-то похожее на это, но еще не знаетъ, что это можетъ сдѣлаться искушеніемъ дьявола: „если Ты Сынъ Божій, бросься отсюда внизъ“.

Ангелы судьбы или дьяволы случая несутъ его до времени: и вся его тогдашняя жизнь — непрерывное чудо полета. „Какъ я былъ счастливъ тогда“, — вспоминаетъ онъ первую Итальянскую кампанію“. Я уже предчувствовалъ чѣмъ могу сдѣлаться. Міръ подо мной убѣгалъ, какъ будто я летѣлъ по воздуху“. ¹

Чудо полета продолжается до русской кампаніи. „Вы боитесь, что меня убьютъ на войнѣ?“ — говоритъ онъ наканунѣ ея. — „Такъ же пугали меня Жоржемъ во время заговоровъ: ² этотъ негодяй, будто бы всюду ходитъ за мной по пятамъ и хочетъ меня застрѣлить. Но самое большее, что онъ могъ сдѣлать, это убить моего адъютанта. А меня убить было тогда невозможно. Развѣ я исполнилъ волю судьбы? Я чувствую, какъ что-то толкаетъ меня къ цѣли, которой я и самъ не знаю. Только что я достигну ея и буду бесполезенъ, атома будетъ довольно, чтобы меня уничтожить; но до того, всѣ человѣческія усилія ничего со мной не сдѣлаютъ, — все равно, въ Парижѣ или въ арміи. Когда же наступитъ мой часъ, — лихорадка, паденіе съ лошади, во время охоты, убьетъ меня не хуже, чѣмъ людей снарядъ: наши дни на небесахъ написаны“. ³

Въ это же время, передъ русской кампаніей, когда дядя его кардиналъ Фешъ, горячо спорилъ съ нимъ о церковныхъ дѣлахъ, убѣждая не возставать на Бога, довольно-де ему и людей, — Наполеонъ слушалъ его молча; потомъ вдругъ взялъ его за руку, подвелъ къ двери, открылъ ее и вывелъ на балконъ. Былъ зимній день, сквозь голыя деревья Фонтенблоскаго парка блѣдно голубѣло декабрьское небо. „Посмотрите на небо. Что

вы тамъ видите?“ сказалъ Наполеонъ. „Ничего не вижу, государь“, отвѣтилъ Фешъ.— „Хорошенько смотрите. Видите?“ — „Нѣтъ, не вижу.“ — „Ну, такъ молчите и слушайте меня. Я вижу мою Звѣзду: она меня ведетъ!“¹

Фешъ такъ и не понялъ, что великая звѣзда Наполеона — солнце.

Если въ жизни его была такая минута, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что несущія руки уходятъ изъ-подъ него, — надо искать ея въ самомъ зенитѣ его, въ высшей точкѣ полета. Наканунѣ Аустерлица, когда онъ уже зналъ, что завтрашнее солнце „взойдетъ, лучезарное“, — заговоривъ о древне-греческой трагедіи, онъ сказалъ: „въ наши дни, когда языческой религіи уже не существуетъ, для трагедіи нужна другая движущая сила. Политика, вотъ ея великая пружина, вотъ что должно замѣнить въ ней древній рокъ“.² Чтобы замѣнить рокъ волей человѣческой — политикой, надо человѣку возстать на рокъ. Только Наполеонъ это подумалъ, какъ началось его паденіе: рокъ возносилъ его покорнаго, возставшаго — низвергъ.

Кажется, впервые онъ ясно почувствовалъ, что уже не летитъ, а падаетъ, передъ самымъ началомъ русской кампаніи. „Цѣлыми часами, лежа на софѣ, онъ погруженъ былъ въ глубокую задумчивость; вдругъ вскакивалъ съ крикомъ: „кто меня зоветъ?“ и начиналъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, бормоча: „нѣтъ, рано еще, не готово... надо отложить года на три...“³ Но зналъ, что не отложить — начнетъ, увлекаемый Рокомъ.

„Я потерпѣлъ неудачу въ русской кампаніи. Что же меня уничтожило... Люди... Нѣтъ, роковыя случайности... Я не хотѣлъ войны, и Александръ тоже; но мы встрѣтились, обстоятельства толкнули насъ другъ на друга, и рокъ довершилъ остальное“. Это онъ говоритъ на Св. Еленѣ и „послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія, какъ бы просыпаясь“, говоритъ уже о пустякахъ — объ измѣнѣ Бернадотта — главной будто бы

причинѣ его, Наполеоновой, гибели. Зрячъ во снѣ — слѣпъ на-яву. ¹

Отъ Москвы до Лейпцига, все яснѣе чувствуетъ измѣну судьбы. „Мука моя была въ томъ, что я предвидѣлъ исходъ; звѣзда моя блѣднѣла, возжи ускользали изъ рукъ, и я ничего не могъ сдѣлать“. ² Какъ бы въ летаргическомъ снѣ, все видитъ, слышитъ, знаетъ — и не можетъ очнуться.

„Онъ такъ былъ изношенъ, такъ усталъ (подъ Лейпцигомъ), что, когда приходили къ нему за приказаніями, онъ часто, откинувшись назадъ въ креслѣ и положивъ ноги на столъ, только посвистывалъ“. ³ Но, можетъ быть, не „изношенъ“, а занятъ чѣмъ то другимъ, о другомъ задумался, отяжелѣлъ иною тяжестью, прислушивался къ инымъ голосамъ рока: „кто меня зоветъ?“ Только теперь, черезъ двадцать семь лѣтъ, дописывалъ ту пустую страницу, которую началъ словами: „Св. Елена маленькій островъ“.

„Чудесное въ моей судьбѣ пошло на убыль. Это уже было не прежнее, неизмѣнное счастье, осыпавшее меня своими дарами, а строгая судьба, у которой я вырывалъ ихъ какъ бы насильно, и которая мнѣ тотчасъ же мстила за нихъ. Я прошелъ Францію (вернувшись съ Эльбы); я былъ внесенъ въ столицу на плечахъ гражданъ, при общемъ восторгѣ, но только что я вступилъ въ нее, какъ словно по какому-то *волшебству*, все отъ меня отшатнулось, охладѣло ко мнѣ“. Истощилась магія — магнитъ размагнитился.

„Наконецъ, а побѣждаю подъ Ватерлоо, и въ ту же минуту падаю въ бездну. И всѣ эти удары, я долженъ сказать, больше убили меня, чѣмъ удивили. Инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что исходъ будетъ несчастнымъ не то чтобы это вліяло на мои рѣшенія и дѣйствія, но у меня было внутреннее чувство того, что меня ожидаетъ“. ⁴ „Со мной никогда ничего не случалось, чего бы я не предвидѣлъ“. Все предвидитъ, потому что онъ самъ

этотъ „волшебникъ“, который вызываетъ видѣнія сна своего:

Сквозь грозы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской.

„Мнѣ надо было умереть подъ Ватерлоо“, говоритъ онъ на Св. Еленѣ, съ совершенною ясностью, какъ бы даже „веселостью“. — „Но горе въ томъ, что, когда ищешь смерти, — ея не находишь. Рядомъ со мной, впереди, позади, — всюду падали люди, а для меня ни одного ядра“. ¹

„Падутъ подлѣ тебя тысяча, и десять тысячъ, оденую тебя, но къ тебѣ не приблизится“. Эта неуязвимость, нѣкогда благословенная, теперь становится проклятою.

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.

„Я полагаю, что обязанъ *моей звѣздѣ* тѣмъ, что попалъ въ руки англичанъ и Гудсона Лоу“. ² Вотъ куда вель его „незримый хранитель“.

„Страшная палица, которую онъ одинъ могъ поднять, опустилась на его же голову“. ³ И онъ, какъ будто зналъ — помнилъ всегда, что такъ будетъ, и даже странно сказать, какъ будто этого самъ хотѣлъ. О, конечно, хотѣлъ не-хотя, какъ человѣкъ, глядящій въ пропасть, хочетъ броситься въ нее!

„Когда моя великая политическая колесница несется, надо, чтобы она пронеслась, и горе тому, кто попадетъ подъ ея колеса!“ ⁴ Онъ самъ подъ нихъ попалъ. Понялъ ли тогда.

Круговращеніе великихъ колесъ,
Движущихъ каждое сѣмя къ цѣли его,
По волѣ сопутственныхъ звѣздъ. ⁵

Глядя на звѣздное небо съ южнымъ созвѣздіемъ

Креста, понялъ ли куда и въ какой колесницѣ несется?

Жертву вѣнчаютъ и связываютъ, чтобы вести на закланье? Понялъ ли онъ, что Рокъ увѣнчалъ и связалъ его, какъ жертву?

„Я никогда не былъ господиномъ моихъ собственныхъ движеній; я никогда не былъ по настоящему самимъ собою... Мною всегда управляли обстоятельства, и это до такой степени, что, при началѣ моего возвышенія, во времена Консульства, когда ближашіе друзья мои, самыя горячіе сторонники, спрашивали меня съ наилучшими намѣреніями, для того, чтобы знать, что имъ дѣлать: *чего я хочу, куда иду*, — я каждый разъ отвѣчалъ имъ, что *этого я и самъ не знаю*. Они удивлялись и, можетъ быть, досадовали, а между тѣмъ, я говорилъ имъ правду... И потомъ, во времена Имперіи, я читалъ на лицахъ тотъ же безмолвный вопросъ и могъ бы на него отвѣтить то же. Дѣло въ томъ, что я не былъ господиномъ моихъ дѣйствій, потому что не былъ такъ безразсуденъ, чтобы гнуть обстоятельства, и это часто давало мнѣ видъ непостоянства, непослѣдовательности, въ чемъ меня и упрекали. Но развѣ это справедливо?“¹

„Чего я хочу, куда я иду, — я этого и самъ не знаю“. Вотъ странное признаніе въ устахъ Наполеона, умнѣйшаго изъ людей. Какъ будто повторяетъ онъ вѣчное слово Гете о немъ: „Наполеонъ весь жилъ въ идеѣ, но не могъ ее уловить своимъ сознаниемъ“. — „Это выше моего разумѣнія, *cela me passe!*“ какъ сказалъ онъ, послѣ покушенія Фридь-Штапса. Не похожъ ли онъ на человѣка, котораго неодолима сила ведетъ, какъ слѣпого, за руку“.

А вотъ признаніе еще болѣе странное: „у меня нѣтъ воли. Чѣмъ больше человѣкъ, тѣмъ меньше ему надо имѣть воли: онъ весь зависитъ отъ событій и обстоятельствъ. *Plus on est grand, et moins on doit avoir de volonté*“.² Наполеонъ, человѣкъ безконечной воли — безъ воли. Величіе горя — свое величіе — онъ измѣ-

ряетъ отреченіемъ отъ воли. Мнимый владыка міра — настоящій рабъ. „Я говорю вамъ: нѣтъ больше раба, чѣмъ я: моя неумолимая владычица природа вещей“. Просто смиренно онъ говоритъ: „природа вещей“, „обстоятельства“, — чтобы не употреблять всуе святое и страшное слово: Рокъ.

Отреченіе, смиреніе, покорность, жертвенность — все это ему, казалось бы, столь чуждое, на самомъ дѣлѣ, родственно. „Не моя, а Твоя да будетъ воля“, этого онъ сказать не можетъ, какъ сынъ — Отцу, потому что не знаетъ ни Отца, ни Сына; но, кажется, въ смиреніи передъ невѣдомымъ Божествомъ съ покрытымъ лицомъ, упала на него тѣнь Сына.

„Человѣкъ, упоенный Богомъ“, сказалъ кто-то о Спинозѣ; о Наполеонѣ можно бы сказать: „человѣкъ, упоенный Рокомъ“.

„Богъ мнѣ далъ ее; горе тому, кто къ ней прикоснется! Dieu me l'a donnée; gare à qui la touche!“ воскликнулъ онъ, вѣнчаясь въ Миланѣ желѣзной короной ломбардскихъ королей. Бога вспомнилъ для другихъ, а про себя могъ бы сказать: „мнѣ далъ ее Рокъ!“

Вотъ отчего на лицѣ его такая грусть, или то, что глубже всякой человѣческой грусти, — нечеловѣческая задумчивость: это запечатлѣнность Рокомъ, обреченность Року.

„Когда я въ первый разъ увидѣлъ Бонапарта въ мрачныхъ покояхъ Тюльерійскаго дворца“,—вспоминаетъ Редереръ, — „я сказалъ ему: какъ грустно здѣсь, генераль!“—„Да, грустно, какъ величіе!“ отвѣтилъонъ“. ¹— „Есть у него всегда, даже на войнѣ, въ воззваніяхъ къ войску, что-то меланхолическое“. ² Въ самомъ пылу дѣйствія не покидаетъ его ничѣмъ неутолимая, незаглушаемая грусть или задумчивость.

„Въ минуты откровенности, онъ признавался, что былъ грустенъ, безъ всякаго сравненія со всѣми своими товарищами, во всѣхъ житейскихъ положеніяхъ“. ³ — „Я

не созданъ для удовольствія“, говорилъ онъ меланхолическимъ тономъ“. ¹ — „Люди мнѣ надоѣли, почести наскучили, сердце изсохло, слава кажется прѣсной. Въ двадцать девять лѣтъ, я все истощилъ“, пишетъ онъ, въ самое счастливое время своей жизни — время Египетской кампаніи. Это уже „міровая скорбь“. Кажется, онъ первый пріоткрылъ эту дверь въ кромѣшную ночь, и стужа междупланетныхъ пространствъ ворвалась въ комнату.

Я въ мірѣ не оставлю брата,
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя.
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока,
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.²

Наполеонъ улыбается или хохочетъ, но никогда не смѣется. ³ „Кто заглянулъ въ пророческую бездну Трофонія, уже никогда не будетъ смѣяться“, думали древніе.

„Всегда одинъ среди людей, я возвращаюсь домой, чтобы мечтать наединѣ съ самимъ собою и предаваться меланхоліи. О чемъ же я буду мечтать сегодня? О смерти“, пишетъ въ своемъ дневникѣ семнадцатилѣтній артиллерійскій подпоручикъ Бонапартъ, въ бѣдной комнаткѣ Оксонскихъ казармъ. И на высотѣ величія, императоръ Наполеонъ носитъ на груди ладонку съ ядомъ. Мысль о самоубійствѣ сопровождала его всю жизнь, хотя онъ и зналъ — „помнилъ“ что себя не убьетъ. И не отъ какихъ либо внѣшнихъ несчастій приходитъ ему эта мысль, а, оттого, что онъ устааетъ спать „летаргическимъ сномъ“ жизни и хочетъ, наконецъ, проснуться, хотя бы въ смерть.

„Бури ищетъ всегда твой безпокойный духъ“, — говоритъ ему Жозефина. — „Сильный въ желаніяхъ, слабый въ счастья, ты, кажется, только себя одного никогда не побѣдишь“. ⁴

Зачѣмъ ты обрекъ Гильгамеша покоя не знать,
Даль ему сердце немирное.

жалуется Богу мать богатыря. И Наполеонъ, какъ Гильгамешъ, — „другъ печали“.

Отъ тебя даже жизни ищу я;
Для него прохожу черезъ степи,
Черезъ моря, черезъ рѣки,
Черезъ горныя дебри.
Бѣды, муки меня изнурили,
Исказили мой образъ прекрасный, —

могъ бы онъ повторить древне-вавилонскую молитву къ богинѣ Иштарѣ. И донинѣ путь Гильгамеша-Наполеона не конченъ: вѣчно скорбящій, стенающій, какъ бы гонимый невѣдомой силой, все идетъ и идетъ онъ, остановиться не можетъ, подобно Агасферу и Каину. Путь его — путь всего человѣчества.

Онъ движется не по своей волѣ: кто-то бросилъ его, какъ бросаютъ камень. „Я обломокъ скалы, брошенной въ пространство. Je suis une parcelle du rocher lancée dans l'espace“.¹ Только продолжаетъ на землѣ безконечную параболу, начатую гдѣ-то тамъ, откуда брошень, и нашу земную сферу пролетаетъ какъ метеоръ.

8 августа 1769 года, за семь дней до рожденія Наполеона, появилась комета, которую астрономъ Миссиэ наблюдалъ съ Парижской обсерваторіи. Хвостъ ея, блестящій чуднымъ блескомъ, достигъ, въ Сентябрѣ, 60 градусовъ длины и, постепенно приближался къ солнцу, пока, наконецъ, не исчезъ въ лучахъ его, какъ бы сама комета сдѣлалась солнцемъ — великой звѣздой Наполеона.

А въ первыхъ числахъ февраля 1821 года, за три мѣсяца до смерти его, появилась надъ Св. Еленю другая комета. „Ее видѣли въ Парижѣ, 11 Января“, — пишетъ астрономъ Фей (Faue). „Въ Февралѣ, сдѣлалась она видимой

простому глазу, и хвостъ ея достигалъ 7 градусовъ. Ее наблюдали по всей Европѣ, а съ 21 Апрѣля по 5 Мая, и въ Вальпарайзо“. Значитъ въ обѣихъ гемисферахъ небесъ, по всей Атлантикѣ, послѣдному пути Наполеона.

„Слуги его увѣряють, будто бы видѣли комету на востокѣ“, — записываетъ, въ дневникѣ своемъ, докторъ Антоммарки, 2 Апрѣля 1821 года.— „Я вошелъ къ нему, въ ту минуту, когда онъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ. „Комета“, — воскликнулъ онъ, въ волненіи. — „Комета возвѣстила смерть Цезаря... И возвѣщаетъ мою“...¹ — „5 Мая (день смерти Наполеона)“, — сообщаетъ тотъ же астрономъ Фей, — „можно было съ острова Св. Елены видѣть въ телескопъ, какъ эта комета постепенно удаляясь отъ земли, исчезла въ пространствѣ“.²

„Несчастный! Я его жалѣю“, — писалъ никому еще неизвѣстный артиллерійскій подпоручикъ Бонапартъ, въ 1791 году, о гениальномъ человѣкѣ — о самомъ себѣ. — „Онъ будетъ удивленіемъ и завистью себѣ подобныхъ и самымъ жалкимъ изъ нихъ le plus misérable de tous... *Геніи суть метеоры, которые должны сгорать, чтобы освѣщать свой вѣкъ*“.³

Сгорать, умирать, быть жертвою, — таковъ удѣлъ его, — это онъ знаетъ уже въ началѣ жизни и еще лучше узнаетъ въ концѣ, на Св. Еленѣ, подъ созвѣздіемъ Креста: „Иисусъ Христосъ не былъ бы Богомъ, если бы не умеръ на Крестѣ“. Но знаніе это темно для него, какъ солнце слѣпыхъ: свѣтъ солнца не видятъ они, только теплоту его чувствуютъ, — такъ и онъ.

Богу солнца, Молоху, приносилъ онъ жертву на островѣ Горгонѣ, а на Св. Еленѣ приносится въ жертву самъ — кому, — этого онъ не знаетъ; но думаетъ, — Року.

Въ солнцѣ померкла звѣзда его. Что это за солнце, онъ тоже не знаетъ и то же думаетъ, — Рокъ.

Рокомъ называли древніе то, что мы называемъ „закономъ природы“, „необходимостью“. Существо обо-

ихъ — смерть, уничтоженіе личности, ибо законъ природы, такъ же безличенъ, какъ рокъ. Надо было выбрать жизнь или смерть, кроткое иго Сына или желѣзное—Рока. Мы выбрали послѣднее, и падаемъ жертвами его, такъ же какъ нашъ герой, Наполеонъ, самый великій изъ насъ и „самый жалкій“.

Кажется вѣщій сонъ его подобенъ сну Іакова. „И остался Іаковъ одинъ. И боролся Нѣкто съ нимъ до появленія зари. И увидѣлъ, что не одолѣеть его, сказалъ ему: отпусти Меня, ибо взошла заря. Іаковъ сказалъ: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня“. Іаковъ борется съ Богомъ, а Наполеонъ — съ Сыномъ Божьимъ. Борется съ Нимъ Наполеонъ Человѣкъ, такъ же какъ все отступившее отъ Христа человѣчество.

„Удалось ли христіанство?“ — нечестивый вопросъ. Надо бы спросить: удалось ли наше европейское христіанство? спасется ли оно со Христомъ или безъ Него погибнетъ, какъ вторая Атлантида? Этотъ вопросъ и задалъ намъ „человѣкъ изъ Атлантиды“ — Наполеонъ.

Онъ послѣдній герой Запада.

Придя на западъ солнца,
увидѣвъ свѣтъ вечерній,
поемъ Отца, Сына и Духа, Бога!

пѣли христіане первыхъ вѣковъ. Мы уже никому не поемъ, глядя на вечерній свѣтъ Запада, окружающій нашего послѣдняго героя сіяніемъ славы. Свѣтъ вечерній— за нимъ: вотъ почему лицо его такъ темно, невидимо, неизвѣстно для насъ, и, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ потухаетъ, все темнѣе, все неизвѣстнѣе. Но, можетъ быть, недаромъ оно обращено къ Востоку: первымъ лучемъ озарить его восходящее солнце Сына, и мы тогда увидимъ, узнаемъ его.

Да, только узнавъ, что такое Сынъ Человѣческій, люди узнаютъ, что такое Наполеонъ Человѣкъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

Страница 3.

- 1) Stendhal. Vie de Napoléon, p. 2.
- 2) Leon Bloy. L'âme de Napoléon. 1920. 7.

Страница 4.

- 1) Thiebault. Mémoires, éd. 1892, t. IV, p. 259.

Страница 5.

- 1) „Er hatte kein grösseres Erlebniss, als jenes ens realisimum“. — Nietzsche. Götzen-Dämmerung, 1899.
- 2) „Разговори Гете съ Эккерманномъ“.

Страница 6.

- 1) M-me de Stael Considération sur la Révolution française, III, ch., 26; IV, ch. 18.
- 2) F, Masson. Napoléon. Manuscrits inédits. éd. 1910, p. 5.
- 3) Remusat. Mémoires, II, 112. 4) 1 b., 1. 231.

Страница 7.

- 1) Lacour-Gayet. Napoléon, 576.
- 2) O'Meara. Napoléon en exil. 1897, 11, 6
- 3) Gourgaud. Journal inédit, éd. Flammarion, 11, 13.
- 4) 1, b, II, 163.
- 5) Remusat, 1, 125.
- 6) Chuquet, La jeunesse de Napoléon, 11, 15
- 7) Las Cases, Memorial, Ed. Garnier, 1, 308.
- 8) Рѣчь Наполеона въ Палатѣ Ста Дней, въ 1815 г
- 9) Manzoni.

Страница 8.

1) Taine, Les origines de la France Contemporaine, IX. Le Regime moderne t. I. Ed. Hachette.

2) Taine, P. с. 5.

Страница 9.

1) Taine, P. с., 142, 20, 129, 76.

2) Memorial, III, 256.

3) Bourienne. Mémoires, V. 435.

Страница 10.

1) J. Bertaut. Napoléon Bonaparte, Virilites, 169.

2) Arthur-Levy. Napoléon intime, 452.

3) Л. Толстой. Статьи о кампании 12-го года, прилож. къ „Войнѣ и Миру“.

4) Leon Bloy, L'âme de Napoléon, 1920.

Страница 11.

1) Id., 9—10.

Страница 12.

2) I b., 98. 3) I b., 24.

Страница 13.

1) I, b., L. с. 141. 2) Мémор., III, 37).

Страница 14.

1) Мémор., I, 450. 2) I b, II, 42. 3) I b, III, 357

4) O Meara I, 200.

Страница 15.

1) Segur, Hist. et. mèm., ed. 1873, v, 3 6.

2) Lakour-Gayet, Napoléon. 481.

3) I b., 503. 4) I b, 481.

Страница 16.

1) Thiebault, v, 277. 2) Houssaye, 1815, III, 356.

3) Houssaye, 1815, III, 1 5.

Страница 17.

1) V. Hugo, Châtiments. 2) Мémор. I, 177.

3) Ségur, II, 461. 4) Lacourt-Gayet 207.

Страница 18.

1) Гимнъ царю Ахенатону, въ гробницѣхъ Тель-эль-Амарны 1350 г. до Р. X.

2) Lacourt-Gayet, 570.

Страница 19.

1) Lacour-Gayet, 531. 2) Thiébault, V, 295. 3) Heine 4) Bloy, 42.

Страница 20.

1) Arthur-Lévy, 399. 2) Мémор., IV., 640. 3) Gourgaud, II, 270, 272.
4) O'Meara, II, 246.

Страница 23.

1) Ségur, v, 36.

Страница 25.

1) Lacour-Gayet, 177. 2) Ibid., 393. 3) Мémор., I, 148. 4) Houssoye, 1815, I, 512 5) Laour-Gayet, 505. 6) Houssaye, 1815, I., 605. 7) Ibid., II, 194. 8) Thibaudeau. Mémoires. 1913, p. 376.

Страница 26.

1) Мémор., III, 395. 2) Lévy, 51. 3) Rémusat, III, 353. 4) Holland, 193—194. 5) Roederer, 2. 6) Chuquet, II, 15.

Страница 27.

1) Мémор., III, 395. 2) Ibid., II, 245. 3) Ibid., IV, 43.

Страница 28.

1) Мémор., II, 17. 2) Goethe, Faust. 3) Мémор., IV, 243. 4) Rémusat, III, 224. 5) O'Méara, II, 282. 6) Ibid., 6.

Страница 29.

1) Rémusat, III, 153. 2) Roederer, 240. 3) Мémор., II, 245. 4) Ibid., 303. 5) Lacour-Gayet, 569.

Страница 30.

1) Мémор., I, 308. 2) O'Méara, I, 178. 3) Ibid., 1) Ségur, V, 46, — Мémор., III, 296. 2) Ibid.

Страница 31.

1) Б. Блокъ. Скифы. 2) Пушкинъ. Наполеонъ, 1821. 3) Мémор., III, 118. 4) Ibid. 5) Мémор., III, 370.

Страница 35.

1) Lacour-Gayet, 440. 2) Taine, 124. Metternich, II 304. 3) Мémор., II, 43.

Страница 36.

1) Roederer, 174. 2) Мémор., II, 245. 3) Мémор., IV, 152. 4) Ibid., III, 297. 5) Ibid., IV, 153. 6) Ibid., III, 298. 7) Ibid., IV, 211.

IV

Страница 37.

1) *Mémor.*, I, 530—532. 2) *Mémor.*, IV, 157. 3) *Mémor.*, IV, 115.

Страница 38.

1) Gourgaud, II, 345. 2) *Ibid.*, II, 170. 3) *Ibid.*, II, 345.

Страница 39.

1) Rémusat, I, 104. 2) Rémusat, III, 204. 3) Roederer, 240. 4) Hous-saye, 1815, I, 605. 5) Ségur, IV, 70. 6) Thiébault, III, 394.

Страница 40.

1) Rémusat, III, 200. 2) Roederer, 240. 3) Barbier, Jambes, La cavale. 4) Bourienne, I, 230.

Страница 41.

1) Bourienne, I, 322. 2) *Ibid.*, I, 353. 3) *Mémor.*, 11, 65. 4) Lacourt Gayet, 158.

Страница 42.

1) Abbé de Pradt. *Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812*, p. 23. 2) Marmont, *Mémoires*, III, 337.

Страница 43.

1) *Mémor.*, IV, 157. 2) Rémusat, I, 274.

Страница 44.

1) Rémusat, I, 332. 2) Gourgaud, II, 435. 3) *Mémor.*, IV, 50.

Страница 45.

1) Marmont. II. 242.

Страница 46.

1) Pasquier, *Mémoires*, I, 160. 2) *Ibid.* 3) Masson, *Manuscripts* 7—19.

Страница 47.

1) *Mémor.*, III, 251. 2) Rémusat, III, 49—50. 3) Lacour-Gayet, 210. 4) *Mémor.*, III, 248. 5) *Ibid.*, 254. 6) *Ibid.*, III, 257. 7) *Ibid.*, 258.

Страница 48.

1) *Ibid.*, 254. 2) *Correspondance*, XIX, 15, 384. 3) Léon-Bloy, I 1. 4) Lacourt-Gayet, 455.

Страница 52.

1) *Mémor.*, III, 173. 2) Bourienne, I, 253.

Страница 53.

1) Napoleon, der ganz in der Idee lebte, konnte sie doch im Bewusstsein nicht erfassen; er leugnet alles Ideelle durchaus und spricht ihm jede Wirklichkeit ab, indessen er eifrig es zu verwirklichen trachtet.

Страница 54.

1) Rapp, Mémoires, 147—153 — Bourrienne, IV, 411—417. — Constant, Mémoires, III, 115.

Страница 55.

1) Masson, Manuscrits, 569. 2) Fournier, Napoléon, I, 63. 3) Masson, Manuscrits, 556, 562, 563.

Страница 56.

1) Mémor., II, 154. 2) Gourgaud, II, 426. 3) Antommarchi, I, 134, 145, 4) Lacour-Gayet, 65. 5) Ségur, I, 453. 6) Fournier, I, 26.

Страница 57.

1) Roederer, 19. 2) Bertaut Virilités, 158. — Ce n'est pas fanatisme qui est à craindre maintenant, mais l'athisme. 3) Antommarchi II, 91. 4) Chuquet, II, 32. 5) Gourgaud, I, 408, II, 270.

Страница 58.

1) Mémor., III, 246. 2) Bourrienne, II, 148. 3) O'Mara, I, 182. 4) Antommarchi, II, 217. 5) Gourgaud, I, 410. 6) Bourrienne, I, 148. 7) Mémor., II, 76—77. 8) Bertaut, 35.

Страница 59.

1) O'Mara, II, 39. 2) Masson, St. Hélène, 434, 478. 3) Masson, Manuscrits, 5, 6.

Страница 60.

1) Ségur, VI, 385

Страница 62.

1) Masson, Manuscrits, 382—389. Сохранился только черновик повѣсти, довольно безграмотный, на плохомъ французскомъ языкѣ. Я долженъ былъ слегка упростить и объяснить его: иначе осталась бы непонятной страшная сила мысли и чувства. 2) Gourgaud, I, 101.

Страница 63.

1) Rémusat, I, 112. 2) Lacour-Gayet, 209. 3) Rémusat, I, 101.

Страница 64.

1) Antommarchi, I, 125. 2) Lacour-Gayet, 368. 3) Rémusat, I, 278. 4) Abrantès, I, 15. 5) J. Bertaut, 170.

Страница 65.

1) Gourgaud, I, 346. 2) Roederer, 165.

Страница 67.

1) Ségur, I, 465. 2) Пушкинъ, Къ морю, 1824.

VI

Страница 68.

¹⁾ Pasquier, I, 165.

Страница 69.

¹⁾ Мѣмор., IV, 160. ²⁾ Bourienne, IV, 389. ³⁾ Мѣмор., IV, 160.
⁴⁾ Houssaye, 1815, I, 3 2. ⁵⁾ Мѣмор., IV, 140.

Страница 70.

¹⁾ Ségur, IV, 76. ²⁾ Lacroix, 25. ³⁾ Taine, 25. ⁴⁾ Тютчевъ, 1853
⁵⁾ Taine, 101.

Страница 75.

¹⁾ Rémusat, I, 100—101. ²⁾ Houssaye, 1815, II, 322.

Страница 76.

¹⁾ Мѣмор., I, 88. ²⁾ Levy, 339. ³⁾ Lacour-Gayet, 335. ⁴⁾ Rémusat III 61. ⁵⁾ Antommarchi, I, 125.

Страница 77.

¹⁾ Cr. de Clary, Trois mois à Paris, . d. 1014, p 83.

Страница 78.

¹⁾ Rémusat, III, 383, I, 106, II, IX. ²⁾ Fain, Mémoires, éd. 1909, p. 291. ³⁾ Bourienne, II, 150. ⁴⁾ Vandal, Napoléon et Alexandre I, II, 256.
⁵⁾ Мѣмор., I, 361.

Страница 79.

¹⁾ Chuquet, III, 91.

Страница 80.

¹⁾ Rémusat, I, 106.

Страница 81.

¹⁾ Rémusat, III, 81.

Страница 82.

¹⁾ Pasquier, I, 359.

Страница 83.

¹⁾ Rémusat, I, 118.

Страница 84.

¹⁾ Мѣмор., IV, 82. ²⁾ Мѣмор., IV, 255. ³⁾ O'Méara, I, 313; II, 6.

Страница 85.

¹⁾ Lacour-Gayet, 160. ²⁾ Ségur, II, 252. ³⁾ Мѣмор., IV, 263, 264.
⁴⁾ Ibid., IV, 2 5—6.

Страница 86.

1) Pasquier, I, 192. 2) Lacour-Gayet, 162. 3) Ibid., 162.

Страница 87.

1) Pasquier, I, 185—187. 2) Lacour-Gayet, 165. 3) Pasquier, 194.

Страница 88.

1) Lacour-Gayet, 165. 2) Ségur, II, 269. 3) Ségur, II, 274.

Страница 89.

1) Rémusat, I, 347, 389, 390. 2) Ibid., I, 388. 3) Rémusat, III, 273.
4) Lacour-Gayet, 423, 441.

Страница 90.

1) Mémor., IV, 260. 2) O'Méara, I. 3) Mémor., IV, 267. 4) Ibid., IV, 641. 5) Pasquier, I, 106.

Страница 91.

1) Holland, 169.

Страница 92.

1) O'Méara, I, 17. — Mémor., I, 305. — Abell (Betzy Balcombe) trad. fr., ed. Plon, 1898, p. 62. 2) Вопреки сомнѣнію Буріенна, I, 372, это подтверждаютъ не только графъ Доръ, хирургъ Ларрей, докторъ Дженеттъ, но и самъ Наполеонъ въ бесѣдѣ съ О'Меара. III, 210. 3) Houssay. 1815, III, 356.

Страница 93.

1) O'Méara, II, 363. 2) Roederer, 346. 3) Fournier, III, 223.

Страница 94.

1) Fain, 253—257. 2) Ségur, IV, 403. 3) Houssaye, 1815, II, 229.

Страница 95.

1) Mémor., I, 312. 2) Marbot, II, 203, 210. — Ségur, III, 358. — Mémor., III, 222. 3) Ségur, III, 169. 4) Houssaye, 1815, III, 41.

Страница 96.

1) Fain, 291. 2) Fain, 301. 3) Bourienne, II, 139. 4) Mémor., IV, 243; I, 273—274.

Страница 97.

1) Holland, 198.

Страница 98.

1) Mémor., IV, 658—659; 642. 2) Fain, 95. 3) Constan, I, 7.

VIII

Страница 99.

1) *Constaut*, IV, 201. 2) *Levy*. 3) *O Méara*, I, 217. 4) *Bourienne*, II, 150. 5) *Rémusat*.

Страница 100.

1) *Abell*, 21, 108. 2) *Gourgaud*, II, 40. 450.

Страница 101.

1) *Lacour-Gayet*, 564. — *Abrantès*, ed. *Albin Michel* I.I, 304. — Наполеонъ на смертномъ ложѣ, рисунокъ англійскаго капитана Мерриета (*Marryat*), сдѣланный 5 Мая 1821, въ самый день смерти императора.

Страница 103.

1) *Mémor.*, I, 3. 5. 2) *Vandal*, *Bonaparte*, I, 261.

Страница 104.

1) *Gourgaud*, II, 19. 2) *Levy*, 488. 3) *Abbé de Pradt*, 94. — *Taine* 92. 4) *Abbé de Pradt*.

Страница 105.

1) *Lacour-Gayet*, 117, 2) *Ibid.*, 34. 3) *Roederer*, 246.

Страница 106.

1) *Chuquet*, I, 228. 2) *Holland*, 200, 3) *Séguir*, I, 265. 4) *Houssaye*, 1815, III, 215. 5) *Antommarchi*, I, 263.

Страница 107.

1) *Ibid.*, 301. 2) *Mémor.*, IV, 107. 3) Баратынскій, На смерть Гете. 4) *Rémusat*, I, 28.

Страница 108.

1) *Rémusat*, I, 103. 2) *Lévy*, 417. 3) *Antomarchi*, I, 35. 4) *Séguir*, V, 198.

Страница 109.

1) *Marmont*, III, 337. 2) *Houssaye*, 1815, III, 616. 3) *Bourienne*, II, 587. „Il faut jouer le tout pour le tout“. 4) „J'aimerais plus repos; mais le boeuf est attelé, il faut qu'il labour.“ 5) *Mémor.*, III, 523.

Страница 110.

1) *Roederer*, 250 — 251. 2) *Fain*, 77 — 78. 3) *Lacour-Gayet*, 375. 4) *Lévy*, 488. 5) *Mémor.*, III, 549.

Страница 111.

1) *Roederer*, 95—96. 2) *Pradt*, *Histoire de l'ambassade de Varsovie*, en 1812, préf. X et 5. — *Taine*, 51. 3) *Taine* 32. 4) *Pelet de Lozère*,

Opinions de N. au Conseil d'Etat, 8. 5) Gougaud, II, 109. 6) O Méara, I, 292. 7) Roederer, 95.

Страница 112.

1) Lévy, 51. 2) Taine. 31. 3) Мémор., III, 145. 4) Vandal, Bonararte, II, 257.

Страница 113.

1) Rémusat, I, 12. 2) Antommarchi, I, 216. 3) Fain, 192. 4) Ibid, 115.

Страница 114.

1) Houssaye, 1815, I, 153. 2) Мémор., I, 296. — Ségnr, III, 308, Fain, 290. 3) Fain, 290. 4) Bourienne, III, 308. 5) Fain, 3, 57.

Страница 115.

1) Мémор., III, 145. 2) Lacour-Gayet, 367.

Страница 116.

1) Мémор., IV, 649—650.

Страница 117.

1) Мémор., I, 203. 2) Lacour Gayet, 471.

Страница 118.

1) J. Bertaut, 192. 2) 3) Ibid., 45. 4) Gourgand.

Страница 119.

1) J. Bertaut, I 6 2) Roederer, 4. Это сказано почти накануне 18 Брюмера.

Страница 120.

1) Bertaut, 163. 2) Gourgand, II, 424. 3) Lacour-Gayet, II, 460. 4) Gourgand, II, 460.

Страница 121.

1) Stendhal, 194. 2) Мémор., I, 314. 3) Gourgand, II, 461. 4) Мémор., I, 316. 5) Ibid., I, 315—316. 6) Ibid. IV, 144.

Страница 123.

1) Ségur, I, 300, 291. 2) Stendhal, 219.

Страница 124.

1) Lacroix, 194. 2) Séegur, I, 300.

Страница 126.

1) Ségur, I, 308. 2) Antommarchi, II, 110. Умирающий Наполеонъ произнесъ внятно только два слова—tête! armée. Вроятно „tête“ значить „tête de pont“ — мостовое укрѣпленіе. Смысл бреда: мостъ — армія: сраженіе на мосту.

Страница 127.

1) Masson, Mme Bonaparte, 91. 2) O'Méara, II 304.

Страница 128.

1) Constant, II, 167. 2) Houssaye, 1814, 312.

Страница 129.

1) Houssaye, 1815, I, 153. 2) Ibid., II, 271. 3) Lévy, 279. 4) Ibid., 171. 5) O'Méara, I, 311.

Страница 130.

1) Mémor., III, 222. 2) Marbot, II, 16. 3) Houssaye, 1815, II, 271. 4) Ségur, IV 285.

Страница 132.

1) Ségur, III 351—359. Marbot, III, 200. 2) O'Méara, II, 180 3) Lacroix, 250, 4) Ségur, IV, 76.

Страница 134.

1) Тютчевъ. 2) Lacour Gayet, 200. 3) Ibid. 201. 4) Houssaye, 1815, II, 82.

Страница 135.

1) Mémor., I, 306. 2) Lacour-Gayet, 576. 3) Gourgaud, II, 346. 4) Mémor., II, 140. 5) Mémor., I, 296. 6) Ibid., III, 267. 7) Ibid., IV, 243. 8) Ibid., I, 308—309.

Страница 136.

1) Roederer, 212. 2) Maurice Barrès, „Les déracinés“. Барресь называетъ Наполеона не совсѣмъ удачно профессоромъ энергіи, le professeur de l'énergie. Менѣ всего Наполеонъ похожъ на профессора; да и само слово „энергія“ слишкомъ отвлеченно и механично для такого органическаго явленія, какъ Наполеоново мужество. Но мысль вѣрна. 3) J. Bertaut. 4) Пушкинъ, Пиръ во время чумы.

Страница 137.

1) Ségur, II, 457. 2) Thibaut, IV, 250. 3) Masson, Manuscrits, 54. 4) Bourienne, V, 428.

Страница 138.

1) Merejkovsky, Les mystères d' Orient. — Egypte, Babilon, ed de l'Artisan du Livre, Paris, 1927. — Д. Мережковскій, Тайна Трехъ, изд. „Пламя“, Прага. 1925, стр. 286 — 289, объ отношеніи Гильгамеша къ Атлантидѣ. 2) Gilgamés, XI, 206. 3) Ibid., I, 1—51.

Страница 141.

1) Abel, 112. 2) Il me semble quelquefois que je suis morte et qu'il ne me reste qu'une sorte de faculté vague de sentir que je suis plus.

Страница 142.

1) Je suis la mère de toutes les douleurs. 2) Stendhal, 5. 3) Macdonald, Souvenirs, éd. 1910, p. 280.

Страница 143.

1) Майковъ, Три смерти.

Страница 144.

1) Lasour-Gayet, 477. — Masson, Napoléon et son fils, 238. — Masson, Josephine republiée, 296. 2) Ségur, V, 20. 3) Ibid., V, 34. 4) Ibid, V, 47, 5) O'Méara, I, 181. 6) Gourgaud, I, 182. 7) Ségur, V, 71.

Страница 145.

1) Rémusat, I, 102. 2) Bourienne, III, 499. Giulio, conte improvisé par Napoléon. — „On vit paraître à Rome un être mystérieux qui prétendait dévoiler les secrets de l'avenir et qui s'enveloppait d'ombres si épaisses que son sexe même était l'objet de doute et de discussion. Les uns.. décrivaient les formes et les traits d'une femme, tandis que les autres justifiaient leur effroi en lui donnant l'aspect d'un monstre hideux“. Самъ Наполеонъ—„корсиканское чудовище“; у него тоже „магнетическое предвидѣніе“ и „полнота не нашего пола“, un embonpoint qui n'est pas de notre sexe“. (Mémor., II, 88).

Страница 146.

1) Ibid., III, 513, 509. 2) Ibid., IV, 181. 3) Bourienne, I, 326. 4) Mémor., III, 298.

Страница 147.

1) Rémusat, III, 115. 2) Mémor., IV, 197. 3) Ségur, II, 471.

Страница 148.

1) Constant, I, 280. 2) Rémusat, I, 337.

Страница 149.

1) O'Méara, I, 363. 2) Thibaudeau, 455, Слово Фуше. 3) Lévy, 341. 4) J. Bertaut, 181, 5) Mémor., IV, 149. 6) Vandal, N. et Alexandre, I, II, 164.

Страница 151.

1) Masson, Le sacre de N, p. V. 2) Mémor., 254.

Страница 152.

1) Constant, II, 56.

Страница 153.

¹⁾ Ibid., IV, 245.

Страница 154.

¹⁾ Thiébauld, IV, 390—393. ²⁾ O'Méara, I, 152. ³⁾ Gourgaud.

Страница 155.

¹⁾ Mémor., II, 60. ²⁾ Ségur, II, 390. ⁴⁾ Ségur, III, 380. ⁵⁾ L, Bloy, 9, 97, 232. ⁶⁾ O'Méara, I, 163.

Страница 157.

¹⁾ Тютчевъ, Сонъ на морѣ. ²⁾ Bourienne, IV, 389. ³⁾ Mémor., IV. ⁴⁾ Gourgaud, II, 362. ⁵⁾ Miot de Mérito, Mémoires éd. 1880, I, 289.

Страница 158.

¹⁾ Ségur, IV, 74. ²⁾ Marmont, II, 42. ³⁾ Mémor., IV, 162. ⁴⁾ Hous-saye, 1815, III, 393.

Страница 159.

¹⁾ O' Méara, I, 363. ²⁾ Masson, Manuscrits, 367. ³⁾ O' Méara, I, 185. ⁴⁾ O'Méara, I, 334.

Страница 160.

¹⁾ Abrantès, II, 53.

Страница 161.

¹⁾ Gourgaud, II, 54. ²⁾ Жоржъ Кадудаль, роялистскій заговорщикъ 1804 г. ³⁾ Ségur, IV, 74.

Страница 162.

¹⁾ Marmont, III, 340. — Ségur, IV, 81. ²⁾ Ségur, II, 457. ³⁾ Ibid., IV 87.

Страница 163.

¹⁾ Mémor., IV, 158—159. ²⁾ Ibid., II, 60. ³⁾ Stendhal, 287. ⁴⁾ Mémor., IV, 160—161.

Страница 164.

¹⁾ O'Méara, II, 191. ²⁾ Ibid., I, 350. ³⁾ Rémusat, I, 383. ⁴⁾ Ibid., III, 390. ⁵⁾ Dante, Purgat., XXV, 109.

Страница 165.

¹⁾ Mémor., IV, 151—152. ²⁾ Masson, Sacre, p. V.

Страница 166.

¹⁾ Roederer, 84. ²⁾ Ibid, 85. ³⁾ Rémusat, I, 267.

Страница 167.

1) Rémusat, I, 242. 2) Лермонтовъ. 3) Fain, 287. 4) Ségur, IV, 70.

Страница 168.

1) Mémoires, III, 266.

Страница 169.

1) Antommarchi, II, 54. 2) Ibid., Notre D. Lacroix 3) Masson, Manuscrits 567.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Судьи Наполеона	3
Устроитель хаоса	23
Владыка міра	33
Человѣкъ изъ Атлантиды	51
Злой или добрый	73
Работникъ	103
Вождь	117
Commediante	143
Рокъ	151
Примѣчанія	I — XIII

Цѣна 30 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.
Јакшићева ул. бр. 2. Београд.